

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

149

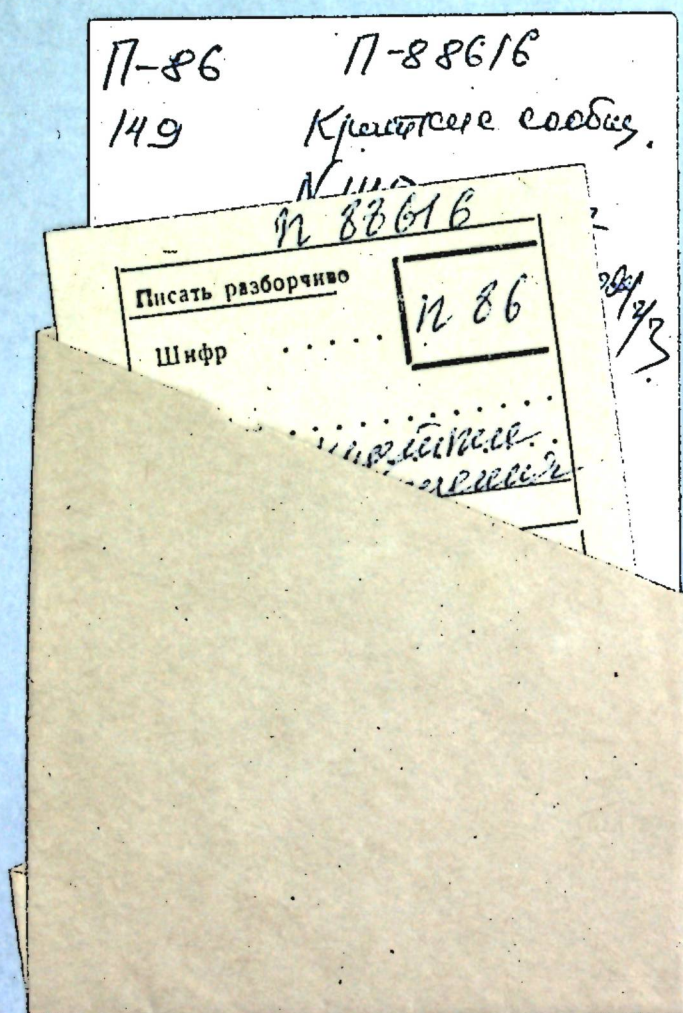
ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

149

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА

ОТ РЕДАКЦИИ

8—11 декабря 1974 г. состоялось совещание, посвященное проблемам исследования мезолита и организованное Ленинградским отделением Института археологии АН СССР. В нем приняли участие 60 специалистов основных археологических учреждений СССР. Было заслушано 24 доклада и 43 выступления.

Наряду с обсуждением общих вопросов методологического характера (о сущности и хронологических рамках мезолитической эпохи, взаимоотношении человека и среды, установлении причин, вызывающих различия мезолитических индустрий) на совещании рассматривались и особенности материальной культуры мезолитических племен конкретных регионов.

Во вступительном слове Н. Н. Гурина остановилась на задачах изучения мезолита. Ряд докладов был посвящен вопросам формирования мезолитических культур и зависимости их от экологических условий (П. М. Долуханов, Н. М. Ермолова).

Большинство участников совещания (Д. Я. Телегин и др.) пришли к выводу, что при выделении мезолитических культур основное внимание должно быть обращено на типологию. Геоморфологические и стратиграфические данные необходимо привлекать в качестве важных дополнительных материалов. Отмечалась немалая роль и экологических факторов (М. К. Габуния, Л. Д. Церетели).

Одной из наиболее сложных признана проблема происхождения и датировки мезолитических культур. Докладчики указывали на необходимость выявления локальных мезолитических культур (Н. Н. Гурина, П. М. Долуханов, Л. Я. Крижевская), а также уточнения терминологии (понятия «культура», «культурные области» и «зоны»).

Участники совещания отметили, что на базе вновь накопленного материала ставятся и в известной мере решаются вопросы культурно-территориального членения мезолитических памятников, их абсолютной и относительной хронологии. Подчеркивалась необходимость расширения исследования мезолита. Особо выделялся вопрос изучения мезолитического хозяйства, взаимосвязи природной среды и человеческого общества, уточнения абсолютных и относительных дат.

Настоящий выпуск «Кратких сообщений» составлен по материалам совещания.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Н. Воронин, О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь),
Н. Н. Гурина, И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарева, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

И. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ
ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА СССР

После первого совещания, посвященного проблемам изучения мезолита (1962 г.), прошел немалый срок. Естественно возникает вопрос, какие изменения произошли за этот период в познании мезолита?

Одно из самых существенных достижений, в основном определяющих все этапы исследования, — увеличение количества источников. За прошедшие годы было открыто и частично или полностью изучено большое количество новых мезолитических памятников на территории от Заполярья до южных степей и от Балтийского моря до Тихого океана. До этого во многих больших регионах они вовсе не были известны. В ряде областей удалось систематизировать мезолитические памятники, выявить их специфику и во многих случаях расчленить на последовательные хронологические этапы. Так, в Эстонии помимо уже известных памятников (Куида, Нарва) открыты и изучены Л. Ю. Янитсом первоклассные ранне-мезолитические стоянки типа Пулли, залегающие под отложениями Иольднего моря, а также иные по характеру сырья и индустрии поздне-мезолитические стоянки (Лепакозе и др.).

На территории Карелии благодаря работам Г. А. Папкрусшева и других открыто, раскопано и систематизировано большое количество новых мезолитических стоянок, выявлены разнокультурные элементы. Помимо вновь открытых памятников мезолита типа комсо-культура на Кольском полуострове найдены и стоянки иного характера — с южными элементами индустрии. В самые последние годы сделаны замечательные открытия в Латвии — обнаружена стоянка позднего палеолита Саласпилс, тщательно исследованы погребения и стоянки мезолита в Звейниеке, открыты новые мезолитические памятники в Лубанской низменности (Ф. А. Загорский, И. А. Лозе, И. А. Загорская, Р. Я. Денисова). Крупным достижением следует считать систематизацию большого числа мезолитических памятников Литвы, установление их различного этнокультурного происхождения и генезиса (Р. К. Римантене).

Огромное количество мезолитических памятников было обнаружено и изучено в Южной и Центральной Белоруссии В. Ф. Исаенко, что позволило ему сделать ряд важных обобщений. Интересные стоянки в Северо-Западной Белоруссии исследованы М. М. Чернявским. Успешно ведет работу по поискам новых и осмыслению ранее собранных разрозненных материалов мезолита Юго-Восточной Белоруссии В. Ф. Копытин.

Д. Я. Телегиным получены новые материалы, проведена детальная систематизация мезолитических памятников лесостепной Украины. Многочисленные мезолитические памятники были найдены и тщательно изучены в степях европейской части СССР В. Н. Станко. Открыты, изучены и систематизированы мезолитические памятники Восточного Крыма (Л. Г. Мацкевой).

Очень много сделано для обнаружения и изучения новых мезолитических памятников Кавказа (Л. Д. Церетели и М. К. Габуния).

Весьма существенными для изучения мезолитической эпохи в целом оказались памятники, обнаруженные и исследованные в Молдавии (А. П. Черныш и Н. А. Кетрару).

Открыто большое число мезолитических стоянок и переосмыслены уже известные материалы по Среднему Поволжью (М. Г. Косменко). Благодаря работам Г. Н. Матюшина впервые получили известность и были систематизированы многочисленные своеобразные памятники мезолита Урала. Обнаружены и частично исследованы мезолитические стоянки на северо-востоке европейской части СССР, в Большеземельской тундре, Коми АССР, Архангельской и Кировской областях (Г. М. Буров, В. Е. Лузгин, И. В. Верещагин, С. В. Ошибкина). Значительные работы по обнаружению и осмыслению мезолитических памятников, в частности их этнокультурной принадлежности, были проведены в Верхнем и Костромском Поволжье (Л. В. Кольцов, Д. Я. Крайнов, Н. Н. Гурина, И. В. Гаврилова). В. П. Третьяковым обнаружены новые мезолитические стоянки в верховье Днепра. В самые последние годы получены первоклассные очень важные материалы по мезолиту Прикаспия (А. Н. Мелентьев).

На территории Западной и Восточной Сибири существенные открытия в области мезолита были сделаны Г. И. Медведевым, В. Ф. Старковым и другими. Знаменательно, что в последнее время найдены мезолитические памятники, в ряде случаев надежно стратифицированные, на Крайнем Азиатском Севере — на Таймыре, в Якутии, на Чукотке (Л. П. Хлобыстин, Ю. А. Мочанов и Н. Н. Диков). Важные результаты получены по изучению мезолита на Дальнем Востоке (А. П. Окладников, Р. С. Васильевский, В. В. Вязовская). Очень значительный вклад в изучение мезолита Средней Азии внесли работы А. П. Окладникова, Г. Ф. Коробковой, У. И. Исламова, В. А. Ранова.

Заметно уменьшилось количество белых пятен на мезолитической карте, и возникли более углубленные представления о сущности эпохи в целом.

К достижениям в области изучения мезолита следует отнести также надежное выделение ранне-неолитических памятников в ряде областей, позволившее уточнить верхнюю границу мезолитической эпохи. Углубленное изучение полевых материалов, среди которых были обнаружены «чистые» комплексы, и переосмысление в свете их ранее известных материалов впервые сделали возможным выделение памятников раннего неолита на северо-востоке европейской части СССР (В. Е. Лузгин, Кольском полуострове (Н. Н. Гурина). В Эстонии, Латвии, Литве, Белоруссии изучены парвская и неманская культуры (Л. Ю. Янитс, Н. Н. Гурина, Ф. А. Загорский, Л. Ю. Ванкина, Р. К. Римантене, В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский). Исследования велись в Псковской области (А. М. Микляев), на Урале (Г. Н. Матюшин), в Верхнем Поволжье (Н. Н. Гурина, Д. А. Крайнов, Ю. Н. Урбан), в Волго-Окском междуречье (В. М. Раушенбах, И. К. Цветкова), в Приазовье (Л. Я. Крижевская), в Прикаспии (А. Н. Мелентьев), на Азиатском Севере (Ю. А. Мочанов, Н. Н. Диков, Л. П. Хлобыстин), на Дальнем Востоке (А. П. Окладников, А. П. Деревянко и другие), в Средней Азии (В. А. Ранов, Г. Ф. Коробкова, А. Ю. Юсупов). Вот далеко не полный перечень областей, где был открыт ранний неолит в последние годы. Важно подчеркнуть, что правомерность выделения этого хронологического этапа была подкреплена в ряде случаев данными радиоуглеродного анализа (лаборатория Ленинградского отделения Института археологии АН СССР).

Таким образом, даже беглый перечень сделанного за последние годы в изучении мезолита свидетельствует о несомненных успехах. Однако они далеко не достаточны. Так, до сих пор еще остается много районов, где, строго говоря, изучение мезолита только начато, и перед исследователями встают еще не решенные проблемы. Иногда сказывается явный недостаток источников, что затрудняет решение и вопросов общего харак-

тера. В других случаях новые материалы не укладываются в ранее выработанные схемы и требуют их пересмотра.

В усиленном внимании нуждается проблема генезиса мезолита и его финальной поры. Особую роль играют области, где имеются палеолитические памятники, без которых не может быть решен вопрос о путях проникновения населения и этнокультурных связях, а следовательно, невозможно и выделение различных мезолитических культур и их вариантов. Для успешного решения этой чрезвычайно важной и актуальной проблемы, с нашей точки зрения, требуется работа в трех направлениях: получение максимального количества источников путем расширения полевых исследований; систематизация материала в рамках каждого региона и выработка типологии и номенклатуры мезолитических орудий; предельно полная публикация источников. Совершенно необходимо также увеличение количества радиоуглеродных датировок с тем, чтобы иметь твердые основания для сопоставления памятников во времени.

К числу первоочередных задач следует отнести выявление мезолитических культур и их вариантов на основе глубокого изучения всей суммы источников, вычленения раннего неолита на базе отчетливых, широкой площадью раскопанных памятников, изучение изменений и развития индустрии, специфики хозяйства, домостроительства, погребального обряда и искусства мезолитических племен отдельных регионов.

Разработка всех этих вопросов должна преследовать общую цель — определение времени и путей заселения северных территорий СССР, выявление общих и локальных черт культуры, этнокультурных общностей, социальных изменений и мировоззрения в эпоху мезолита. Сущность этих процессов не может быть понята только при изучении памятников узко ограниченной территории, что не исключает тщательного изучения конкретных областей.

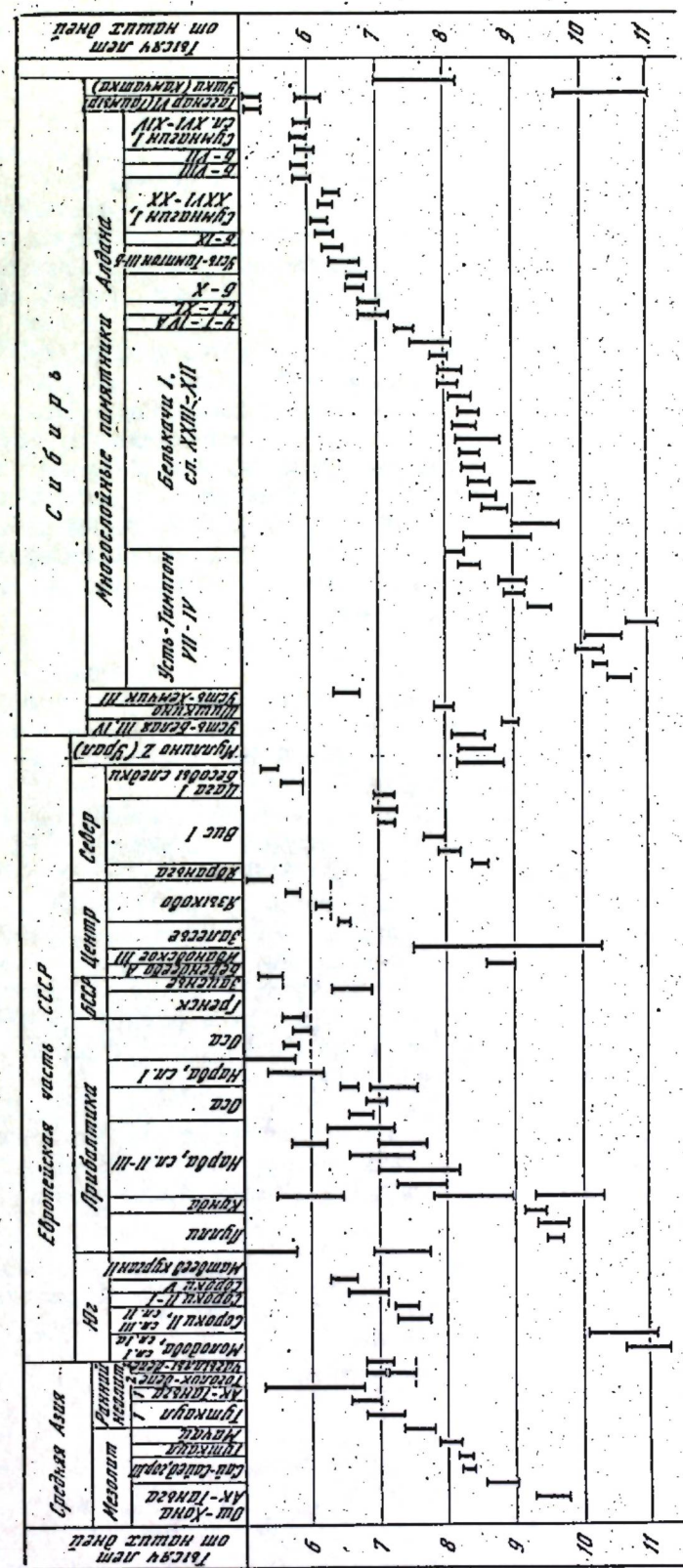
С нашей точки зрения, необходимым условием для успешного решения всех этих вопросов является объединение усилий исследователей, в частности представителей смежных наук, и систематический созыв совещаний по проблемам мезолита, на которых специалисты смогут выдвинуть наряду с конкретными и общие задачи, а также наметить скорейшие пути их реализации.

В. И. ТИМОФЕЕВ

АБСОЛЮТНАЯ ДАТИРОВКА МЕЗОЛИТА ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ С¹⁴

Для мезолитических памятников Европы к настоящему времени опубликовано около 300 дат, установленных методом С¹⁴. Вместе с имеющимися сведениями для финального палеолита некоторых регионов и с довольно уже многочисленными датами ранне-неолитических памятников они позволяют получить некоторое представление о временных границах и продолжительности мезолита. Неполнота картины обусловлена неравномерной изученностью различных регионов и памятников различных хронологических периодов.

Наиболее разработана шкала «радиоуглеродной» хронологии для мезолита Северо-Западной Европы¹. Так, серии дат памятников Дании и Южной Швеции устанавливают время бытования индустрии Маглемозе в пределах тысячелетия (9—8 тыс. лет тому назад, датировки Барре-Мосе, Муллеруп, Улкеструп и др.), мезолитической культуры «морского побережья» — в пределах двух тысяч лет (8—6 тыс. лет тому назад).

Данные о временных границах мезолита на территории СССР

1 — гиссарская культура; 2 — кнейтунская культура; Б — Бельячи I; У-Т — Усть-Тимгои; С — Сумгаити I; пунктиром обозначена нижняя граница наиболее ранних неолитических датировок

Наиболее ранние даты памятников культуры Эртебелле — 6—5,5 тыс. лет тому назад (около 30 дат С¹⁴). Большая серия отдельных дат однослойных стоянок Голландии, даты мезолитических памятников севера ФРГ и ГДР приходится на интервал 10—6 тыс. лет тому назад. Мезолитические памятники Британских островов датированы по С¹⁴ временем от 10 до 5,5 тыс. лет тому назад. На 5,5—5 тыс. лет тому назад приходится серийные даты раннеолитических памятников этой территории. Многочисленные данные С¹⁴ для памятников Франции. Даты средних — поздних фаз мадлена охватывают время от 16—15 тыс. лет тому назад до начала голоцена; ранние даты азиля уходят в плейстоцен (12—11 тыс. лет тому назад). Серийные даты имеются для индустрии совтерьяна (10—7 тыс. лет тому назад) и тарденуазской индустрии (от 8,5 тыс. лет тому назад до собственно неолитического времени — 5,5—5 тыс. лет тому назад).

Для юга Европы данных относительно меньше. Серийные даты С¹⁴ определены рубеж мезолита — неолита: около 8—7,5 тыс. лет тому назад для Греции; наиболее ранние даты неолитических памятников Балканского полуострова — 7,5—7 тыс. лет тому назад. Большая серия дат опубликована в последние годы для памятников Юго-Западного Средиземноморья. Бытование индустрии эниграветта Италии приходится и на конец плейстоцена (от 13—12 тыс. лет тому назад), и начало голоцена. Для определения верхней границы мезолита этого региона большой интерес представляют недавно полученные даты С¹⁴ для памятников раннего неолита Корсики (около 7,5—7 тыс. лет тому назад).

Для определения возраста мезолита севера Европы важны серии дат мезолитических стоянок Юго-Западной Норвегии и Западной Швеции. Наиболее ранние из них соответствуют времени около 8 тыс. лет тому назад; меньше данных о верхней границе мезолита этой территории. Даты ранней керамики Финляндии — около 6 тыс. лет тому назад (Сауво — стоянка с керамикой типа Екерле).

Касаясь вопроса временных границ, можно констатировать различный возраст рубежа мезолита — неолита на разных территориях. Сложнее вопрос о границе палеолита — мезолита: большинство исследователей связывают ее с рубежом плейстоцена — голоцена (по радиоуглеродным данным — около 10 тыс. лет тому назад)². Условность такого сопряжения очевидна — типологически прослеживаемые изменения в инвентаре стоянок не могли произойти на всей территории ойкумены синхронно. Решение этого вопроса следует искать, видимо, не в углублении хронологической границы голоцена, а в признании возможности датировать ранний мезолит южных территорий еще плейстоценом.

Мезолит на территории отдельных регионов СССР также датируется различно (рис.). Пока определенно можно говорить о том, что появление керамики на обширных пространствах лесной зоны происходит около 6 тыс. лет тому назад, а в южных районах — в более раннее время.

РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА, МЕЗОЛИТА И РАННЕГО НЕОЛИТА ЕВРОПЫ

(датировки приведены
для значения полураспада С¹⁴ 5570±30 лет)

1. Дания и Швеция

Ранний мезолит. Бармосен: К—1359, 9240±150; Дравд Мосе: К—1466, 9390±120; К—1650, 9280±160; К—1139, 9250±180; К—1149, 9210±180; К—1465, 9130±150; К—582, 9060±130; К—914, 9050±160; К—790, 8990±140; К—1794, 8790±140; К—841, 8470±150; К—791, 8430±140; К—828, 8390±150; К—1017, 8250±170; К—1016, 8180±190; Клостер-

лунд: К—1317, 9230±150; К—1452, 9200±140; К—1316, 9140±150; К—1315, 8920±140. Маглемозе. Барре Мосе: Lu—453, 9430±95; Lu—231, 8970±100; Lu—230, 8800±100; Lu—60A, 8800±100; Lu—61B, 8660±100; Lu—61A, 8570±100; Lu—60B, 8410±100; Lu—455, 7860±90; Муллеруп: К—1609, 8660±120; К—1610, 8500±140; К—1611, 8520±140; К—1612, 8330±110; Мелстед: К—586, 8190±130; Улкеструп II: К—1507, 8170±120; К—1508, 8030±140; К—1509, 8050±140; Эбакон: Lu—43, 6960±205. «Ранняя культура побережья». Конгемосен: К—571, 8720±130; К—570, 8400±150; К—586, 8190±130; К—1526, 7840±140; К—1528, 7560±120; К—1589, 7350±120; К—1588, 7280±130; К—1527, 6820±120; Виллингбэк: К—1368, 7280±120; К—1334, 7220±120; К—1372, 7120±120; К—1371, 7090±120; К—1370, 7070±120; К—1369, 7040±120; К—1486, 7030±130; Мансдален: К—1827, 7530±130; К—1826, 7150±130; К—1825, 7040±120; Ведбэк: К—1303, 6510±110; Бровст: К—1661, 6680±150; К—1614, 6590±130; К—1860, 6560±120; К—1858, 6450±120; К—1660, 6420±130; К—1862, 6160±110; Хенриксхольм: К—1829, 6170±120; К—1828, 6050±120; К—1844, 5910±120; Хойелсп: К—1098, 6080±130; Норслунн: К—973, 6520±130; К—990, 5730±120; К—991, 5680±120. Культура Эртебелле. Салпетермосен: К—1233, 6020±100; К—1234, 5780±120; К—1232, 5550±120; К—1235, 5410±120; Сиреторп: Lu—562, 5930±70; Халдруп Странд, К—1612, 5630±120; Эртебелле: К—1529, 5760±100; К—1530, 5660±120; К—1531, 5600±120; К—1534, 5580±110; К—1533, 5570±110; К—1532, 5560±110; К—1535, 5110±100; Бровст: К—1613, 5610±110; К—1856, 5500±100; К—1859, 5490±110; К—1857, 5450±110; К—1864, 5420±100; К—1855, 5410±100; К—1861, 5410±110; К—1863, 5400±110; Рингкостер: К—1652, 5610±110; К—1765, 550±110; К—1653, 5490±100; Солагер: К—1723, 5520±110; Эльби-Лин: К—1231, 5320±130; К—1230, 5210±130; Эллилунд: U—48, 5320±210; Флиндерхаге: К—1450, 5230±100.

2. Северо-Западная Европа

Финальный палеолит. Федермесер. Риссеп: H8—11, 11930±290; H21—18, 11550±280; H75—68, 11450±180; Y—157A, 10560±200; Y—157B, 9280±290; Будел II: GrN—1675, 11440±120; Васкемир: GrN—4871, 11150±190; Gro—607, 10800±230; Дуурсвоуде II: GrN—1565, 11090±90; Хорн Хаэлен: Gro—497, 11100±320; Gro—498, 10950±300; Минихезе: GrN—2314, 10880±125; GrN—2318, 8500±160; Недервирт: Gro—908, 9315±110. Гамбургская культура. Поттевинн: H32—60, 15700±350; W—93, 15150±350; H31—67, 13050±270; H136—116, 12980±370; H32—118C, 12850±500; W—271, 11750±200; Майендорф: W—172, 15750±800; H38—121B, 12300±300; H38—121A, 12000±200; W—281, 11870±200; W—264, 11790±200; Y—158-2, 10760±250; Y—158, 9540±130; Штелльмор, нижний слой: W—261, 12450±200; Линде: Gro—603, 11020±230; Gro—1059, 10720±85. Арнсбургская культура. Будел IV: GrN—1687, 11070±90; Штелльмор (верхний слой); Y—159-2, 10320±250; W—262, 9500±200; Y—159, 9310±260; Ардхорст: GrN—4180, 11140±70; Ремушамп: Lu—535, 10380±170. Мезолит. Дювензи: H23—22, 9200±300; H26—23, 9030±350; Y—161, 8760±70; Луиксгестель: GrN—4181, 9970±105; Хапентанге: GrN—4673, 960±50; Меттинген: GrN—4870, 8790±60; Минихезе: GrN—2318, 8500±160; Виллдер Белтен: GrN—4057, 8480±90; Ратстерхауле: GrN—3042, 8365±75; Эрмело: GrN—1559, 8210±75; Ойршот V: GrN—1659, 8030±50; Зигерсвоуде: GrN—1509, 7960±70; Дроуэн: Gro—513, 7875±70; Ээн I: GrN—1506, 7800±110; Ээн II: GrN—1508, 7725±100; Дуурсвоуде III: GrN—1175, 7710±70; Дуурсвоуде IIIA: GrN—1173, 7700±100; Дуурсвоуде: GrN—1567, 7700±70; Хатерт: GrN 1602, 7670±110; Васкемир-Вест: Gro—615, 7455±120; Хауле: Gro—128, 7525±200; Ойршоте Хайде: GrN—1510, 7510±69; Вартена: GrN—4324, 7450±80; Де Лейен: GrN—1683, 7230±65; GrN—685, 6960±140; Тильбург: GrN—597, 6500±120; Маархезе: GrN—2446, 6230±115. Ранний неолит. Культура Эртебелле — Эллербек (север ГДР и ФРГ). Эллербек: Y—440, 6060±200; Рюде: Y—160, 5690±70; Y—441A, 5620±200; Y—471, 5620±50; Хайдмур: Y—162, 5940±100; Будделин: Bln—561, 5815±100; Аугустенхоф: Bln—562, 5455±100. Культура линейно-ленточной керамики (Голландия). Эльсло: GrN—2311, 6510±100; GrN—2159, 6320±90; GrN—2164, 6270±85; GrN—2160, 6150±70; GrN—2884, 6055±80; Гелсен: GrN—995, 6370±70; GrN—1006, 6175±60; Ситтард: Gro—423, 6200±150; Gro—370, 6100±140; Gro—422, 5796±190.

3. Британские острова

Финальный палеолит-мезолит. Сан Хоул: BM—524, 12378±150; Эвелинс Хоул: BM—471, 9114±110; Гав'с Кэйв: BM—525, 9080±150; Эстон: BM—440a, 9940±115; BM—439, 9850±115; BM—440b, 9750±110; Гравди'с Пэрлор: Q—551, 8800±300; Q—552, 7602±140. *Мезолит.* Тэтчем 3: Q—659, 10365±170; Q—658, 10030±170; Тэтчем 5: Q—651, 9840±160; Q—677, 9780±123; Q—650, 9670±160; Q—653, 9500±160; Q—652, 9480±160; Старт Карр: Q—14, 9557±210; C—357, 9488±350; Уэст-Хартлепул: BM—80, 8700±180; Старт Кросс: Q—141, 8450±310; Тэтчем 2-2: BM—65, 8100±180; Айкорншоу Мур: Q—707, 8100±150; Лусса: 8194±350, 7963±200; Ньюферри: NB—487, 8190±120; Тум Бей: Y—95, 7680±110; Шиппи Хилл: Q—587, 7610±150; Мортон Файф: Q—948, 6735±180; Q—989, 6450±180; Q—981, 6382±120; Q—988, 6147±90; Блашпенуэлл: BM—89, 6450±150; Барзалох: GaK—1601, 6000±110; Фрешуотер-Уэст: Q—530, 5960±120; Хай Рокс Шелкс: BM—40, 5660±150; Рингнейл Куэй: Q—770, 5380±120; Дэлкэй: D—38, 5300±170; Уау-котт: BM—449, 5260±130. *Ранний неолит.* Хембарк: BM—138, 5280±150, BM—136, 5190±150; BM—130, 5100±150; Монамор: Q—675, 5110±110; Хорслип: BM—180, 5190±150; Уиндмилл-Хилл: BM—180, 5190±50; Фассел'с Лодж: BM—134, 5180±150.

4. Пиренейский полуостров

Мадлен. Альтампра: M—829, 15500±70; M—828, 13900±70; Куэва дель Юго: M—830, 15300±700; Куэва Бора Гран: M—1923, 11470±500; Каверн де Сантимамише: Gif—130, 9470±400. *Мезолит.* Мойта до Себастьяна: Sa—16, 7350±350. *Раковинные ящики.* Кабеко да Амореира: Sa—195, 7030±350, Sa—194, 6050±300; Кабеко да Арруда: Sa—197, 6430±300; Sa—196, 5150±300; *Ранний неолит.* Абриго Гранде: Наг—179, 7200±160; Ковета дель Ор: KN—51, 6510±160; H—1754/1208, 6265±75.

5. Италия и Южная Франция

Финальный палеолит. Гравеск. Угенто: R—271, 1470±170; R—272, 13870±110; Палиоро: R—83, 13000±700; Гротта делла Мадонна (слой X): R—293, 12100±150; R—292, 10850±100; R—291, 10450±100; R—289, 10300±100; R—185, 10120±70; R—186, 10030±90; R—288A, 9800±140; R—290, 9750±100; R—287, 9035±100; R—286, 9020±125, R—288, 8600±120; Грот Романелли: R—58, 11800±600; GrN—2055, 10640±100; GrN—2153, 10390±80; GrN—2305, 10320±130; GrN—2056, 9880±100; GrN—2154, 9790±80; Грот Колонб: Ly—430, 8960±420. *Эпиграветт — мезолит.* Рипаро Таглиенте: R—605a, 13430±180; R—605, 13330±160; Грот ди Оргуччио: Pi—23, 12619±410; Гротте дес Инфанте: MC—402, 12200±400; Рипаро Таглиенте (слой III): R—371, 12040±170; R—604, 12000±400; Леванцо: R—566, 11180±120; Pi—11g, 9694±110; Гротта дель Ромито: R—299, 11500±200; R—300, 11150±150; R—221, 10960±350; R—298, 10250±450; Ля Пунта: Pi—153, 10581±100; Арено Кандиде: R—100, 10330±95; Гротта дель Прете: R—645, 9990±190; Гротта делла Мадонна (слой IX): R—188, 9070±80; R—187a, 8875±85; R—187, 8735±80; Гротта ля Порте: Pi—10, 8619±200; Рипаро Блакк: R—341, 8565±80; Гротта арма делла Стефани: R—145, 8800±300; R—148, 8400±100; R—126, 8100±90; R—109, 7800±100; Ватте ди Замбава: R—491, 8000±110; R—491a, 7740±150; R—490a, 7960±100; R—490, 7860±110; R—489, 7860±75; R—489a, 7810±96; R—488a, 7585±75; R—488, 7540±75; R—487a, 7250±110; Куракеггу (остров Корсика): Gif—797, 8560±170; Gif—1963, 8300±130. *Ранний неолит.* Куракеггу: Gif—1962, 7600±180; Gif—1961, 7310±170; Gif—796, 7300±160; Базз (слой 7): Gif—1851, 7700±150; Гротта делла Мадонна: R—285, 7555±85; Скарамелла: R—350, 7000±100; R—351, 6540±65; Пенне ди Пескара: Pi—101, 6578±135; Арено Кандиде 25: Pi—27b, 6487±175. *Ранний неолит Южной Франции.* Импрессио. Грот де Газель: 6780±200; 6540±200; Абри де Сент Митр: MC—264, 6700±130; MC—263, 6400±130; MC—265, 6100±125; Куртизон: Gif—1855, 6600±140; Компрафо: Gif—1491, 6300±140; Абри Жен Кро: Gif—218, 6540±300; Абри дю Капитан: Gif—1111, 6050±150.

6. Франция

Мадлен (средний, поздний). Грот Сент Элани (слой CIII): Gif—2194, 15200±300; Gif—1745, 15100±270; Эсклозюр: Ly—361, 14540±300; Ля Гроз Сюр Сюран: Ly—434, 15850±350; Ly—357, 14330±260; Ля Коломбьер: Ly—433, 13390±300; Грот ле Ромен: Ly—16, 14380±380; Ly—436, 12980±230; Грот де ля Гаренн: C—578, 15847±1200; C—579, 12986±560; Gsy—34, 11230±500; C—577, 11109±480; L—399D, 9500±500; Англ-сюр-Л'ан-глен: GrN—1913, 14160±80; GrN—2916, 11265±130; GrN—2912, 10840±120; Эваль (слой XII): Ly—425, 13000±300; Сент-Роман: Ly—432, 13450±300; Ly—431, 12970±300; Грот де ля Вап: GrN—2026, 12850±60; GrN—2025, 12540±105; L—336c, 11650±200; Понт де Дуатт (слой 7): 12480±260; Солютро: Ly—393, 12580±250; Фантас: Ny—128, 12490±270; Ле Аванс: Ly—322, 12350±200; Ly—321, 12320±600; Монтастрю: BM—304, 12070±180; Грот Ле Эглис: Gif—1434, 11180±500; Пенсеван: Lv—292, 11610±400; Lv—293, 11310±330; Lv—291, 10920±540; Компалу, 12800±300; Блуа-сюр-Сейль: 12800±300; 12040±270; Фрейдьер: Ly—451, 11380±180; Тру де Форж: BM—302, 11750±300; BM—303, 11110±160; Грот Сент Элани: Gif—1697, 10830±200; Gif—2193, 10400±300; Понт де Дуатт: 10680±450; Ле Морин: Gif—2105, 10480±200; Грот Ле Тернер: Gif—1128, 10450±250; Грот де Ню: Gif—1940, 10150±200; Gif—1939, 10100±250; Gif—1937, 9850±230. *Азиль.* Сент Ремез: Ly—319, 12080±310; Ly—318, 11750±300; Ly—320, 11500±380; Грот Буа Раго: Gif—1588, 8800±200; Сель де Шепр: 9700±150. *Совтерьер.* Грамари: Gif—755, 10070±230; Gif—754, 9340±220; Gif—753, 8000±190; Gif—752, 7740±190; Грот де Фью: Gif—1807, 9450±190; Су-Бальм: Ly—286, 9150±160; Руффиньяк: GrN—2880, 8995±105; GrN—2895, 8590±95; GrN—2913, 8370±100; Монкюз: Ly—305, 7890±170; Ly—306, 7780±250; Ly—307, 7770±410; Ly—308, 7750±340; Грот де Сальзи: Gif—443, 8770±200; Сермойе-ле-Шарм: Gif—1597, 8150±190. *Тарденуаз.* Сюблоиньер де Куанси: Gif—1266, 8190±190; Монбани: Gif—356, 8060±350; Gif—355, 7280±350; Gif—1106, 6930±170; Руффиньяк: GrN—2889, 7800±50; Ля-Торш: GrN—2001, 5970±80; Бутинь-сюр-Эсон: Sa—79, 5410±300; Куанси-Эп-Тарденуа: Gif—133-4, 5040±500; Gif—132, 4740±350. *Ранний неолит Западной Франции.* Ле Кюри: Gsy—47B, 5980±150; Gif—345, 5510±250; GrN—1966, 5340±60; Монт Сент Мишель: Sa—96, 5720±300; Керкадо: Sa—95, 5840±300; Иль Карн: Gif—414, 5340±250; Gif—1362, 5310±150; GrN—1968, 5230±75; Барнен: Gif—1309, 5750±150; Gif—1556, 5550±140; Gif—1340, 5450±150; Gif—1116, 100±140. *Ранний неолит Северо-Восточной Франции.* Гопвойяр: Gsy, 5380±250; Ле Лонгре: Ly—150, 5290±180; Вайн-сюр-Эсон: Sa—57, 5470±300.

7. Греция

Верхний палеолит. Франчти: P—1827, 12540±180; P—1668, 11930±168; P—1923, 11240±140; P—1520, 11093±260; *Мезолит.* Франчти: P—1665, 9477±134; P—1522, 9298±130; P—1519, 9264±144; P—1398, 9098±139; P—1517, 9034±108; P—1664, 8941±117; P—1518, 8938±100; P—1666, 8742±114; P—1518a, 8717±110; P—1536, 8189±78; P—1526, 8022±76; P—1527, 7897±88; Сидари: 7770±340. *Докерамический неолит.* Кносс 27 (X): BM—124, 8050±180; BM—278, 7910±140; BM—436, 7740±140; Франчти: P—1392, 7794±140; Сескло: P—1681, 7755±97; P—1682, 7483±72; P—1680, 7300±93. *Ранний неолит.* Франчти: P—1525, 7704±81; P—1667, 7278±86; P—1399, 7194±112; Кносс 24 (IX): BM—272, 7570±150; Аргисса XXVIII в: GrN—4145, 7500±90; Элатейя: GrN—2973, 7480±90; GrN—3037, 7360±90; GrN—3041, 7190±100; Сидари: GX—771, 7670±120; Асфак: I—1959, 7380±240; Неа Никомедея: Q—655, 8180±150; GX—679, 7780±270; P—1202, 7557±91; P—1203a, 7281±74; Сескло: P—1679, 7611±83; P—1678, 7427±78.

8. Причерноморье и Балканский полуостров

Мадлен. Молодова V (слой 6—2): Гин—52, 1710±180; Гин—105, 16750±250; Гин—9, 13370±50; Гин—56, 12300±140; Гин—147, 12300±140; Гин—8, 11900±230; *Мезолит.* Молодова V (слой 1, 1a): Гин—54, 10940±150; Гин—7, 10590±230; Сексарт-Паланк: 10350±500; Сороки II (слой 3, 2): Bln—588, 7515±120; Bln—587, 7420±80; Леппински Вир: Bln—7406, 7360±100; Bln—740a, 7310±100; Bln—738, 7225±100; Bln—653, 7040±100; BM—379, 6900±150; Bln—678, 6900±100; Bln—575, 6860±100; Bln—647, 6845±100;

МЕЗОЛИТ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Bln—576, 6820±100; Bln—649, 6800±100; Bln—650, 6820±100; P—1598, 6814±69. Bln—654, 6630±100; Bln—652, 6620±100; Bln—655, 6560±100. *Ранний неолит. Караново I.* Telly. Азмак: Bln—293, 7303±150; Bln—291, 7158±150; Bln—203, 6880±100; Bln—292, 6878±100; Bln—299, 6812±100; Bln—296, 6779±100; Bln—294, 6768±100; Bln—297, 6675±100; Bln—267, 6758±100; Bln—295, 6720±100; Bln—224, 6652±150; Bln—298, 6540±100; Bln—301, 6483±100; Bln—300, 6426±156; Bln—430, 6279±120. *Старчево.* Породин: H—1486/987, 7120±140; Вршиник: Bln—339, 6950±100; H—595/485, 6865±80; Bln—339a, 6855±80; Обре: Bln—636, 6795±150; Горня Тузла: GrN—2059, 6640±75. *Кереш. Дьюларет:* Bln—75, 7090±100; Дешк: Bln—581, 6605±100; Котацарт: Bln—115, 6450±100; Каталиког: Bln—86, 6370±100. *Буго-днестровская культура. Сороки II* (слой 1): Bln—586, 6830±150; Сороки V: Bln—589, 6495±100.

9. ГДР, Польша, ФРГ, Швейцария

Мадлен. Шуссенквалле: Gro—468, 14470±385; GrN—2090, 13090±110; Gro—469, 11580±290; Кенигзи-Гарзитц: Bln—220, 13700±380; Андернах: H—85-91, 11300±220; Моозбюль: B—358, 10300±180; Мюнцинген: H—129-104, 10200±250; W—266, 10100±250; Петерсфельс: H—130-114, 10150±230; W—267, 8200±200; Клейгротте: W—269, 8800±200. *Финальный палеолит. Витув:* K—952, 11020±170; GrN—828, 10820±160. *Мезолит. Зибберг-Фюрштайер:* B—16, 10200±200; PI—6, 10170±400; Ля Бом д'Оже: B—765, 8735±150; B—764, 8530±100; Бирсмаатен: B—237, 7670±120; B—241, 7480±280; B—238, 7460±160; B—236, 6970±120; B—234, 5350±120; B—240, 5250±600; B—235, 5310±240; Лаутрек: GrN—4667, 6440±45; *Цаловани III—IV:* 9250±55; 9200±75; Витув 21: K—954, 8180±140; Витув 7: 6660±480. *Ранний неолит. Культура линейно-ленточной керамики. Росдорф:* Nv—586, 6350±70; Айтцум: H—1487/985, 6480±210; Bln—51, 6310±200; Лаутрек: GrN—4750, 6140±45; Вестергелль: GrN—223, 6200±200; Bln—92, 6140±100; Bln—42, 6045±100; Фридберг: Bln—255, 6120±100; Стрелице: GrN—5087, 6260±60; Дрезден-Никкерн: Bln—73a, 5935±100; Bln—77, 5815±100; Ремсдорф: Bln—176, 5932±100; Хинхайм: GrN—4830, 5920±50; Пулкау: Bln—83, 6215±100; Мельд: Bln—58, 5990±160; Випден-ам-Зи: Bln—55, 5940±100; Bln—103, 5820±100.

10. Норвегия, Западная Швеция, Финляндия

Мезолит. Глитресен II: T—769, 8510±110; Гюрниос III: T—215, 8150±200; Дигернес I: K—712, 7860±120; Хасслингехалт TIII: 7565±100; Сундент II: I—893, 7670±150; Сулемарк VII: T—900, 7630±450; Осен III: T—896, 7480±120; Улвехауген I: T—898, 7460±80; T—766, 7120±140; Ховатн III: T—849, 7240±100; Тиккитрески: St—1751, 7380±100; St—1752, 7085±90; St—170, 7005±100; St—1753, 6395±90; Гресваппет: Birtn—117, 6990±120; Серред 5: 6890±140; Фралсбю II: T—131, 6860±140; Бланут: T—256, 6850±150; Скирвенут: T—257, 6550±200; Весле Бероусен II: T—130, 6100±140; Нордре Фьаревит: T—260, 6250±150; Финнрой: T—216, 5906±150; Киркелеси II: T—899, 6070±130; T—772, 6020±110; Гюрниос IV: K—711, 5700±120; Туве Танген: 4950±300. *Неолит. Ронглен:* T—133, 4700±120; Олейяа: T—391, 4590±110; T—392, 4400±100; Сауво: Hel—48, 6000±180; Hel—46, 5830±140; Hel—47, 5750±160; Hel—45, 5500±160; Hel—44, 5310±160; Hel—63, 5030±180.

¹ Приведены в основном даты, опубликованные в журнале «Radiocarbon» (v. 1—16. New-Haven. 1959—1974).

² Хотинский Н. А. Корреляция голоценовых отложений и абсолютная хронология схемы Влитта — Сернандера. — Сб.: Голоцен. М., 1969, с. 78—90.

Один из центральных вопросов в современной археологии — уточнение процедуры научного исследования. Каким образом, исходя из исследования археологических источников, надлежит делать выводы исторические?

Ключ к решению этой проблемы лежит в признании существования двух уровней исследования: эмпирического и теоретического. Анализ археологических источников и выделение на его основании таких понятий, как тип, комплекс, культура, — это эмпирический уровень исследования. Выводы же относительно этнической истории, социального устройства и прочих характеристик человеческих коллективов, оставивших археологические памятники, могут быть сделаны лишь на теоретическом уровне. При этом необходимо сопоставить данные археологии с данными других наук, таких как палеогеография, этнография, лингвистика и др. Истолкование мезолитических материалов — благодарное поле для таких исследований.

Игнорирование объективного существования разных уровней исследования — источник многочисленных неурядиц, связанных с изучением мезолита. Так, А. А. Формозов¹ отказывается видеть связь между изменением облика каменного инвентаря и изменениями в природной среде, призывает ставить в основу археологической классификации вещи, а не тип хозяйства и социального строя. Наряду с этим в советской литературе широко распространена концепция М. В. Воеводского², объяснявшего возникновение мезолитических индустрий крупными изменениями в хозяйстве, вызванными изменениями и дифференциацией природных ландшафтов. Сходные с концепцией М. В. Воеводского взгляды в последние годы развиваются зарубежными исследователями, в частности Л. Бинфордом³, С. К. Козловским⁴ и другими.

Один из наиболее действенных методов познания природы и общества — метод моделирования. Попыткой построения теоретической модели как предельно широкой системы, включающей первобытное общество и окружающую его природную среду, является предлагаемая эко-социальная система. Система состоит из двух подсистем — природы (эко-системы) и первобытного общества (социо-системы), связанных сетью прямых и обратных связей, поддерживающих систему в состоянии равновесия и развития⁵.

Развитие эко-систем в конце плейстоцена — начале голоцена отмечалось сочетанием плавных изменений с резкими скачкообразными. На протяжении рассматриваемого времени можно выделить по крайней мере три скачкообразных изменения в развитии природного процесса: а) около 12 тыс. лет назад: начало крупного потепления, приведшего к интенсивному таянию ледника; начало развития лесной растительности на большей части Европы; начало распада мамонтового фаунистического комплекса⁶; б) 10 500—10 200 лет назад: повсеместное потепление и смягчение континентальности климата; деградация перигляциального растительного комплекса и консолидация ландшафтных зон — степной, лесной и тундровой; распад мамонтового и формирование голоценовых фаунистических комплексов⁷; в) приблизительно 9—8 тыс. лет назад: начало последледникового климатического оптимума; максимальное развитие лесной растительности и усиление в ее составе термофильных элементов; полное исчезновение элементов растительности и животного мира ледникового времени⁸.

Столь резкие изменения в строении эко-систем, вызывавшие перераспределения природных пищевых ресурсов, приводили к соответственным изменениям в социальных системах, в первую очередь отражаясь на

типах хозяйственной деятельности, направленной на получение пищи. Это приводило к изменениям в наборе орудий труда и отражалось на численности и размещении первобытного населения.

Одной из особенностей позднелейстоценового развития природных процессов был переход от сравнительно однородных перигляциальных ландшафтов к резко дифференцированным природным зонам. В пределах каждой из новосформированных зон развитие эко-систем отличалось особенностями, которые неизбежно отражались на функционировании социальных организмов. Мы рассмотрим развитие позднелейстоценовых и раннеголоценовых эко-социальных систем в пределах трех регионов Европы: на западе (Франция), на северо-западе (Дания, ГДР, ФРГ) и на северо-востоке (Эстония, Латвия).

На юге Франции (Перигор) в позднем мадлене (мадлен III—VI; абсолютные даты 14—11 тыс. лет тому назад) значительно увеличивается количество памятников. Хозяйство определяется охотой преимущественно на лошадь (мадлен IV) и на северного оленя (мадлен V—VI). Каменная индустрия со времени мадлена III сравнительно однородна и характеризуется высоким содержанием резцов и наконечников. Эпизодически встречаются разные микролитические орудия — треугольники, трапеции⁹.

Радиоуглеродные даты азиля лежат в пределах 12 500—11 000 лет тому назад. Хозяйство определяется охотой на благородного оленя, косулю, кабана, лошадь, тура. Каменная индустрия обнаруживает прямую преемственность по отношению к позднемалленской. Характерно значительное уменьшение содержания резцов, увеличение числа коротких скребков, черешковых наконечников и наконечников азийского типа, геометрических микролитов (сегментов, треугольников, трапеций). Отмечается уменьшение количества стоянок по сравнению с предшествующим периодом¹⁰.

В течение раннего голоцена на территории Франции развиваются мезолитические культуры, обычно относимые к совтерьену и тарденуазу¹¹. Совтерьен представлен на стоянках к югу от Центрального массива. На многослойной стоянке Руфьяк получена серия радиоуглеродных дат — в пределах 9200—7800 лет тому назад. Хозяйство определяется охотой на благородного оленя, косулю, лошадь, кабана, зайца. Большое значение имеют рыбная ловля и собирательство. Каменная индустрия характеризуется высоким содержанием ретушированных пластин, трапеций, треугольников, сегментов.

Классический тарденуаз определяется Ж. Розуа как микролитическая индустрия, представленная на стоянках в бассейне Сены к северу от Парижа. Радиоуглеродные даты лежат в пределах 8500—5500 лет тому назад. Хозяйство определяется охотой на благородного оленя, тура, лошадь при большом значении рыбной ловли и собирательства. Каменная индустрия характеризуется большим содержанием ретушированных пластин и геометрических микролитов (число трапеций возрастает на поздних стадиях). Ж. Розуа выделяет несколько локальных вариантов тарденуаза: бретонский, бельгийско-голландский, эльзасский, группы Бирматен и Огено в Швейцарии, группу Монтади-Кастельново на юге Франции.

Вторая рассматриваемая здесь область приблизительно соответствует моренной области последнего (всплиского) оледенения Центральной Европы. Особенностью каменного инвентаря мезолитических стоянок этой области является присутствие, начиная с самых ранних стадий, рубящих орудий. Палиноландшафтное исследование, проведенное Б. Грамшем¹², показало, что индустрии, содержащие рубящие орудия, сосредоточены в моренных ландшафтах, характеризовавшихся смешанными сосново-березовыми лесами с участием широколиственных пород; индустрии, не содержащие рубящих орудий (Хальтерн, Бодерг), расположены за

пределами моренной зоны, в ландшафтах, отличавшихся рапным распространением широколиственного леса.

Наиболее ранние поселения на Северо-Германской низменности появились вскоре после отхода ледника (стоянки гамбургской культуры, 13 000—11 500 лет тому назад). Стоянки эти были приурочены к каналам стока вод из приледниковых бассейнов. Хозяйство их обитателей было основано на охоте на северного оленя. Для каменного инвентаря характерны клювовидные орудия, короткие скребки, наконечники с выемкой¹³.

В течение аллерда, 11 500—11 000 лет назад, на Северо-Германской низменности распространяются индустрии типа Федермессер, содержащие большое количество острий, изготовленных на пластинах с односторонней ретушью¹⁴. Несколько позднее, на протяжении второй половинки аллерда и верхнего дриаса, на равнинах в пределах Дании, ФРГ, ГДР, Польши, Литвы и Белоруссии распространяются стоянки с наконечниками стрел с черешком: типов Люнбю (Дания), свидерского (Польша, Белоруссия и Литва), Хвалибговице (Польша), Хинтерзе (ГДР и ФРГ)¹⁵. Стоянки этих типов, как и более ранние, располагались на берегах остаточных приледниковых водоемов. Хозяйство было основано на охоте на северного оленя.

Наиболее ранними памятниками Северо-Германской низменности, содержащими рубящие орудия, являются Пиннберг под Гамбургом¹⁶ и Клостерлунд в Центральной Ютландии¹⁷. Оба памятника датируются пребореальным временем. В составе фаунистического материала определены лось, благородный олень, косуля, кабан.

В течение бореального периода на территории Дании, преимущественно в пределах заболоченных котловин, распространяются поселения культуры Маглемозе. Радиоуглеродные даты поселений Маглемозе лежат в пределах 9500—7500 лет тому назад. Хозяйство поселений определяется охотой на лесных животных (благородного оленя, кабана, косулю, тура). Кремневый инвентарь включает многочисленные рубящие (преимущественно пики, нуклеидные топоры), а также микролитические (ланцетовидные острия, треугольники) орудия, на поздних стадиях появляются трапеции, много орудий (в том числе рубящих) из рога и кости¹⁸.

Несколько более поздним временем (7500—6300 лет тому назад) датируются стоянки типа Конгемосе. Хозяйство поселений Конгемосе характеризуется началом интенсивной эксплуатации водных ресурсов (ловлей трески, сайды, камбалы и охотой на тюленя). Схема расселения та же, что и в предшествовавший период: заболоченные озерные котловины и берега морских заливов¹⁹.

В течение атлантического периода (6200—5000 лет тому назад) на территориях ФРГ, ГДР и Швеции появляются поселения культуры Эртебелле. Хозяйство этих поселений носило присваивающий характер. Основой хозяйства были охота (на благородного оленя, кабана, тура, косулю, а также на тюленя, водоплавающую дичь), рыбная ловля и собирательство (культурные слои прибрежных поселений заполнены раковинами съедобных моллюсков). На некоторых стоянках Эртебелле отмечены кости домашних животных (быка, овцы)²⁰. Каменный инвентарь поселений Эртебелле обнаруживает много общих форм с набором орудий более ранних поселений²¹. Большую часть каменного инвентаря составляют крупные рубящие орудия типа пик и транше. Другой наиболее характерной формой являются трапециевидные наконечники стрел (наконечники стрел с поперечным лезвием). Кроме того, отмечены скребки на пластинах и отщепах, пластины со скошенным ретушью краем, проколки, многочисленные орудия из рога и кости²².

Большой интерес представляют немногочисленные находки керамики на поселениях Эртебелле. Это широкооткрытые, несколько вытянутые

книзу сосуды S-образного профиля с острым дном. Как мне представляется, появление керамики, а также домашнего скота на поселениях Эртебелле можно объяснить существованием экономических связей местного мезолитического населения с обитателями земледельческо-скотоводческих поселений, расположенных в иных ландшафтных зонах.

На северо-востоке Прибалтики наиболее ранние поселения возникли в начале голоцена (в пребореальном периоде), вскоре после спада Балтийского ледникового озера и образования Иольднего моря. Мезолитические поселения были приурочены к морским лагунам и к остаточным озерно-ледниковым бассейнам. Анализ фаунистических материалов мезолитических стоянок Эстонии и Латвии показывает, что хозяйство этих поселений было основано преимущественно на охоте на лося (заметьте, что кости лося были встречены только на самых ранних мезолитических стоянках Северо-Германской низменности)²³. Кроме того, охотились на благородного оленя, косулю, кабана, бурого медведя, лося (в приморских районах). Большое значение имела рыбная ловля.

На мезолитических стоянках Эстонии и Латвии (Пулли, Кунда, Нарва, Оса)²⁴ обнаружено множество рубящих орудий. Некоторые из них близки по типам к маглемозским. Среди орудий — наконечники стрел, скребки, большей частью округлые, на отщепе, а также микролитические орудия, преимущественно треугольники. Много орудий из кости и рога, в том числе рубящие и мотыгообразные, гарпуны, пещи, крючки. Радиоуглеродные даты мезолитических памятников Эстонии и Латвии лежат в пределах 9600—5000 лет назад.

В начале IV тысячелетия до н. э.²⁵ на территории Северо-Восточной Прибалтики появляются поселения, содержащие керамическую посуду.

По характеру схемы расселения, каменного инвентаря и типа хозяйства (основанного на охоте на лося, кабана, медведя, благородного оленя, водоплавающую дичь, а также на рыбной ловле и собирательстве) они не отличались от предшествовавших мезолитических поселений. Возникновение поселений с керамикой на северо-востоке Европы, на наш взгляд, следует связать с оттоком части избыточного населения из областей распространения земледельческо-скотоводческих культур на юго-западе Европы. При этом расселявшееся население смешивалось с местным, мезолитическим, воспринимало тип хозяйства и набор орудий труда, в наибольшей мере приспособленные к экологическим условиям смешанных хвойно-широколиственных лесов.

Подводя итог краткому обзору, можно сформулировать следующие выводы.

1. Возникновение мезолитических индустрий в Европе было вызвано адаптивной реакцией социальных систем на коренную перестройку экологических систем, происходившую в конце плейстоцена — начале голоцена. Изменения прежде всего касались типов хозяйственной деятельности, что в свою очередь приводило к изменениям в наборе орудий труда. Можно говорить о существовании двух хронологических уровней существенных перестроек эко-социальных систем: около 12 тыс. и около 10 тыс. лет тому назад.

2. На протяжении всего периода существования поселений мезолитического типа в Европе их хозяйство было основано на охоте, рыбной ловле и собирательстве. Поэтому территория, занятая мезолитическими поселениями, может рассматриваться как единая природно-хозяйственная область.

3. В пределах этой природно-хозяйственной области выделяются две подобласти: а) внеледниковая, характеризующаяся ранней микролитизацией каменного инвентаря и распространением геометрических микролитов; б) ледниковая, характеризующаяся употреблением рубящих орудий (на востоке Европы выделяется несколько переходных подобластей).

4. В пределах второй подобласти эко-социальные системы характеризовались наибольшей устойчивостью. Это способствовало длительному переживанию здесь форм производящего хозяйства, а также оттоку в эти районы части населения из областей Южной и Западной Европы, испытывавших относительную перенаселенность.

- ¹ Формозов А. А. О термине «мезолит» и его эквивалентах. — СА, № 3, 1970, с. 6—11.
- ² Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. — КСИИМК, XXXI, 1950.
- ³ Binford L. R. Post-Pleistocene Adaptations. — In: Archaeological Perspectives, n. s., 1972, p. 421—449.
- ⁴ Kozłowski S. K. Introduction to the History of Europe in Early Holocen. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973, p. 331—333.
- ⁵ Долуханов П. М. Географическая среда и первобытное общество Восточной Европы в верхнем плейстоцене и голоцене (в печати).
- ⁶ Нейштадт М. И. О нижней границе голоцена. — Сб.: Палинология голоцена. М., 1971.
- ⁷ Хотинский Н. А. Корреляция голоценовых отложений и абсолютная хронология схемы Блитта — Серпандера. — Сб.: Голоцен. М., 1969.
- ⁸ Величко А. А. Природный процесс в голоцене. М., 1973.
- ⁹ Sonnevile-Bordes D. de. Le paléolithique supérieur en Périgord, t. 2. Bordeaux, 1960.
- ¹⁰ Sonnevile-Bordes D. de. Le paléolithique supérieur...
- ¹¹ Rozoy J. G. Le Tardenoisien et le Soluterrien. — BSPF, 31, 1971.
- ¹² Gramsch B. Die Vegetationsgebiete des nördlichen Mitteleuropas und die Besiedlung dieses Raymes im älteren und mittleren Holozän. — Сб.: Палинология голоцена и маринопалинология. М., 1973, с. 83—87.
- ¹³ Rust A. Die alt- und mittelsteinzeitliche Funde von Stellmoor. Neumünster, 1943.
- ¹⁴ Schwabedissen H. Die Federmessergruppen des nordwest-europäischen Flachland. Neumünster, 1954.
- ¹⁵ Taute W. Die Stielspitzengruppen im Nördlichen Mitteleuropa. — Fundamenta, Reihe A, Bd 5. Köln — Garz, 1968.
- ¹⁶ Rust A. Die Funde von Pinnberg. — Offa-Bücher, Bd 14. Neumünster, 1958.
- ¹⁷ Brinch-Petersen E. Klosterlund-Sonder Hadsund-Bolleund. — Acta archaeologica, 37. Copenhagen, 1966, p. 77—186.
- ¹⁸ Brinch-Petersen E. A Survey of Late Palaeolithic and Mesolithic of Denmark. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
- ¹⁹ Brinch-Petersen E. A Survey...
- ²⁰ Brinch-Petersen E. A Survey...
- ²¹ Troels-Smith J. The Ertebølle Culture and its Background. — Palaeohistoria, 12, 1966/1967.
- ²² Gramsch R. Das Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder, t. I. Potsdam — Berlin, 1973.
- ²³ Паасер К. Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин, 1965.
- ²⁴ Indreko R. Das mittlere Steinzeit in Estland. Uppsala, 1948; Янитс Л. Ю. Мезолитическое местонахождение в Пулли. — АО 1969 г. М., 1970; Загорский Ф. А. Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии. Рига, 1967.
- ²⁵ Наиболее достоверна серия радиоуглеродных дат, полученная для ранне-неолитического слоя стоянки Оса: 5880±80 (JIE-961), 5780±70 (JIE-961) и 5730±50 (JIE-850) лет тому назад.

Н. М. ЕРМОЛОВА

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЯЗИ С ПРИРОДНОЙ ОБСТАНОВКОЙ

Памятники мезолитической культуры — наиболее древние поселения человека, связанные с отложениями голоценового возраста. Об этом свидетельствуют как абсолютный возраст датированных по C^{14} стоянок, так и стратиграфия отложений, и голоценовый облик фаунистических остатков.

Переход от плейстоцена к голоцену на рубеже XI—X тысячелетий до н. э., когда начинают складываться элементы мезолита, отмечается

климатическими изменениями глобального характера, в результате которых происходит смещение растительных зон и исчезают свойственные ледниковой эпохе открытые перигляциальные ландшафты. Большая часть их на территории Евразии замещается ассоциациями лесной растительности.

Изменения природной обстановки в конце плейстоцена приводят к коренным изменениям и в териофауне. Сперва исчезают такие крупные животные, как носорог и мамонт, но остаются стада северных оленей, лошадей и бизонов. В дальнейшем они уступают место животным лесных биотопов — на севере и лесостепных — на юге территории, занятой прежде перигляциальными ландшафтами.

Отдельные виды животных биотопов, как, например, лось, встречались и в позднем плейстоцене, но были лишь случайной добычей человека. Основой его существования в то время служили стадные животные, в изобилии встречавшиеся на территории, ближайшей к расположению стоянок. Лесные животные Северного полушария не образовывали больших стад. Добыча их была трудна, хотя вполне может казаться, что с совершенствованием орудий и накоплением опыта к этому времени охота должна была стать более продуктивной¹. Сам способ охоты становится совсем другим. Загонно-облавная охота в верхнем палеолите сменилась выслеживанием, троплением, скрадыванием зверя. Хорошо видные на открытых пространствах стада животных требовали меньше сил и умения для их разыскания. Выслеживание зверя в лесу сложнее, и к тому же объем добычи меньше, так как лесные животные держатся в одиночку или семьями, значительными группами скапливаются лишь в отдельные сезоны в связи с размножением, как, например, молодые лоси весной.

Изменились способы охоты, должны меняться и орудия. Основная характерная черта мезолитической культуры заключается в появлении качественно новой микролитической техники. На первый взгляд кажется, что уменьшение размеров орудий на стоянках мезолита можно связывать с уменьшением размеров животных, добываемых в голоцене, по сравнению с животными предыдущего периода. Необходимо отметить, что прямой связи здесь не наблюдается. Так, мезолиту Сибири и Передней Азии свойственны оригинальные крупные орудия в противоположность микролитам западных районов², а основной добычей в эпоху мезолита там были мелкие животные — косуля в Сибири³ и джейран в Передней Азии⁴. На Западе добывались, напротив, крупные лось и тур, сменившие гораздо более мелкого северного оленя, служившего основным источником существования людей конца плейстоцена. Кроме того, крупные животные (мамонт и носорог) в Южной Сибири исчезают задолго до начала голоцена, а уменьшения орудий в связи с этим не наблюдается, тогда как на европейской стоянке Гагарино элементы микролитов имелись и во время существования в тех районах носорога и мамонта.

Вероятно, правильнее считать, что в связи с изменившейся природной обстановкой на протяжении эпохи мезолита шли постоянные поиски наиболее эффективного охотничьего орудия⁵. С появлением микролитов связано и распространение свойственной мезолиту и неолиту вкладышевой техники⁶.

Уменьшение размеров кремневых орудий следует считать прогрессивной чертой эволюции каменной индустрии. Это явление в изменении индустрии можно связать с тем, что морфологическая эволюция человека закончилась, а условия существования резко переменились, и человек приспосабливается к более сложному процессу добывания животных с помощью эволюционирующей техники. Вполне возможно, что с применением вкладышевых орудий улучшилась точность попадания или эффективность охоты. Если при добывании стадных животных это было не так

важно (всегда есть отстающие более слабые особи, и не одно, так другое животное будет убито), то при длительном поиске, а потом выслеживании одиночного зверя в закрытом ландшафте очень существенно было не промахнуться и убить или получить верную возможность дальнейшего преследования.

Таким образом, изменения орудий в эпоху мезолита следует связывать в основном с усложнением процесса охоты, а не с величиной добываемых животных.

Изменившиеся условия существования, переход к охоте на другие виды животных привели древних охотников к перемене образа жизни.

В верхнем палеолите племена охотников были относительно оседлы, стоянки находились на одном месте довольно длительное время, строились фундаментальные жилища (Костенки, Мальта и др.). Такую жизнь обеспечивало большое количество пасущихся стад животных в районах стоянок. В эпоху мезолита охотничьи племена лесной полосы Евразии переходят к кочевому образу жизни. Уничтожив, скажем, лосей вокруг своей стоянки, человек переселялся в соседний район.

Племена, населявшие открытые пространства южных областей Евразии, в голоцене, напротив, переходят к еще большей оседлости. С исчезновением крупных стадных животных значительную роль в их жизни занимает собирательство, а потом и выращивание растений. В районах с достаточным количеством кормов развивается скотоводство.

Одним из первых домашних животных, помимо собаки, считается свинья. По мнению некоторых ученых, она была одомашнена уже в эпоху мезолита в Крыму⁷. Однако В. И. Цалкин пришел к заключению, что остеологических доказательств существования домашней свиньи в мезолите Крыма нет⁸. Остатки свиней из мезолитических слоев стоянок Крыма Тап-Аир I и Замиль-Коба, отнесенные Е. Л. Дмитриевой к домашней форме, принадлежат, судя по размерам, диким животным. Диагностических отличий костей дикой и домашней формы, за исключением более мелких размеров последней, нет. Для выделения домашней формы необходимо тщательное сравнение цифр промеров костей с параметрами субфоссильных остеологических остатков свиней. Эти данные появились в литературе лишь в последнее время, значительно позднее опубликования работы по фауне Крыма. Кроме того, отнесению крымских свиней к домашней форме способствовало значительное число костей молодых животных в этом материале⁹. Но преобладание молодых особей над взрослыми не всегда присуще только домашним формам. В популяции диких свиней преобладают молодые особи, которые обычно становятся более легкой добычей.

В последнее время, в связи с находкой в Якутии трупа ископаемой лошади, абсолютный возраст которой по C¹⁴ 37 тыс. лет, высказана гипотеза, что современные домашние якутские лошади произошли от местной дикой формы¹⁰. Это предположение было сделано на основании кажущегося морфологического сходства ископаемой плейстоценовой и современной лошадей.

Не говоря о том, что до сих пор нет диагностических отличий в скелете домашней и дикой форм лошадей вида *Equus caballus*, следует отметить, что на территории Сибири дикая лошадь исчезла в начале голоцена. Достоверные ее остатки встречаются лишь в мезолитических материалах. Согласно сделанному предположению можно считать, что она должна быть одомашнена в Сибири не позже мезолита. Но уже в неолитическую эпоху у охотников Сибири домашних животных, кроме собаки, не было. Не встречаются кости лошади и среди остеологических остатков многослойного археологического памятника Белькачи в Якутии¹¹. Лошадь появляется только на памятниках эпохи бронзы, оставленных тюркскими племенами, распространившимися по Восточной Сибири лишь в I тысячелетии н. э.

Таким образом, на основании известных данных, в эпоху мезолита на территории СССР единственным домашним животным была собака.

- ¹ Рогачев А. Н. Некоторые вопросы изучения палеолита Восточной Европы. — МИА, № 126, 1966.
- ² Гурина Н. Н. Предисловие. — В кн.: У истоков древних культур (эпоха мезолита) (МИА, № 126, 1966).
- ³ Ермолова Н. М. Материалы по фауне млекопитающих мезолитической эпохи Прибайкалья. — МИА, № 126, 1966.
- ⁴ Массон В. М. К вопросу о мезолите Передней Азии. — МИА, № 126, 1966.
- ⁵ Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР. — СА, XXI, 1954.
- ⁶ Борисковский П. И. Вопросы периодизации палеолита. — СА, XXI, 1954.
- ⁷ Столяр А. Д. Об одном центре одомашнивания свиньи. — СА, 1959, № 3; Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Апр I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. — МИА, № 91, 1960; Дмитриева Е. Л. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Апр I. — Там же.
- ⁸ Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- ⁹ Громова Вера, Громов В. И. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. — Труды Советской секции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, 1, 1937.
- ¹⁰ Лазарев П. А. Плейстоценовые и современные лошади Якутии. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1974; Филуменов А. Лошади, которые возвращаются. — «Знание — сила», 1974, № 11.
- ¹¹ Егоров О. В. Остатки фауны из многослойной стоянки Белькачи I. — В кн.: Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.

Н. Н. ГУРИНА

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОБЩИХ И ОСОБЕННЫХ ЧЕРТАХ МЕЗОЛИТА ЛЕСНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Сложность проблем, связанных с изучением мезолита обширной территории лесной и лесостепной зон европейской части СССР, объясняется в большей мере недостаточной изученностью этой эпохи вообще и отсутствием твердо установившихся представлений о ее сущности. Достаточно указать на то, что нет единого мнения о правомерности и принципах выделения мезолитической эпохи. Как всякая промежуточная ступень развития, по которой проходит грань между двумя крупными историческими периодами, мезолит с большим трудом поддается определению.

Однако по мере увеличения фактического материала увеличивается и число сторонников выделения мезолита. При этом все они не разделяют того мнения, что мезолит знаменует собой переход от присваивающего хозяйства к производящему. Для всей рассматриваемой нами зоны и переход к неолиту не означал резкого изменения формы хозяйства — появления новых его отраслей, скотоводства и земледелия. Даже в лесостепной зоне (включая Северную Украину) в период неолита огромную роль в экономике продолжали играть охота и рыболовство в достаточно развитой их форме. Во всей же европейской и в азиатской частях лесной зоны СССР они безраздельно господствовали.

Выделение мезолита сложно и потому, что как всякая промежуточная эпоха он сочетает в себе старые черты, присущие предшествующей ступени развития общества — палеолиту, в недрах которого он вызревает, и зародившиеся новые, неолитические элементы культуры. И все

же существенные специфические признаки, появившиеся в технике и типах инвентаря, ставших наиболее характерными для огромной территории на относительно одинаковом хронологическом этапе, заставляют выделить эпоху мезолита.

Мезолит как определенная ступень развития каменного века в нашей стране был выделен более полстолетия тому назад. Яркие выраженные черты кремневой индустрии, распространенной на огромной территории, несовпадение ее с индустриями предшествующего и последующего периодов — палеолита и неолита — позволили исследователям увидеть в культуре мезолита нечто принципиально новое. Дальнейшие изыскания не только подтвердили правильность сделанного вывода, но и в большей мере углубили понимание мезолита.

Очень важны результаты хронологического определения памятников с помощью радиоуглеродного метода. Как можно видеть¹, на огромной территории ряда европейских стран, включая европейскую часть Советского Союза, начало резких изменений в каменной индустрии — становление мезолитической эпохи — в большинстве случаев совпадает с началом VIII тысячелетия до н. э. Учитывая огромную протяженность этой территории с различиями экологического характера, конец мезолита, если связывать это с появлением керамики, наиболее вероятно отнести к началу IV тысячелетия до н. э.

Естественно, как мы уже говорили, провести прямую границу между палеолитом и мезолитом, с одной стороны, и мезолитом и неолитом — с другой, невозможно. В действительности это был единый неразрывный процесс развития человеческого общества, развития культуры, сущность которого не может быть выражена полностью в сухой схеме. Она окажется ближе к действительности, в частности, после того, как будет изучено развитие отдельных типов орудий. В этом случае границы мезолита (но также в известной степени условно) станут возможно провести в виде зигзагообразной линии, поскольку ряд типов орудий, зародившись в палеолите, достигает развития в мезолитическую эпоху, другие же, возникнув в мезолите, доживают иногда до раннего неолита, третьи появляются и исчезают в рамках мезолита. При этом мы считаем неправомерным проводить отчленение мезолитической эпохи по какому-то одному, хотя бы и очень яркому, признаку, например по геометрическим орудиям, поскольку они встречаются хотя и на большей части, однако не на всей рассматриваемой территории. В этом случае мы обязаны были бы исключить огромные пространства, в частности северные области, Сибирь, где они вовсе отсутствуют или представлены единичными экземплярами. Вместе с тем при ином решении пришлось бы зачислить палеолитические памятники, где имеются единичные геометрические формы, в разряд мезолитических.

При конкретном историческом подходе к выделению мезолитической эпохи, учитывая сумму существенных признаков в постоянном сочетании, необходимо учитывать и известные вариации. В некоторых регионах отдельные элементы индустрии будут выражены очень ярко, в других — приглушенно, а в третьих — и вовсе отсутствовать. Многогранность действительного исторического процесса — формирование этнографических особенностей путем сохранения и приумножения традиций в технике, различные формы и интенсивность культурных связей, ассимиляция населения, разнообразие экологического порядка — и находит свое отражение в различии соотношений отдельных элементов индустрии, в целом составляющих сумму специфических признаков, позволяющих выделять мезолит из пограничных с ним эпох.

В пределах огромного региона — Восточной и Западной Европы (мы не касаемся здесь других территорий) — в указанных хронологических рамках повсеместно прослеживаются общие черты в своеобразной индустрии. Так, достигает высокого совершенства техника обработки камня и

прежде всего техника отжима правильных тончайших пожевидных пластин значительной длины, о чем свидетельствуют великолепной огранки конические и карандашевидные нуклеусы. Широкое развитие, в особенности в позднем мезолите, достигает микролитическая техника, поражающая своим мастерством. Возникают и быстро внедряются в практику микролитические изделия — геометрические формы (трапеции разнообразных типов, сегменты, треугольники, короткие сечения), свидетельствующие о массовом применении вкладышевой техники. Почти повсеместно распространены микропластинки с притупленной спинкой, скошенным краем, боковыми выемками, поистине ювелирные кремневые пилки, разнообразные ланцеты и различные мелкие и мельчайшие острия, концевые и округлые скребки, микроскребки, резцы на углу сломанной пластинки, микрорезцы на трапециях и коротких сечениях. Повсюду, хотя в разном количестве, распространяются наконечники стрел на пожевидных пластинах, варьирующие в деталях: листовидные, черешковые с частичной обработкой по черешку и острию, а также поперечные. Очень устойчивы концевые скребки, преимущественно на пожевидных пластинах и пластинчатых отщепах, правильного огранения, укороченных или удлиненных пропорций, в том числе двойные (с лезвиями на противоположных концах). В ряде районов (Верхнее Поволжье, бассейн Сожа) им сопутствуют, а в отдельных случаях преобладают, скребки округлых очертаний, преимущественно крупных размеров, на специально изготовленных для этих целей отщепах. Меняются по сравнению с палеолитическими формы резцов — резцы на отщепах становятся более аморфными, чаще встречаются угловые резцы. Распространяется специфическая форма резцов — на углу пожевидной пластины, имеющих от одного до четырех лезвий, рабочая часть орудия оформляется специальным резцовым сколом, сколом и ретушью или только микроретушью.

Массовое распространение имеют и другие орудия на пожевидных пластинах — ножи, проколки, сверла. Прочно внедряется в практику специальная подготовка конических нуклеусов, на что указывают многочисленные краевые реберчатые сколы на стоянках и мастерских этого времени. Наконец, нельзя не упомянуть повсеместного появления крупных (различной величины) рубящих орудий, обычно более примитивных по сравнению с неолитическими. Часто в этих целях использовались специально подработанные нуклеусы и крупные сколы с них. Большинство таких рубящих орудий имеет лишь частичную обработку. Для ряда районов устойчивы типы пик, транше, овальные топоры и топоры с перехватом. Достаточно характерны для этого времени и типичные костяные и роговые орудия, наиболее часто встречающиеся в Прибалтике: мелкозубчатые гарпуны, наконечники (биконические и со вкладышами), муфты для топориков, тесла, различные острия.

Присущи этому времени реалистическое изображение животных, геометрический, преимущественно зигзагообразный орнамент, нередко покрывающий поверхность костяных орудий. Хотя и не очень многочисленны, но уже достаточно хорошо известны жилища и погребения, имеющие большую индивидуальность. Знаменательно, что все перечисленные признаки в разной степени и сочетании были свойственны индустриям огромной территории Западной и Восточной Европы в период VIII—V тысячелетий до н. э. (а в иных местах и до IV тысячелетия до н. э.).

Считалось, что резкие изменения в типах орудий труда в столь широком регионе нужно связывать с причинами экологического порядка — исчезновением крупных животных, которое привело к изменению способов охоты. Однако специалисты в этой области² отрицают такую прямую связь, и причину указанных явлений надлежит искать, очевидно, в каких-то иных факторах. Очень вероятно, что повсеместный переход к указанным выше техническим приемам изготовления и типам орудий следует прежде всего объяснять их более совершенными качествами по сравне-

нию с орудиями предшествующего времени. Несмотря на то, что, как мы говорили, генезис мезолитических культур разработан еще слабо, все же уже и сейчас можно констатировать зарождение мезолитической техники и отдельных типов орудий в недрах позднего палеолита и даже ранее. Это отчетливо выступает не только по материалам Северо-Германской низменности, Польши, Литвы, но и на Русской равнине. С большой очевидностью об этом свидетельствует, например, Тельманская стоянка с ее мелкими орудиями высокосовершенной обработки. Целый ряд форм изделий эпохи мезолита имеет свои прототипы в палеолите, а в ряде случаев они почти или вовсе не отличаются от палеолитических. Так, близки округлые и концевые скребки на пожевидных пластинах и пластинчатых отщепах, в частности двойные укороченных пропорций, пластинки с притупленной спинкой, ланцетовидные острия, пластинки с выемками на конце и мелкими резцовыми сколами в углу их и небольшие долотовидные двустороннеобработанные орудия. Они известны в материалах палеолитических стоянок Костенки II и IV, Тельманской и др. Существенно также, что в Костенках IV обнаружены наконечник копья, или клинок охотничьего ножа³, с очень тщательной двусторонней обработкой, ланцетовидные острия, а в Костенках I и в Сунгире — наконечники стрел⁴.

Удивительное сходство мезолитических орудий, распространенных на территории Западной и Восточной Европы, нельзя понять без учета экологического фактора. Происшедшие климатические изменения на рубеже плейстоцена — голоцена, освободившие от льда значительные пространства центральных северных областей, и увеличение численности населения в южных территориях вызвали отток его в образовавшуюся нишу. Передвигаясь в северном направлении, люди, естественно,несли с собой технические навыки изготовления орудий и определенные, традиционные их формы. Так утверждалось сходство орудий на новых территориях и на более южных.

Наряду с этим должны были возникать сначала слабые, а затем все усиливающиеся черты различий, послуживших основой для сформировавшихся впоследствии различных культур и их вариантов. Одной из причин своеобразия орудий в отдельных областях явилось несходство природной среды, куда впервые попадали пришельцы. Здесь играли роль такие факторы, как климат, наличие или отсутствие озер, горного ландшафта, леса или тундры. Применительно к этим условиям приходилось приспосабливать и хозяйство, а следовательно, сохранять и изобретать те типы орудий, которые оказывались наиболее эффективными в данной ситуации. Так усвершенствовались старые и нарождались новые категории и типы орудий, отличных от орудий других территорий.

Немаловажную роль в создании мезолитических культур и их вариантов играли источники сырья (кремень, сланец, кварц), диктовавшие человеку и особые технические приемы. Достаточно вспомнить весьма оригинальный инвентарь позднего этапа мезолита Финляндии — культуры суомусярви⁵: крупные шлифованные орудия из сланца. Накладывало известный отпечаток на характер индустрии и общение с различными соседями, обладателями иных традиций. Наконец, когда население передвигалось на уже освоенные ранее территории, в сложении мезолитических культур заметную роль должны были играть и местные палеолитические традиции.

Все эти причины постепенно приводили к зарождению, а затем и утверждению своеобразия в индустрии различных племен. По мере обогащения эти традиции постепенно укреплялись, самобытность усиливалась.

Таковы, как нам кажется, причины, могущие объяснить общее и локальное в мезолитических культурах лесной и лесостепной зон европейской части СССР.

Рамки статьи позволяют только в общих чертах коснуться фактического материала. Полнее он отражен в конкретных статьях настоящего выпуска. Как указывалось, созданию цельных представлений о мезолите рассматриваемой территории мешает слабая разработанность вопроса о формировании основных типов мезолитической индустрии в недрах палеолита, а также недостаточная изученность раннего неолита. Однако за последние годы стало известно значительное число новых ранне-мезолитических памятников. Они найдены впервые в ряде областей от приполярной зоны до лесостепи включительно. В свете новых факторов удастся переосмыслить материалы, полученные в предшествующий период, и ранее сделанные выводы.

При выяснении различий в мезолитической индустрии лесной и лесостепной зон европейской части СССР необходимо учитывать огромную протяженность территории и разнообразие природных условий (тундра, лесотундра, лесная и лесостепная зоны). Эти экологические различия обусловили деление рассматриваемой территории на две основные части — северную, лежащую к северу от линии Западная Двина — Клязьма — Кама, и южную, расположенную к югу от этой линии. В северной части, где почти нет или мало палеолитических памятников, появление мезолитических стоянок следует связывать с приходом сюда населения с иной территории. В южной части генезис мезолита более сложен, поскольку в большинстве случаев здесь происходило взаимодействие местных и пришлых элементов культуры.

Северная и южная области отличались друг от друга по ряду признаков, важнейшими из которых можно считать наличие или отсутствие массового применения геометрических форм, преимущественно трапеций и в меньшей степени наконечников стрел на пластинах. Хотя границы распространения стрел и трапеций и не полностью совпадают, все же общие контуры их ареалов выступают весьма отчетливо. Так, северная граница массового распространения трапеций (рис. 1) проходит несколько южнее Западной Двины и истоков Днепра, затем опускается к югу — среднему течению Десны и Дона, наконец, снова поднимается к северу, захватывая Среднее Поволжье до устья Камы, и уходит далее в Южное Приуралье. Для южной части этой области фиксируется также употребление сегментов, которые почти неизвестны севернее Десны. Вне этого массива распространения трапеций единичные экземпляры их найдены на Кольском полуострове (3), в Вычегодском крае (2), в Верхнем Поволжье (не более 5).

Внутри области распространения трапеций они были не одинакового типа. Для западной части — Литвы, Белоруссии, Украины и лесостепной зоны РСФСР — характерны в основном равнобедренные трапеции, ширина которых превосходит длину (малые транше), и квадратные. В восточной части — Среднем Поволжье, Южном Предуралье и в особенности Зауралье — были весьма распространены симметричные трапеции с вогнутыми сторонами, которые на позднем этапе мезолита выступали в сочетании с удлиненными формами.

За последние годы нам удалось выявить массовое распространение орудий, служивших в районах, лишенных трапеций, их заменителями, — короткие сечения. В южных областях они встречаются совместно с трапециями. Под короткими сечениями мы понимаем части пожевидных пластин с отсеченными бугорками, длина которых лишь едва превосходит их ширину, равна ей или меньше ее. В Верхнем Поволжье и на Десне наряду с прямоугольными весьма распространены сечения трапецеидальных и треугольных форм. Данные, которыми мы располагаем в настоящее время, свидетельствуют о том, что к северу они распространялись дальше, чем трапеции. Помимо лесостепной зоны они очень многочисленны на мезолитических памятниках Верхнего и Костромского Поволжья, в Вычегодском крае, на Северной Двине, в Европейском За-

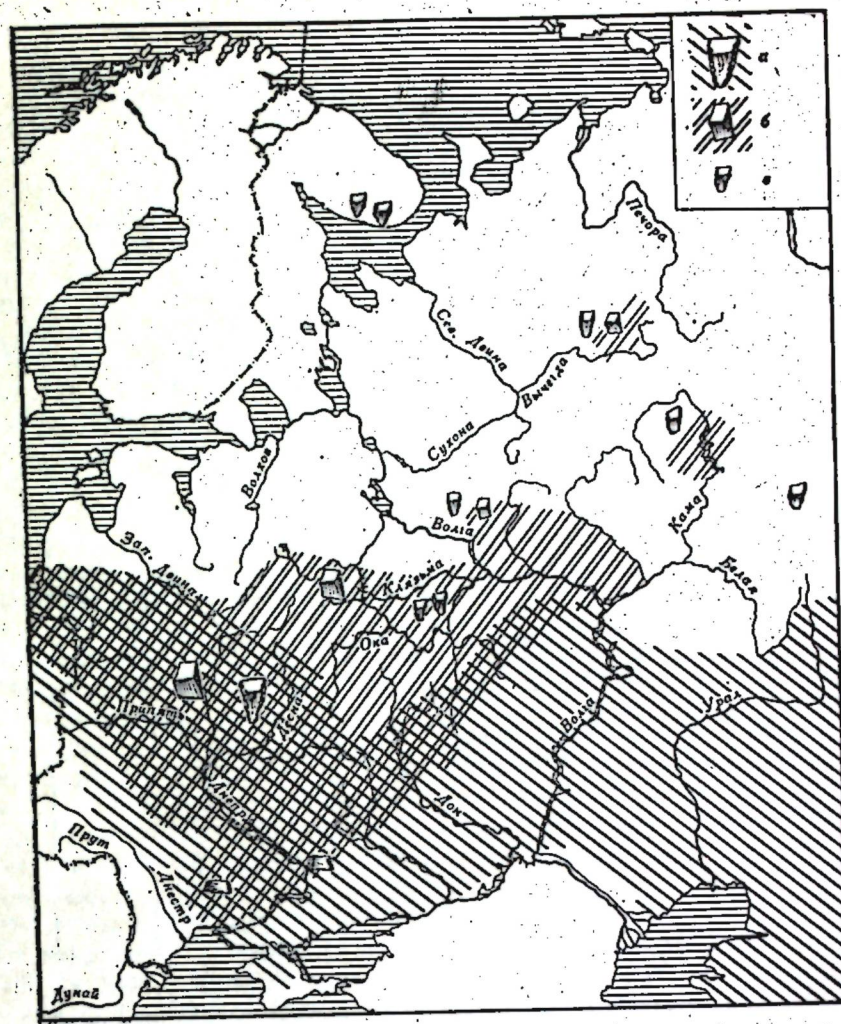

Рис. 1. Зона распространения трапеций и сечений
а — область массового распространения трапеций; б — область массового распространения сечений; в — единичные трапеции

полярье, т. е. в тех областях, где трапеции единичны. Выявлены сечения также на ранних и поздних мезолитических стоянках Эстонии. Пока сечения не обнаружены на Кольском полуострове и в других районах, лишенных кремневых запасов. Следует отметить, что на Десне, в Верхнем Поволжье и, возможно, в других регионах сечения доживают до раннего неолита. Судя по форме и следам сработанности, в особенности отчетливо заметной на углах, в отличие от удлиненных пожевидных пластин (также с отсеченными бугорками), которые употреблялись в качестве вкладышей для ножей и кинжалов, короткие сечения, видимо, использовались часто как зубцы для гарпунов. Среди них встречаются также экземпляры, служившие микрорезцами, о чем свидетельствует маленький резцовый скол на одном или двух их краях. Показательно, что такое использование коротких сечений прослеживается на всей территории. Об одинаковой функции трапеций и сечений говорят трапеции с подобными же резцовыми сколами, известные в Крыму и на Кавказе.

Существенной особенностью мезолита южной зоны является массовое применение пластинчатых наконечников стрел со свидерскими и аренсбургскими традициями (рис. 2). Наибольшее количество их отмечается в западных областях — Литве, Белоруссии, в известной мере Украине.

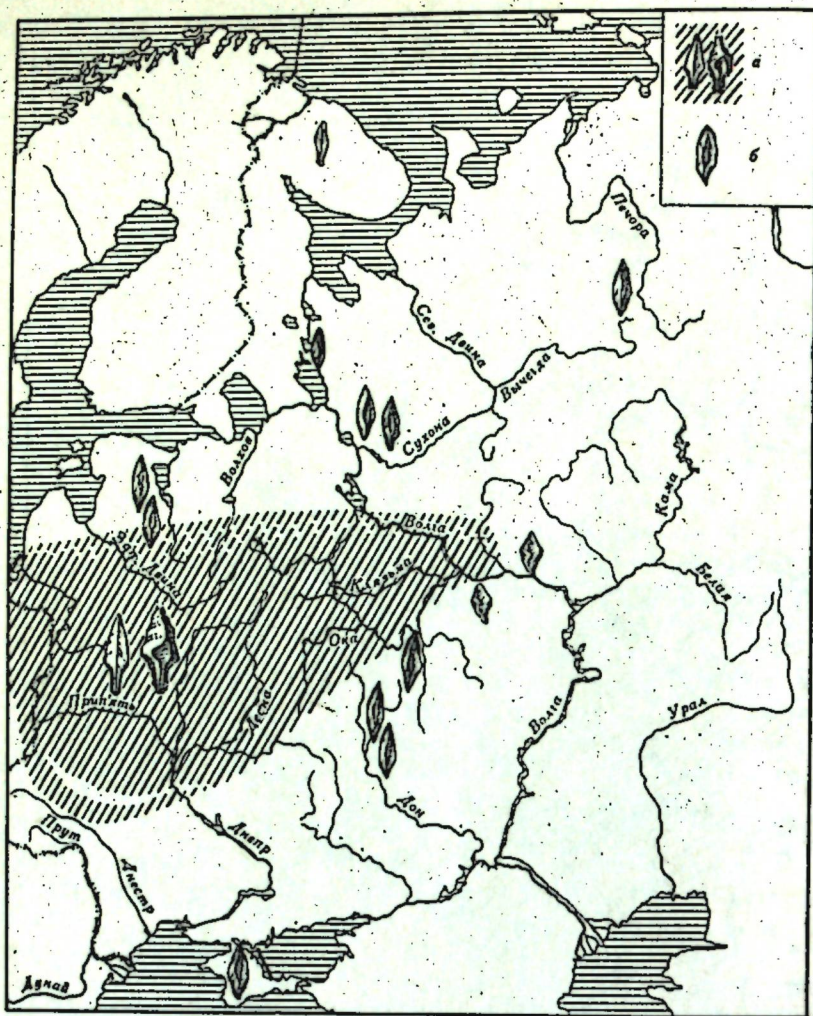

Рис. 2. Зона распространения наконечников

а — область массового распространения наконечников; б — единичные находки

Однако в южных районах они не столь многочисленны, как геометрические формы, при этом в Восточном Крыму в полной мере единичны, в то время как трапеции представлены там большей серией и разнообразными типами. Нечасты и своеобразны они на Кавказе. На всей территории их распространения наблюдается многообразие типов. Наряду с наконечниками, изготовленными из очень правильных прямых пожевидных пластин с резко суженным острием, ретушированных с брюшка или со спинки плоской свидерской ретушью (без черешка или в той или иной мере с выделенным черешком), встречаются и иные, приближающиеся к аренсбургским, хвалибеговицким или типу Хинтерзе (по В. Тауте)¹. Последние три типа имеют асимметричное перо, в различной степени ретушированное по краю, и черешок, иногда обработанный настолько крутой ретушью, что он приобретает округлое сечение. Особенно разнообразны наконечники Литвы и в несколько меньшей мере Белоруссии, что объясняется территориальной близостью их к области, видимо, являвшейся своего рода эпицентром их возникновения (Северо-Германская низменность).

Северная граница массового распространения пластинчатых наконечников стрел на северо-западе совпадает с границей распространения тра-

пеций (Литва), далее доходит до Верхней Волги и затем спускается к югу, не захватывая территории Среднего Поволжья и Прикамья. Подобно трапециям единичные (или относительно многочисленные) экземпляры наконечников, в особенности симметричные, бесчерешковые или с черешками, встречаются к северу и востоку от указанной границы — в Эстонии, Карелии, на Кольском полуострове, на Ижме, Вычегде, Печоре, Северной Двине. Наконечники стрел на пожевидных пластинах и пластинчатых отщепах с частичной обработкой черешка и острия иногда по всему периметру, в известной мере модернизированные, встречаются в сериях или единичных экземплярах в раннем и развитом неолите бассейна Десны, Литвы, в раннем неолите Верхнего Поволжья, Оки, Клязьмы, Карелии, на Ижме, Печоре, Вычегде, а также в Эстонии.

Повсеместно распространенным и массовым материалом в мезолите являются пожевидные пластины правильного ограничения, ретушированные по краю (вкладыши, ножи), пластинки, микропластинки и соответствующие им карандашевидные микропунклеусы. Они найдены в различных количественных сочетаниях с преобладанием одних или других типов на разных территориях. В ряде случаев микролитичность выражена столь ярко, что ширина пластинки равна всего лишь нескольким миллиметрам. Весьма отчетливо проявляется микролитизация в Белоруссии, Псковской области (Белые Струги), Костромском Поволжье, на Северной Двине, на позднем этапе мезолита Эстонии. Относительно слабо выражена микролитизация в Среднем и Верхнем Поволжье и особенно в районе истоков Волги, который правильнее именовать макро-микролитической областью, поскольку там явно доминируют крупные орудия.

Каждая из двух областей — северная и южная — не представляли, однако, полного единства по составу кремневой индустрии: внутри каждой из них в свою очередь прослеживались различные друг от друга более компактные территории, свидетельствующие о наиболее тесной этнокультурной близости населения, оставившего ту или иную группу памятников. Так, в пределах северной области по характеру орудий довольно резко выделяются Кольский полуостров и Карелия со своеобразным кварцевым инвентарем, сходным с инвентарем Северной Норвегии и Финляндии (комсо- и аскола-культуры). Отдельные близкие черты прослеживаются и на мезолитических стоянках Эстонии. Вместе с тем за последние годы в Эстонии, Карелии и на Кольском полуострове выявлены памятники мезолита, указывающие на южные связи.

Было бы непосильной задачей охарактеризовать в данной статье локальные различия каждой из таких территорий, в частности и из-за недостаточной изученности мезолитических памятников. Предварительные обобщенные сведения о них содержатся в предлагаемой таблице (рис. 3). Можно констатировать, что наибольшая близость кремневого инвентаря прослеживается на соседних территориях.

Ведущие типы инвентаря и мезолитические комплексы лесной и лесостепной зон европейской части СССР, ГДР, ФРГ, Польши, Чехословакии и Румынии во многом близки. Помимо уже рассмотренных наконечников стрел, геометрических микролитов и сечений мезолитические комплексы содержат угловые резцы на углу сломанной пластины, пластинки с выемчатым, скошенным или прямым ретушированным концом, округлые концевые скребки, ланцеты, острия, пластинки с притупленным краем, топорovidные орудия, встречающиеся в разных количествах почти на всех территориях.

Существовали и хронологические различия внутри локальных групп. В определенные периоды появлялись одни и исчезали другие типы. В каждом отдельном случае изменения, помимо общей тенденции развития и усовершенствования орудий, происходили в силу своих, особых причин — возникновения или исчезновения связей с соседним населением, освоения нового вида сырья и др. Вместе с тем на территориях,

- ³ *Рогачев А. И.* Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону. — МИА, № 45, 1955, рис. 21, табл. XXXVIII.
- ⁴ *Рогачев А. И.* Костенки IV — поселение древнекаменного века..., рис. 22.
- ⁵ *Luho V.* Die Suomusjärvi-kultur. — Suomen fornminnesföreningens Tidskrift, 66, Helsinki, 1967.
- ⁶ Получению исчерпывающих сведений об их размещении мешает то обстоятельство, что до сих пор многие исследователи не фиксировали на них внимание.
- ⁷ *Taute W.* Die Stilspeitzengruppen im Nördlichen Mitteleuropa. — Fundamenta, Reihe A, Bd 5. Köln — Garz, 1968.

Д. Я. ТЕЛЕГИН

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ЮГО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Первая попытка определить на Украине местонахождения, относящиеся к эпохе мезолита, принадлежит, видимо, М. Я. Рудинскому. Он же в 1928 г. впервые в нашей специальной литературе применил термин «мезолит». В понимании этого исследователя мезолит включал три фазы: эппалеолит, протонеолит и ранний неолит¹. К мезолитическим памятникам М. Я. Рудинский отнес Смячку XIV, Ахтырку и др.

В одной из своих более поздних работ М. Я. Рудинский исключил из этого понятия ранний неолит. Среди мезолитических культур он, вслед за западноевропейскими учеными, называл азий, капсий, тарденуаз и маглемозе².

Несколько иную позицию в этом вопросе занимал Г. А. Бонч-Осмоловский, который все азийско-тарденуазские стоянки Крыма (Шан-Коба, Сюрень II, Кукрек и др.) относил к позднепалеолитическому времени³. Позднепалеолитической была названа также и стоянка Мурзак-Коба, раскопанная и опубликованная С. Н. Бибиковым.

Мнение П. П. Ефименко в вопросах отнесения послепалеолитических памятников к определенной эпохе не было постоянным. Еще в 1924 г. о мелких кремневых орудиях дюнных стоянок юга европейской части СССР и крымских пещерных местонахождений он писал как о принадлежащих к раннеолитическому времени. Среди этих памятников мы встречаем стоянки Кизил-Кая в Крыму, Кипевка на Северском Донце и др.⁴ Эта же мысль П. П. Ефименко нашла отражение в последнем издании книги «Первобытное общество» (1953 г.), где понятия «тарденуаз» и «ранний неолит» выступают как синонимы. Вслед за М. В. Воеводским П. П. Ефименко, однако, признавал и термин «мезолит», относя к этой эпохе на юге европейской части СССР такие стоянки, как Песочный Ров, Миньевский Яр и др. С другой стороны, стоянки типа Шан-Кобы, Мурзак-Кобы, Фатма-Кобы, так же как и обнаруженные здесь тарденуазские погребения, рассматривались им среди финальнопалеолитических памятников. К концу этой эпохи П. П. Ефименко относил и стоянку Рыгалик Якимовский.

Вопрос о мезолитических культурах Восточной Европы был обоснован в работе М. В. Воеводского⁵, взгляды которого довольно успешно развивает и отстаивает А. А. Формозов⁶.

К сожалению, мы до сих пор еще не всегда располагаем критериями для отнесения того или иного памятника или их группы к определенной эпохе: финальному палеолиту, мезолиту или раннему неолиту. По крайней мере это можно сказать применительно к культурам юго-запада европейской части СССР, где весьма слабо еще изучены и вопросы хро-

нологии мезолита (особенно абсолютной), только начинают разрабатываться проблема культурно-территориального членения и номенклатура кремневых изделий.

В этой статье мы кратко остановимся лишь на одном из упомянутых вопросов: об основных принципах выделения памятников мезолитического типа на юго-западе европейской части СССР.

П. И. Борисковский в отличие от Г. А. Бонч-Осмоловского и других раздвигает хронологические границы мезолита в глубь тысячелетий. К этому периоду он относит и такие памятники, как Боршево 2, верхние слои Гонцов и Кирилловской стоянки, нижний слой Осокоровки и др. Таким образом, нижняя граница мезолита отодвигается ко времени существования лёссовых стоянок, иногда с костями мамонта в слое (Гонцы, Осокоровка V), при полном отсутствии микролитов геометрических форм⁷.

А. П. Черныш относит к мезолиту верхние слои (1, 1а) Молодовы V, Оселивки, Атак и других памятников, где представлены уже трапециевидные микролиты, но в обзоре мезолита Украины о них вовсе не упоминается⁸. Насколько нам известно, В. Н. Станко признает мезолитический возраст Оселивки, Атак, но отрицает возможность отнесения к мезолиту Молодовы V, хотя в обоих случаях имеются микролиты геометрической формы, а стратиграфические условия залегания горизонтов и состав фауны весьма близки.

До сих пор мы говорили о значительном несовпадении взглядов различных исследователей на нижний рубеж мезолита. К сожалению, не меньше расхождений обнаруживается и при выяснении верхней границы этой эпохи. Разногласия начались с открытия на Ближнем Востоке (Иерихон, Джармо, Али-Кош и др.) докерамических слоев, содержащих костные останки домашних животных и остатки культурных злаков. Встал вопрос об этапе докерамического неолита.

До недавнего времени считалось, что верхняя граница мезолита на юге европейской части СССР более или менее точно определялась появлением первой керамики. Но сейчас в этом вопросе не существует единого мнения. Выявление слоев и стоянок докерамического неолита стало своеобразной модой. Докерамический неолит ищут в Румынии (Д. Берчпу), в Молдавии (В. И. Маркевич), на Украине (В. Н. Даниленко), в Северо-Восточном Приазовье (Л. Я. Крижевская), на Средней Волге (А. Х. Халиков).

На некоторых стоянках (например, в бескерамических горизонтах Сорок в Молдавии) обнаружены следы domestikации животных. На других же памятниках (Бейле Геркуланум в Румынии, Кукрек в Крыму, Матвеев курган на Миусе, Бозяковская и Березогривская стоянки на Средней Волге) отсутствуют и они. В лучшем случае здесь найдены лишь топорovidные орудия (Матвеев курган, Бозяковская), на некоторых же стоянках и этого признака начала «неолитической революции» не отмечается. В связи с этим непонятно, по каким причинам такие стоянки, как, например, Кукрек, пужно связывать с неолитом, пусть даже с бескерамическим.

Уместно вспомнить о выводах польского исследователя С. К. Козловского, который считает, что в Крыму и Причерноморье мезолита вообще не было. По его мнению, здесь вместе с появлением первых признаков domestikации свиньи (Фатма-Коба) начинается уже неолит, который и сменяет непосредственно палеолитические культуры⁹.

Такое несовпадение взглядов по вопросу определения мезолита как эпохи находит объяснение в ряде причин и прежде всего в том, что основными критериями не всегда служат одни и те же признаки. В одном случае это — типологические особенности изделий, в другом — тип хозяйства, в третьем — данные геологии, климатологии, палеонтологии, социальные моменты и т. п.

В связи с тем, что отдельные типы изделий — кремневых, каменных, костяных, керамических и т. п. — распространились на различных территориях не в одно время и их появление не определяется началом производящего хозяйства и не всегда подтверждается данными геологии, хронологическая и типологическая граница начала и конца мезолита в разных районах, естественно, сильно варьирует.

Более того, даже если исследователи при установлении границ рассматриваемой эпохи придерживаются и одного круга признаков (например, особенностей типологии кремневых и костяных изделий), то и тогда возникают разногласия, поскольку у нас нет еще четко определенной суммы признаков (пусть даже условных), по которым можно было бы относить к мезолиту ту или иную культуру или группы памятников. По существу сейчас для каждого более или менее крупного региона Европы выделяются свои признаки мезолитических (эпипалеолитических) культур.

Г. Швабедиссен считает границей палеолита и мезолита появление топора (в Арнсбурге топоров нет, в Пинниберге есть). Б. Грамш даже находит возможным помещать в мезолит отдельные находки каменных просверленных топоров. Это понимание мезолита резко отличается от других. Так, в более южном, например причерноморском, регионе топор появляется лишь в керамических культурах. Другой пример диаметрально противоположного подхода к пониманию сущности мезолитической культуры: в Польше, как известно, начало мезолита связывают с исчезновением свидерской культуры, следовательно, с периодом, когда выходит из употребления наконечники стрел на пластинах. В лесной полосе СССР они есть в подавляющем большинстве мезолитических комплексов¹⁰.

Рубежом раннего и позднего мезолита в Польше считают появление трапециевидных микролитов. В Румынии же трапеции известны еще в граветтских позднепалеолитических комплексах. Свидерский комплекс из Скауны, как и Сюрень 2 в Крыму, датируется мезолитическим (эпипалеолитическим) временем.

В Молдавии и на юге Украины трапеции появляются также очень рано, еще в лёссовых стоянках (Осокоровка IIIв). В Крыму они сосуществуют с сегментами, которые в более северных районах почти не встречаются или встречаются спорадически.

Если брать более широко, то мезолит Северной Африки и Переднего Востока, например, мало похож на северопрichernоморский, а последний в свою очередь отличается от мезолита Северной Украины и более северных территорий — Волго-Окского бассейна, Литвы и т. д.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что критерии выделения мезолитических культур, сложившиеся при изучении памятников одной территории, не всегда приемлемы для определения мезолита иных областей. Видимо, общий «универсальный» критерий для выделения мезолитических культур в разных районах Европы выработать вообще невозможно, и не только исходя из типологии, но и по типу хозяйства, геологическим данным и другим признакам.

Общезвестно, что и абсолютные даты начала и конца мезолита Старого Света были далеко не одинаковы, как и общая продолжительность этой эпохи. На Ближнем Востоке мезолит и протонеолит датируют X—VII тысячелетиями до н. э., т. е. они длились около 3 тыс. лет. В Западной Европе мезолитическая эпоха началась только в VIII тысячелетии до н. э. (пребореальный период) и продолжалась до IV—I тысячелетий до н. э.

Приведенные выше краткие замечания по вопросу методики определения мезолита было бы неправильно понимать как отрицание этой эпохи в истории первобытного общества вообще. На наш взгляд, нужно лишь совершенствовать само ее определение.

Видимо, при определении мезолита следует различать две стороны, оно должно носить двойной характер: 1) определение мезолитической эпохи вообще и 2) выделение суммы признаков, характерных для мезолитических культур или групп памятников достаточно широкого региона. Естественно, что первое определение будет более широким и общим, второе — частным и конкретным, вытекающим в общем из первого.

Мезолит (эпипалеолит, протонеолит) как эпоха — это время финальных этапов плейстоцена — начала голоцена, период значительного распространения микролитической техники, микролитов геометрических форм, распространения наконечников на пластинах (свидероидного типа), сложения макролитической техники, в некоторых более южных районах Европы и Азии — появления первых признаков перехода к производящим формам хозяйства. Сумма признаков для выделения конкретных мезолитических культур будет носить региональный характер.

Можно согласиться с А. А. Формозовым, что при определении принадлежности культур или групп памятников европейской части СССР к мезолиту должны быть положены в основу прежде всего данные археологической типологии — состав орудий труда, наличие или отсутствие керамики, с учетом затем факторов хозяйственных, естественно-географических, социальных и др.

Применительно к территории юго-запада европейской части СССР, по нашему мнению, мезолитическими памятниками могут считаться: а) докерамические дюнные стоянки с микролитическим инвентарем (острия типа Ставиного — Кудлаевка, ползутупленные острия Зоновен — Коморница, донецкого типа и т. п.), с геометрическими микролитами или же без них. В более северных районах в этих комплексах могут встречаться макролитические изделия (транше, топоры), а также острия на пластинах свидероидного типа (Корост, Нобель, урочище Песчаное на Волини, Таценки, ДВС в Киевском Поднепровье, Большая Андрусовка, Игрень 8 на Среднем Днепре, Дробышево, Пришиб на Северском Донце и др.); б) докерамические стоянки лёссовых террас с геометрическими микролитами или макролитическими изделиями, культурный слой которых обычно залегает в верхних горизонтах аллювиальных-делювиальных наслоений (Молодова V — слои 1, 1а, Варваровка 9, Белолесье, Гребеники, Осокоровка III, Миньевский Яр, Александровка, Песочный Ров и др.); в) пещерные и открытые докерамические стоянки Крыма и Прикарпатья с геометрическими микролитами (сегменты, трапеции, треугольники и др.) Шап-Коба, Фатма-Коба, Кукрек, Ласпи 7, Фронтное и др. По традиции к мезолитическим памятникам, очевидно, следует относить и могильники волошко-василевского типа в Надпорожье.

С вопросами определения мезолита как эпохи и конкретных мезолитических культур и групп памятников неразрывно связывается и проблема их абсолютного датирования, которая для юга европейской части СССР еще по существу не ставилась. К сожалению, для этой территории остается еще слабо разработанной схема колебаний климата в голоцене, что, например, помогает датировать мезолит Прибалтики и Северной Европы, а радиоуглеродных дат для мезолита Украины и Молдавии получено крайне мало.

Относительно лучше нам известна верхняя (поздняя) дата мезолита степного юга Украины и Молдавии, которая определяется возрастом позднемезолитических стоянок Сороки (5460 ± 80 и 5570 ± 120 лет тому назад) в Молдавии, Матвеева кургана (5400 ± 20 лет тому назад) в Приазовье, а также множеством дат, полученных методом C^{14} для ранне- и средне-мезолитических культур Криш-Старчево, линейно-ленточной керамики и др. Получено несколько радиоуглеродных дат и для раннемезолитических стоянок Молодовы V (9640 ± 150 , 9000 ± 230 лет тому назад). Эти даты в известной мере не противоречат датировкам мезолита Венгрии, Польши, что позволяет говорить о сложении мезолита на юге европейской части СССР в

IX тысячелетия до н. э. и о продолжении этой эпохи до первой половины VI тысячелетия до н. э. на юге, в Причерноморье, и несколько позже на севере Украины и в Белоруссии.

- ¹ Рудинский М. Я. До питання про культури мезолітичної доби на Україні.— Антропологія, I, 1923.
- ² Рудинский М. Я. Деякі підсумки та ближчі завдання палеоетнологічних вивчень у межах УРСР.— Антропологія, IV, 1931.
- ³ Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения Крымского палеолита.— Труды II конференции АНЧПЕ, 5. М., 1934.
- ⁴ Ефименко П. П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста.— РАЖ, 13, 3-4, 1924.
- ⁵ Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы.— КСИИМК, XXXI, 1950.
- ⁶ Формозов А. А. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- ⁷ Борисковский П. П. Палеолит Украины.— МИА, № 40, 1953.
- ⁸ Колосов Ю. Г. Мезолит.— В кн.: Археологія Української РСР. Київ, 1971.
- ⁹ Kozłowski S. K. Pradzieje ziem Polskich od IX do V tys. po n. e. Warszawa, 1972, s. 12.
- ¹⁰ Кольцов Л. В. Новые раскопки стоянки Елин Бор.— МИА, № 126, 1966.

М. К. ГАБУНИЯ, Л. Д. ЦЕРЕТЕЛИ

МЕЗОЛИТ ГРУЗИИ

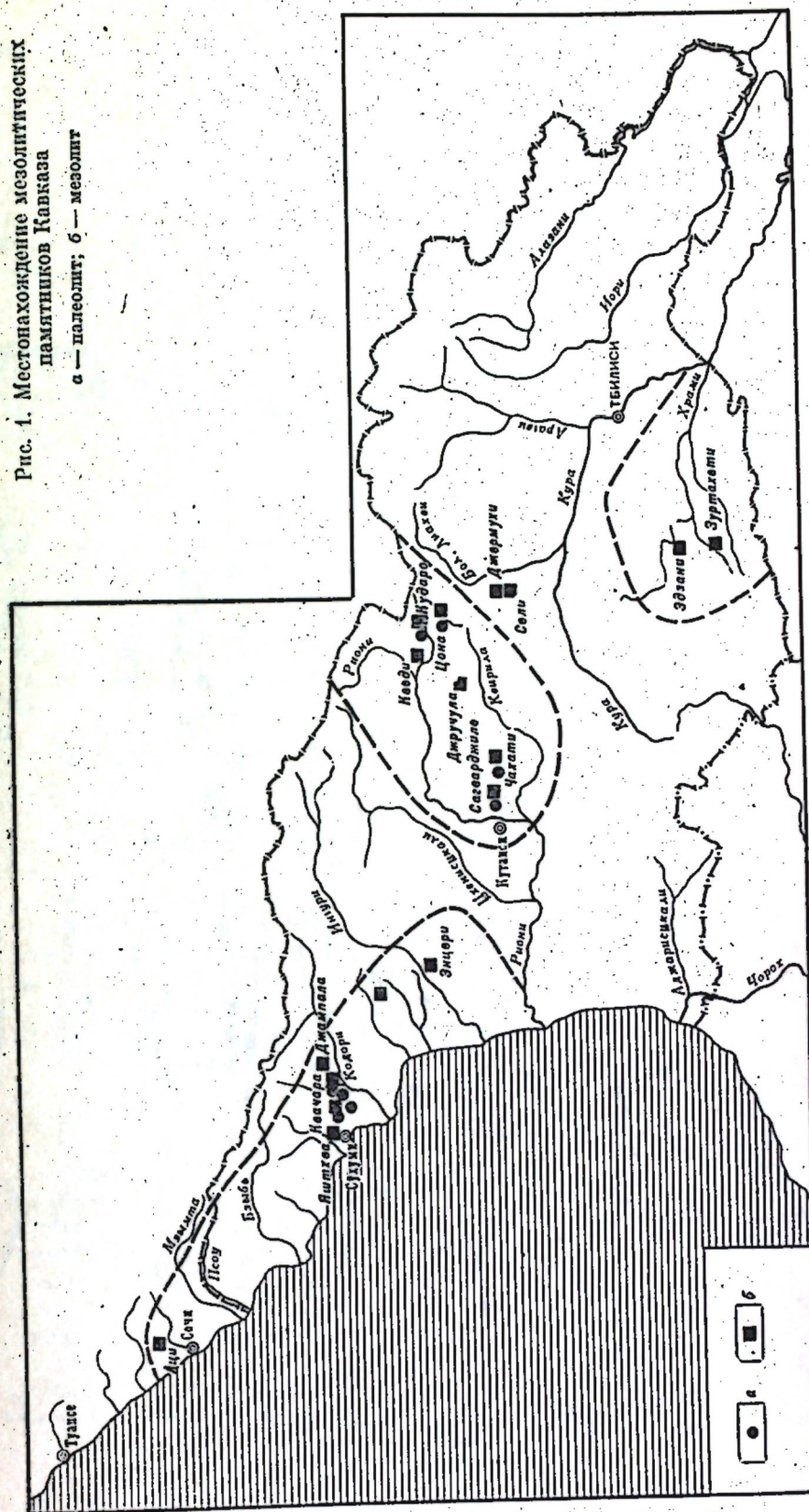
На территории Грузии мы констатируем по меньшей мере три локальные группы мезолитических культур (рис. 1). Первая из них охватывает юго-восточную часть Грузии, включая в себя два памятника: Эдзанский (Бармаксыз) и Зуртакетский навесы, расположенные на территории южных отрогов Тriaлетского хребта. Эти навесы выработаны в четвертичных андезито-базальтовых и долеритовых лавовых образованиях. Оба памятника однослойные.

Известно, что в мезолитическую эпоху культура первобытного населения обнаруживает признаки значительного прогресса. Об этом свидетельствует, в частности, и то многообразие орудий производства, которое наблюдается в Эдзани (рис. 2, 1—43). Привлекает внимание обилие таких орудий, как геометрические микролиты (среди них особым многообразием отличаются представленные большими сериями асимметричные треугольные вкладыши, довольно развитые формы сегментов и трапеций. сегменты с притупленной дугой и трапеции с затупленным верхним основанием); орудия, напоминающие наконечники стрел; многочисленные разнообразные, прекрасно обработанные пластины-вкладыши; микроскребки на пластинах; округлые скребки на микроотщепах и др. Во всем инвентаре значительное место занимают орудия, которые по уровню обработки и общему характеру больше отвечают техническим и хозяйственным потребностям неолита, чем верхнего палеолита. Сохраняется и ряд пережиточных форм от верхнего палеолита.

Зуртакетский каменный инвентарь слишком беден (рис. 2, 44—54). Тем не менее его близость к эдзанскому комплексу совершенно очевидна. Так же, как и в Эдзани, здесь ведущими являются, по всей вероятности, призматические и уплощенные нуклеусы, а техника их изготовления сходна в обоих стоянках. Как и в Эдзани, из орудий преобладают скребки, хотя в отличие от эдзанских они изготовлены на более крупных отщепах. Зуртакетские сверла также весьма близки по форме к эдзанским. Наконец, в некоторой мере сближает эти комплексы обилие пластинок, большая часть которых имеет зазубрины и выемки. В обоих случаях

Рис. 1. Местонахождение мезолитических памятников Кавказа

а — палеолит; б — мезолит

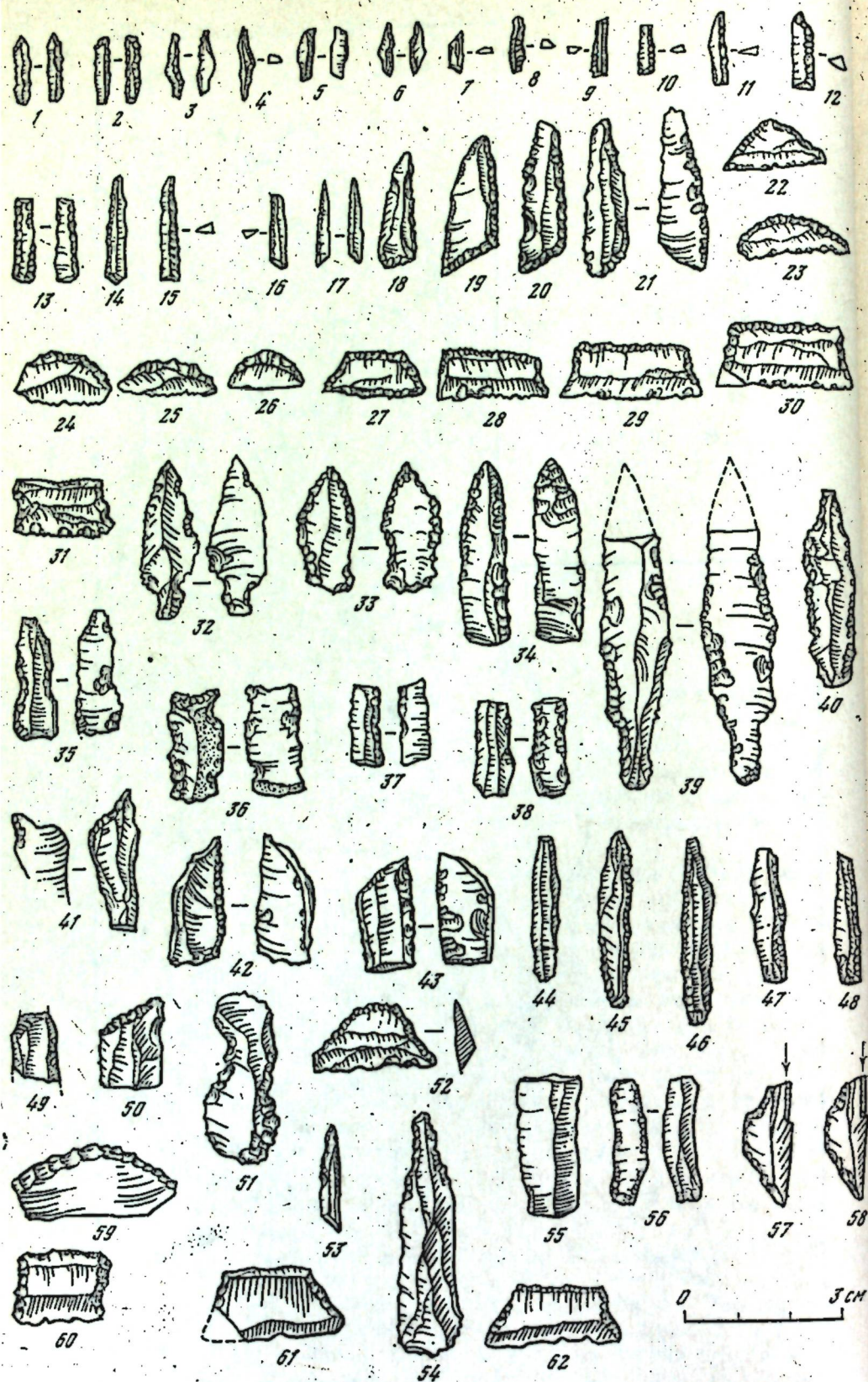

Рис. 2. Инвентарь стоянок

1—43 — Эдзани (Бармаксы); 44—54 — Зуртакети; 55—62 — Джампали

ведущее положение занимают микролитические пластины (больше половины всех пластин), при этом значительная их часть с притупленной спинкой или краем.

Из геометрических форм в Зуртакети представлена только одна трапеция (сравнительно ранняя форма), а характерные для Эдзани асимметричные треугольники здесь отсутствуют вовсе. Таким образом, наряду с общими с Эдзани чертами, Зуртакети обнаруживает и некоторые отличия. Относительно архаические признаки указывают, видимо, на несколько большую древность Зуртакетского навеса. Примечательно, что и в Зуртакети, и в Эдзани найдено по одному костяному орудю: в Эдзани — ретушер из рога газели, а в Зуртакети — фрагмент просверленной маленькой трубчатой кости.

Судя по фауне Зуртакетской и Эдзанской стоянок, в Юго-Восточной Грузии в мезолитическое время господствовал умеренно теплый, относительно сухой климат. Широко были распространены, вероятно, открытые полустепные станции, а в долинах рек — пойменные леса. Наиболее отдаленным от стоянок был, должно быть, высокогорный скалистый ландшафт.

Вторая обширная локальная группа мезолитических памятников связана с черноморским побережьем Грузии, главным образом с территорией Абхазии. Эти памятники прибрежной полосы также свидетельствуют о том, что в самом конце плейстоцена и в начале голоцена там существовали оптимальные для жизни человека условия — теплый умеренный климат, на что указывают, по всей видимости, также фаунистические остатки, найденные на мезолитических стоянках черноморского побережья (в основном позднечетвертичного периода с наиболее характерными для Западной Грузии элементами).

В эту группу входят пещерные стоянки Яштух, Квачара, скалистый навес Джампали, открытая стоянка Энцери и, возможно, пещера Холодный грот.

Наиболее богата из них Квачара (рис. 3, 1—22). Здесь имеются микроскребки и резцы, в основном на пластинах; пластины с притупленным краем; зазубренные, с боковой выемкой граветтообразные острия; пластины, ретушированные с трех сторон, — прямоугольники, неравнобедренные треугольники, сегменты; остроконечники с боковой выемкой у основания и др. Из костяных орудий обнаружены шилья, наконечники дротиков, ложила, роговое мотыгообразное орудие и один гарпун¹.

В Холодном гроте обращают на себя внимание округлые микроскребки на отщепах, пластины с боковой ретушью, сегменты, трапеции, среди которых встречаются экземпляры с притупленным верхним основанием. Много микропластин без ретуши, имеются костяные гарпуны². Остроконечники отсутствуют.

На Энцеровской открытой стоянке найдены перетушированные микропластины, пластины с бисерообразной ретушью, одна пластина с затупленным краем и одно граветтское острие. Нет скребков, резец один. Среди нуклеусов распространены уплощенные, призматические, карандашевидные, клиновидные. Найдены на этой стоянке и маленькие раковинные кучи³.

Пещерная стоянка Яштух (рис. 3, 23—27) содержит всего 15 законченных орудий. Среди них граветтообразные острия, пластинки с притупленной спинкой, с ретушированными краем и концом, микропроколки. Несмотря на малое количество орудий, здесь явно преобладают микролиты и заметно сходство с Квачарой⁴.

В материалах Джампальского навеса (330 экз. — рис. 2, 55—62) имеются конусовидные и призматические микролитические нуклеусы; скребки с прямым, овальным и выемчатым рабочим краем на микропластинках и отщепах; резцы на пластинках и микропластинках; трапеции и сегменты⁵.

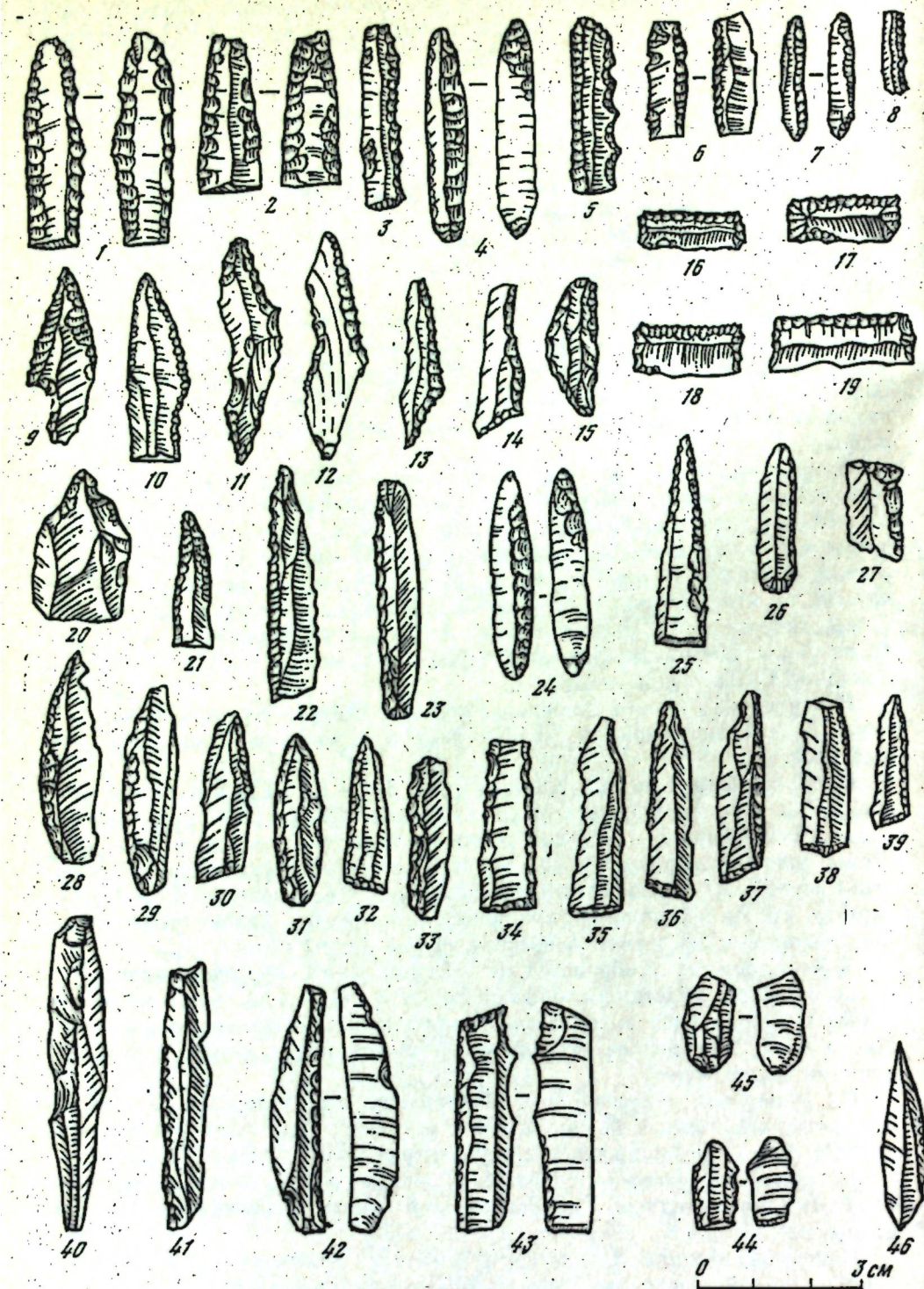

Рис. 3. Инвентарь стоянок

1—22 — Квачара; 23—27 — Яштух; 28—39 — Цона; 40—46 — Кведи

Стоянки Квачара, Яштух и Эндери по некоторым технико-типологическим признакам мы считаем возможным отнести к более или менее ранней ступени мезолита, тогда как Джампальский навес, видимо, несколько моложе.

Стоянки третьей локальной группы сосредоточены в верхнем и среднем течении р. Риони. Это главным образом территория Юго-Осетии, часть Рачи и Имерети (Западная Грузия). Сюда входят памятники Кведи, Цона, Банетура, Сагварджила, Чахати.

В Цонской пещере (рис. 3, 28—39), расположенной на южном склоне горы Буба, мезолитический культурный слой — третий сверху. Стоянка еще не раскопана. Из малочисленного материала привлекают внимание пластинки с притупленным краем, неравносторонние треугольники, сегментовидный вкладыш, микропластинки без ретуши, скребки, резцы.

В Кведской пещере (рис. 3, 40—46) мезолитический слой (четвертый сверху) залегает в желтых суглинках. Из каменных орудий здесь найдены пластины с затупленным краем, пластины без ретуши, сверло, резец, скребок.

В 200—250 м от Кведи находится Банетурская открытая стоянка, доставившая ретушированные и неретушированные пластинки, резцы и др. В целом инвентарь Банетури повторяет типы Кведской стоянки, что свидетельствует об одновременности этих памятников и допускает предположение об их культурно-историческом единстве.

В пещере Сагварджила мезолитический слой третий. В нем преобладают граветтские острья, пластинки с затупленным краем, выемчатые, зубчатые. Из геометрических форм — сегменты, треугольные вкладыши. Нуклеусы — конусовидные, призматические и уплощенные.

В Чахатской пещере мезолитические остатки залегают во втором слое. Среди них характерны пластинки с затупленным краем; пластинки и микропластинки с ретушью по краям и без ретуши; граветтообразные острья; скребки и микроскребки на отщепках; резцы на пластинках и др. Нуклеусы большей частью конусовидные и призматические; наконечники стрел — на грубой и толстой пластинке.

Отметим также две мезолитические стоянки открытого типа Село и Джермух (северо-западная часть Верхней Картли). Они находятся на расстоянии около 9 км друг от друга. Стоянка Село содержит в основном отбросы производства: отщепы и обломки со следами употребления. В Джермухе, кроме того, имеются нуклеусы, резцы, скребки, микропластины, один сегмент, один треугольный вкладыш. Пластины с затупленной спинкой отсутствуют.

По типологическому составу и технике изготовления орудий стоянки Село и Джермух пока что затруднительно присоединить к какой-либо из рассмотренных локальных групп. Они стоят довольно обособленно.

Суммируя характерные черты каждой из трех локальных групп в отдельности, приходим к выводу, что для первой из них, в отличие от второй и третьей, характерны такие общие черты, как особо широкое распространение разнообразных микропластин, геометрических форм, ко-соусеченных пластин, пластин с затупленным краем, острий и микроострий. Для второй локальной группы ведущими общими признаками являются большое количество и разнообразие форм проколов, преобладание граветтских острий, острий и микроострий, обработанных заходящей ретушью со стороны брюшка, со сплошной ретушью у конца и основания со стороны брюшка, незначительное количество геометрических микро-вкладышей и др.

Третья же локальная группа, как нам кажется, в какой-то степени сочетает черты двух первых — Причерноморья Кавказа и его юго-восточной части. Здесь сравнительно с черноморским побережьем больше распространены скребки на отщепках, пластины с притупленным краем, больше геометрических форм, особенно треугольных вкладышей и др. В отли-

ние от Триалети здесь изобилуют проколки, граветтийские острия, но нет такого разнообразия микролитов и др.

По-видимому, вторая и третья локальные группы ближе стоят друг к другу, а первая резко отличается от них, что подчеркивается и различием в сырье: для первой локальной группы основным видом сырья был обсидиан, а для второй и третьей — турон-сепонский кремнез.

Отличие триалетского мезолита от соответствующих комплексов мезолита Абхазии вызвано, вероятно, главным образом разным характером производственно-хозяйственной деятельности людей, что в свою очередь обуславливалось природно-географической средой.

Разный тип хозяйства мог сложиться в условиях специфической экологической среды, существовавшей в течение долгого времени в данных районах и способствовавшей выработке традиционных приемов в изготовлении производственного инвентаря обитавшего здесь мезолитического населения.

В Триалети ведущей отраслью хозяйства было рыболовство, в меньшей мере охота и, вероятно, собирательство, а в быту населения черноморского побережья первое место в основном занимала охота и уже после — рыболовство и собирательство.

Сопоставляя мезолитические культуры в Грузии с одновременными культурами ближайших и более отдаленных регионов, приходим к заключению, что в пределах отдельных очерченных нами территорий в Грузии в разное время мезолита обитало население, которое, в зависимости от уровня производительных сил, а также от соответствующей природной среды, создавало самобытную локальную культуру, имевшую скорее всего глубокие местные традиции верхнепалеолитической индустрии.

Мезолитические памятники Грузии, как правило, расположены в ущельях, в высокогорных местах и на холмах, будучи приурочены главным образом к бассейнам рек. Квачара находится в отдалении от реки. Важным преимуществом этой пещеры как стоянки, видимо, были питьевая вода внутри пещеры и близость леса. Вблизи от леса находилась и Яштухская стоянка. Это определило хозяйственный быт обитателей обеих пещер — они главным образом занимались охотой.

Географическое положение Холодного грота и Джампальского навеса (обе стоянки находятся почти у берега реки) предопределило, вероятно, ведущий тип их хозяйства — рыболовство.

Таким образом, в пределах черноморской локальной группы мезолитических стоянок по характеру хозяйства более или менее четко выделяются две подгруппы — охотников и рыболовов, хотя каждой из них не были чужды и другие виды хозяйства, в том числе и собирательство.

К ним можно добавить еще третью микролокальную группу (ведущий вид хозяйства — собирательство), к которой следует отнести Энцерскую открытую стоянку.

Наконец, коснемся хронологии рассмотренных мезолитических памятников.

Памятники Квачара, Яштух, Цона, Кведи, Банетура, Чахати, Сагварджила несмотря на скудость доставленного материала (исключение составляют Квачара, Чахати, Сагварджила) имеют ряд общих признаков как типологического порядка, так и в технике изготовления орудий. Они содержат концевые скребки на пластинках (в основном), пластинки с боковой ретушью, граветтообразные острия с округлым основанием. Сравнительно мало орудий типа остроконечников, сегментов и треугольных микровкладышей, а в некоторых стоянках их вовсе нет. Число пластинок с притупленной спинкой возрастает по сравнению с верхнепалеолитическими памятниками (Гварджила-кльда). Среди остеологических остатков на памятниках этой хронологической группы есть кости пещерного медведя. В группе памятников последующей стадии их нет, тогда как остальной состав остается неизменным.

По ряду таких признаков, как рост процентного соотношения пластинок с притупленной спинкой, почти полное отсутствие архаичных форм — нуклеидных орудий, ножей типа шатель-перрон, присутствие более развитых типов нуклеусов и общий рост удельного веса микроиндустрии, эти памятники можно объединить в первую, раннемезолитическую, хронологическую группу.

Мезолитические стоянки Зуртакети и Джампали, характеризующиеся такими признаками, как микролитические нуклеусы (уплощенные, призматические, конусовидные), обилие микроорудий, появление трапеций, распространение микроскребок на отщепках и др., явно более прогрессивны по сравнению с Квачара, Чахати, Яштухом. Поэтому напрашивается вывод об их принадлежности ко второй, переходной от ранней к поздней ступени мезолита.

Третья хронологическая группа включает памятники позднемезолитические — Эдзани, Холодный грот и, возможно, Село и Джермух. На памятниках этой группы заметно увеличивается роль геометрических форм, трапеции численно преобладают над сегментами, возрастает количество асимметричных треугольников (для Восточной Грузии), достигая большого разнообразия форм. Совершенствуется техника обработки геометрических микролитов, производство которых достигает наивысшего расцвета в неолите, когда они приобретают наиболее законченные формы, а асимметричные треугольники исчезают вовсе. Широко распространяются разнообразные микропластинки, появляются скребки, характерные для неолита, и т. д.

Сопоставление мезолитических памятников Закавказья с более или менее синхронными стоянками Крыма и Кавказа, Передней Азии и некоторых других областей приводит к заключению, что мезолитические культуры Закавказья весьма значительно отличаются от крымских и восточноевропейских, приближаясь больше к северокавказским и ближневосточным.

¹ Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Грузии. Тбилиси, 1973.

² Соловьев Л. И. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупинипшахва в 1960 г. — Труды Абхазского института ЯЛИИ, XXXII, 1961; Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья...

³ Григолия Н. К., Церетели Л. Д. Мезолитическая стоянка в сел. Энцери. — «Мацне», № 3, 1967.

⁴ Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья...

⁵ Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья...

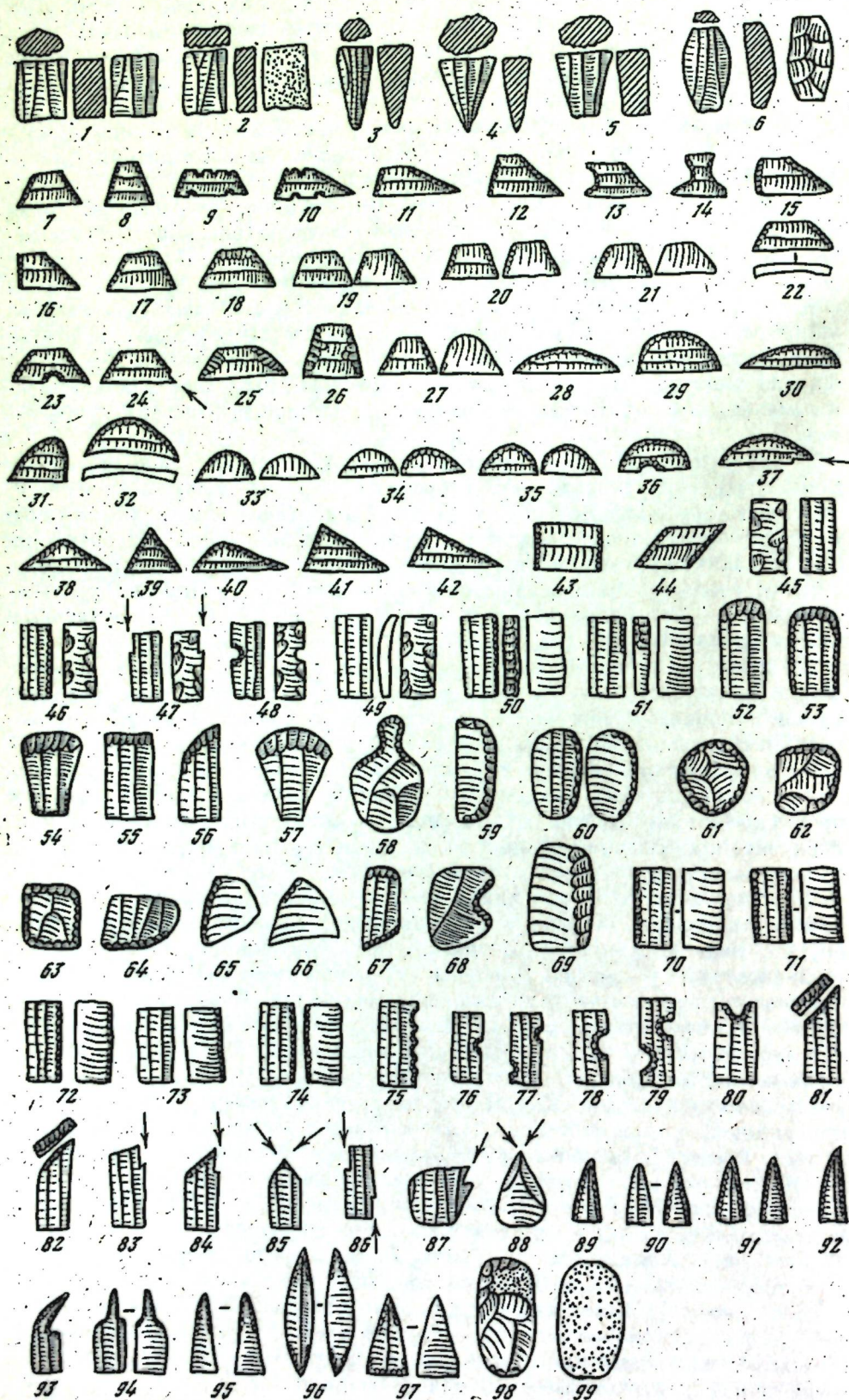
⁶ Каладидзе А. И. Цонская пещера и ее культура. — В кн.: Пещеры Грузии. Тбилиси, 1965.

⁷ Бердзенишвили Н. З. Новый памятник каменного века в ущелье Цхалцитела. Тбилиси, 1964.

Л. Г. МАЦКЕВОЙ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА ВОСТОЧНОГО КРЫМА

В начале 60-х годов было обращено внимание на тарденуазский облик некоторых неолитических стоянок Восточного Крыма и бытование здесь мезолитических форм¹, а также мезолитических поселений². В настоящее время здесь зафиксировано 10 стоянок, иногда с двумя-тремя слоями, 11 местонахождений и 9 пунктов с отдельными находками мезолитического времени (рис. 1). При интерпретации этих памятников

Мезолитические памятники первого типа в Восточном Крыму представляются нам остатками стоянок, обитаемых лишь в теплую пору года. Зимние жилища были, видимо, расположены преимущественно в горном Крыму и на других сопредельных территориях. Об этом свидетельствуют специфический состав фауны, отсутствие долговременных жилищ и очагов, а также топография поселений. Мощность культурных отложений и другие факторы, наблюдаемые на ряде поселений (прежде всего в слое III Фронтного I), указывают на то, что на них, возможно, жили в течение одного или нескольких сезонов.

Второй тип представляет поселениями, где человек останавливался, видимо, неоднократно, хотя и ненадолго. Наиболее показателен в этом отношении слой II стоянки Алексеевка I с характерным набором кремневых изделий. Здесь почти нет пуклеусов, менее значителен процент отходов кремневого производства и более высок удельный вес заготовок и в особенности орудий, хотя в целом культурный слой менее насыщен, чем на поселениях первого типа. Иной набор орудий на памятниках, где человек останавливался кратковременно, возможно, лишь однажды. Изделия здесь близки отмеченным выше, однако культурный слой либо вовсе отсутствует, либо крайне беден. В Восточном Крыму к таким поселениям относятся скорее всего почти все пункты с отдельными находками, а возможно, и местонахождения.

Памятники этой территории подразделяются на четыре основные группы. Первая из них — стоянка типа Фронтное I (наиболее характерен слой III). Главная особенность заключается в наличии всех основных видов геометрических микролитов, прежде всего трапеций и сегментов, а также треугольников. Наиболее близкие аналогии этому слою составляют комплексы Мурзак-Кобы и слой II Шап-Кобы. Для второй группы характерен старший комплекс Тасунова. Удельный вес вкладышей кукрекского типа и других компонентов кукрекского типа здесь превышает удельный вес геометрических микролитов. Ближайшая аналогия — нижние слои стоянки Кукрек и, возможно, Каменной Могины. Для третьей группы наиболее характерен слой III поселения Ленинское I. Среди геометрических микролитов здесь преобладают трапеции, кукрекские вкладыши единичны или вовсе отсутствуют. Наиболее вероятная аналогия — слой III Фатьяма-Кобы и Гиржево. Для четвертой группы (Луговое II) характерен типично микролитический комплекс, в котором, однако, геометрические микролиты и кукрекские вкладыши не встречаются или представлены единичными экземплярами. Ближайшая аналогия — слои M-I и M-II в гроте Сосруко. В свою очередь поселения первых трех групп члениятся хронологически. Проблематично наличие в Восточном Крыму памятников пятой группы, представленной в горном Крыму свидеронидным комплексом Сюрень II. В Восточном Крыму известны лишь отдельные свидеронидные наконечники стрел в мезолитических комплексах Черной Балки III, Песчаной Балки и в слое I (неолит) стоянки Ленинское I.

Различия между группами связаны прежде всего, видимо, с микроклиматом определенных районов, сезонностью поселений и многими другими факторами. Думается, что в пределах крымской культурной области такие различия закономерны. Некоторые особенности инвентаря,

Рис. 2. Основные типы нуклеусов и орудий

1-6 — нуклеусы: 1 — призматический, 2 — плитнообразный, 3 — карандашевидный, 4 — пирамидальный, 5 — усеченно-пирамидальный, 6 — ладьевидный; 7-27 — трапеции; 28-37 — сегменты; 38-42 — треугольники; 43 — прямоугольник; 44 — ромб; 45-49 — вкладыши кукрекского типа; 50, 51 — пластины с притупленным ретушью краем; 52-69 — скребки; 70-75 — пластины с притупленным ретушью; 76-80 — пластины с выемками и микровыемками; 81, 82 — пластины с притупленным ретушью концом; 83-88 — резцы; 89-95 — остряки; 96, 97 — наконечники; 98, 99 — отжимники

возможно, свидетельствуют об определенных инфильтрациях древнего населения. Достаточно вспомнить гарпуны мадленского типа из Мурзак-Кобы и Кара-Кобы при типичных для Крыма комплексах находок тарденуазского облика в этих памятниках, а также необычные для Крыма в целом комплексы (Сюрень II и Кукрек) с характерными элементами крымских индустрий. На многих мезолитических памятниках Крыма есть также вкладыши кукрекского типа и свидерские наконечники. Возможно, не местными для Крыма следует считать и комплексы, где при общей микролитизации инвентаря геометрические микролиты почти полностью отсутствуют. Пришлые группы населения оказали определенное влияние на аборигенов, однако, видимо, были ассимилированы ими.

Мезолитические поселения Восточного Крыма принадлежали небольшим этнокультурным группам бродячих охотников-собирателей и рыболовов, связанных скорее всего семейно-родовыми узами. На позднем этапе здесь уже заметны первые признаки производящей экономики, которые проявляются прежде всего в первых попытках приручения скота.

¹ Формозов А. А. Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа. — МИА, № 102, 1962, с. 119; Колосов Ю. Г. Дослідження пам'яток неолітичного часу на Керченському півострові. — Археологія, XIV, 1962, с. 162.

² Мацкевой Л. Г. Мезолитические стоянки и местонахождения на Керченском полуострове. — СА, 1966, № 3, с. 125—132.

³ Мацкевой Л. Г., Пашкевич Г. А. К палеогеографии Керченского полуострова времен мезолита и неолита. — СА, 1973, № 2, с. 133.

⁴ Петрунь В. Ф. Развитие знаний о камне у населения Северного Причерноморья в палеолите — энеолите и эпоху бронзы. — В кн.: Проблемы геологических наук. Международный геологический конгресс. М., 1968, с. 17—23.

⁵ Мацкевой Л. Г., Петрунь В. Ф. Новые памятники каменного века в Восточном Крыму. — АО 1969 г. М., 1970, с. 215, 216.

⁶ Мацкевой Л. Г. Опыт типологической классификации микролитических индустрий Крыма (мезолит — неолит). — СА, 1971, № 1, с. 3—18.

⁷ Мацкевой Л. Г., Шер Я. А. К методике сравнения распределения массовых находок по слоям. — СА, 1974, № 1, с. 102—119.

⁸ В. Ю. Урбах. Биометрические методы. М., 1964, глава 6.

⁹ Мацкевой Л. Г., Шер Я. А. К методике сравнения..., с. 119.

¹⁰ Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Керченского полуострова. Автореф. канд. дисс. М.—Л., 1970, с. 26.

¹¹ Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит..., с. 7—18.

В. Н. СТАНКО

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ МЕЗОЛИТА СТЕПЕЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В степях Северного Причерноморья переход к мезолиту связан с кризисом охотничьего хозяйства, начавшимся здесь в конце позднего палеолита, с ростом плотности населения и дальнейшим развитием производительных сил, которое выразилось в широком распространении микролитической и вкладышевой техники.

Углубление кризиса в этом регионе было ускорено в период перехода от плейстоцена к голоцену исчезновением такого крупного стадного животного, как бизон (основа охотничьей добычи позднелпалеолитического человека)¹. Широкое распространение в этот период получают и новые технические приемы обработки камня (плоские и карандашевидные пук-

леусы, тонкие призматические пластинки, микролиты). Значительно увеличивается плотность населения. Так, в Северо-Западном Причерноморье на три десятка позднелпалеолитических местонахождений приходится более сотни мезолитических памятников.

Такие памятники, как Владимировка (слой 3), Осооровка (слой III в), Ямбург (верхний горизонт), должны быть отнесены не к мезолиту, а к позднему палеолиту. Указанные слои Владимировки, Осооровки, Ямбурга залегают в верхних горизонтах лёсса и могут быть датированы концом плейстоцена. Не отрицая возможности развития мезолитических культур в позднеплейстоценовое время на юге европейской части СССР, укажем, что археологические материалы и фауна интересующих нас стоянок аналогичны позднелпалеолитическим памятникам этой и сопредельных территорий.

В слое 3 Владимировки среди орудий преобладают резцы (58%). Скребок почти в три раза меньше (20%), причем среди них нет округлых. Микропластинки с притупленным краем составляют 12%. Геометрические микролиты в 30 комплексах отсутствуют. Два микролита из слоя 3 и один — из слоя 1, судя по публикации, должны быть отнесены к группе микроострий, а не сегментов². Указанный набор орудий близок материалам таких позднелпалеолитических стоянок, как Большая Аккарка³, Ивашково VI⁴ и др. Комплекс кремневого инвентаря Осооровки (слой III в) по данным С. В. Смирнова почти идентичен комплексу позднелпалеолитической стоянки Ворона I⁵. Четыре крупные трапеции из Осооровки не могут служить достаточным основанием, чтобы отнести ее к мезолиту. Геометрические микролиты в Ямбурге найдены на поверхности и лишь предположительно увязаны с культурным слоем⁶.

Мезолитические памятники степей Северного Причерноморья изучены крайне неравномерно как в хронологическом, так и в территориальном отношении. Памятников раннего мезолита в интересующем нас регионе известно немногим более десятка, позднего мезолита — больше сотни. Основная масса мезолитических памятников сконцентрирована в степях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Поднепровья. Материалы стоянок, открытых в последние годы в степях Северо-Восточного Причерноморья, остаются пока неопубликованными.

К раннему мезолиту в степях Северного Причерноморья относятся следующие памятники: Белолесье, Белолесье IV, Кагильник, Кантемир (Днестро-Дунайское междуречье); Царинка, Анетовка, Ново-Архангельск, Гаврилов Яр, Завалье (междуречье Днестр — Южный Буг); Сурской V, Волошский и Первый Васильевский могильники (Надпорожье); Рогалик-Якимовская (Северо-Восточное Причерноморье).

Все перечисленные памятники приурочены к различным террасам — от высокой поймы до самых верхних террасовых уровней, примыкающих к водоразделу. Преобладает высокое расположение над современным уровнем долины рек. Культурный слой на таких памятниках, как Белолесье, Рогалик и Ново-Архангельск, залегают в верхних горизонтах лёссовидных суглинков, непосредственно под нижним слоем современной почвы⁷. Формирование горизонта с остатками культурного слоя на стоянке Белолесье В. Ф. Петрунь на основе литолого-геоморфологического анализа связывает с финигляциальной эпохой (VIII тысячелетие до н. э.)⁸.

По набору кремневого инвентаря мы разделили памятники раннего мезолита на три группы⁹. Общими чертами в наборе кремневых изделий всех групп памятников являются присутствие призматических пластинок, геометрических микролитов разных форм, округлых скребков на отщепках (на этом этапе в комплексах еще преобладают скребки концевой типа), уменьшение количества резцов, значительный процент плоских пуклеусов.

В последние годы в Северо-Западном Причерноморье выявлена группа памятников со своеобразным археологическим комплексом (Царинка,

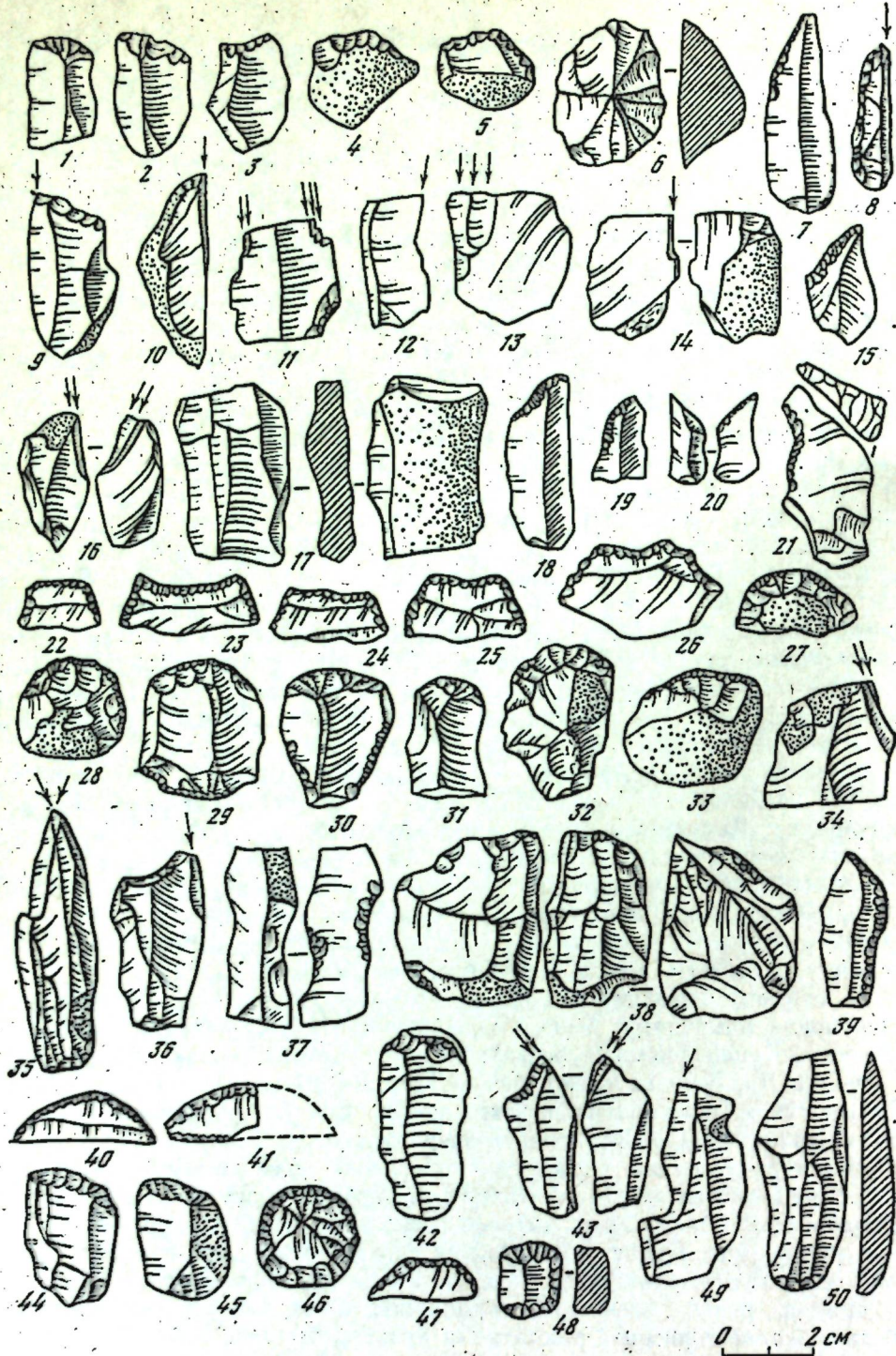

Рис. 1. Кремневый инвентарь памятников раннего мезолита
1—18 — Анетовка; 19—38 — Царинка; 39—50 — Белолесье

Гаврилов Яр, Белолесье VI, Кагильник). Наиболее полно комплекс кремневых изделий этой группы представлен на местонахождении Царинка. Оно расположено южнее с. Ивашково Кодымского района Одесской области на высоком (100 м над поймой) правом берегу Ивашской балки, правого притока р. Савранка (бассейн среднего течения Южного Буга), на мысе, примыкающем к водоразделу. На распаханной поверхности со-

брано 2680 кремней, среди которых 384 со вторичной обработкой. Из 44 пуклеусов 12 плоские. В группе скребков 69 изготовлены на отщепках, 5 — концевые на целых призматических пластинках и 33 — на усеченных пластинках. Пластинок с притупленным краем 11. Выемчатых орудий 70. Оригинальную группу изделий составляют трапеции на массивных пластинках, вершины которых, иногда выемчатая, обработана крутой ретушью (рис. 1, 22—26). До проведения стационарных работ на памятнике мы воздержимся от интерпретации данного комплекса. Заметим только, что по набору и соотношению основных групп орудий комплекс Царинки близок материалам Анетовки¹⁰. Исключение составляют только трапеции, которых в сохранившихся материалах Анетовки нет. Примечательно, что малочисленные комплексы с трапециями типа найденных в Царинке выявлены в приморской полосе Северо-Западного Причерноморья, в районе стоянки Белолесье.

Поздний мезолит интересующего нас региона представлен двумя археологическими культурами (гребениковской и кукрекской). К этому же времени относятся Третий Васильевский могильник и небольшая группа разрозненных своеобразных памятников.

Памятники гребениковской культуры изучены в степях Северо-Западного Причерноморья. Количество их (включая и бедные местонахождения) достигает сотни. Большинство памятников расположено в долинах мелких пересыхающих речек и приурочено к высоким террасовым уровням (25—40 м над современной поймой). В приморской полосе Днестро-Дунайского междуречья в последние годы открыто немало местонахождений на уровне современной поймы в широких долинах лиманного типа (Мирное, Траповка, Татарбунары).

Горизонты, в которых залегает культурный слой, обычно размыты ливневыми водами. На стоянке Гиржево культурный слой залегал в делювиальных суглинках непосредственно под слоем современной почвы. Формирование делювиального горизонта с остатками культурного слоя, по данным В. Ф. Петруня, произошло в раннем голоцене¹¹. В близких стратиграфических условиях прослежен культурный слой на стоянках Фрумушика¹² и Слободка¹³. Культурный слой на стоянке Мирное выявлен в опесчаненном суглинке под погребенной почвой, образование которых П. М. Долуханов датирует ранним голоценом (до периода повторноморской трансгрессии).

Комплекс кремневых изделий памятников гребениковской культуры хорошо известен (рис. 2)¹⁴. Однако различное соотношение групп орудий на отдельных памятниках этой культуры не может служить показателем историко-культурного или хронологического различия. В большинстве случаев различия в соотношении групп орудий памятников этой культуры связаны с характером местонахождения (базовый лагерь, где инвентарь насчитывает несколько тысяч предметов, и сезонное, кратковременное стойбище, где инвентарь редко превышает 100 единиц).

Вероятнее всего, гребениковская культура генетически связана с памятниками типа Анетовки и Царинки. Однако это положение нуждается еще в дополнительном уточнении, в более полном изучении группы памятников, близких к Царинке¹⁵.

Кукрекская культура локализована в степном Крыму, Северном Приазовье и Нижнем Поднепровье¹⁶. В последние годы памятник этого типа выявлены на более широкой территории, вплоть до Южного Буга. Культурно-историческая интерпретация памятников кукрекской культуры вызывает споры среди исследователей. Одни из них (Г. А. Бонч-Осмоловский, Е. А. Векилова, Д. Я. Телегин, А. А. Формозов, В. Н. Станко) относят кукрекские памятники к мезолитической эпохе¹⁷, другие (В. Н. Даниленко, Ю. Г. Колосов) — к докерамическому неолиту¹⁸.

На стоянке Абузова Балка в контрольных шурфах и в зачистке кукрекский комплекс залегал в верхних горизонтах делювиальных суглин-

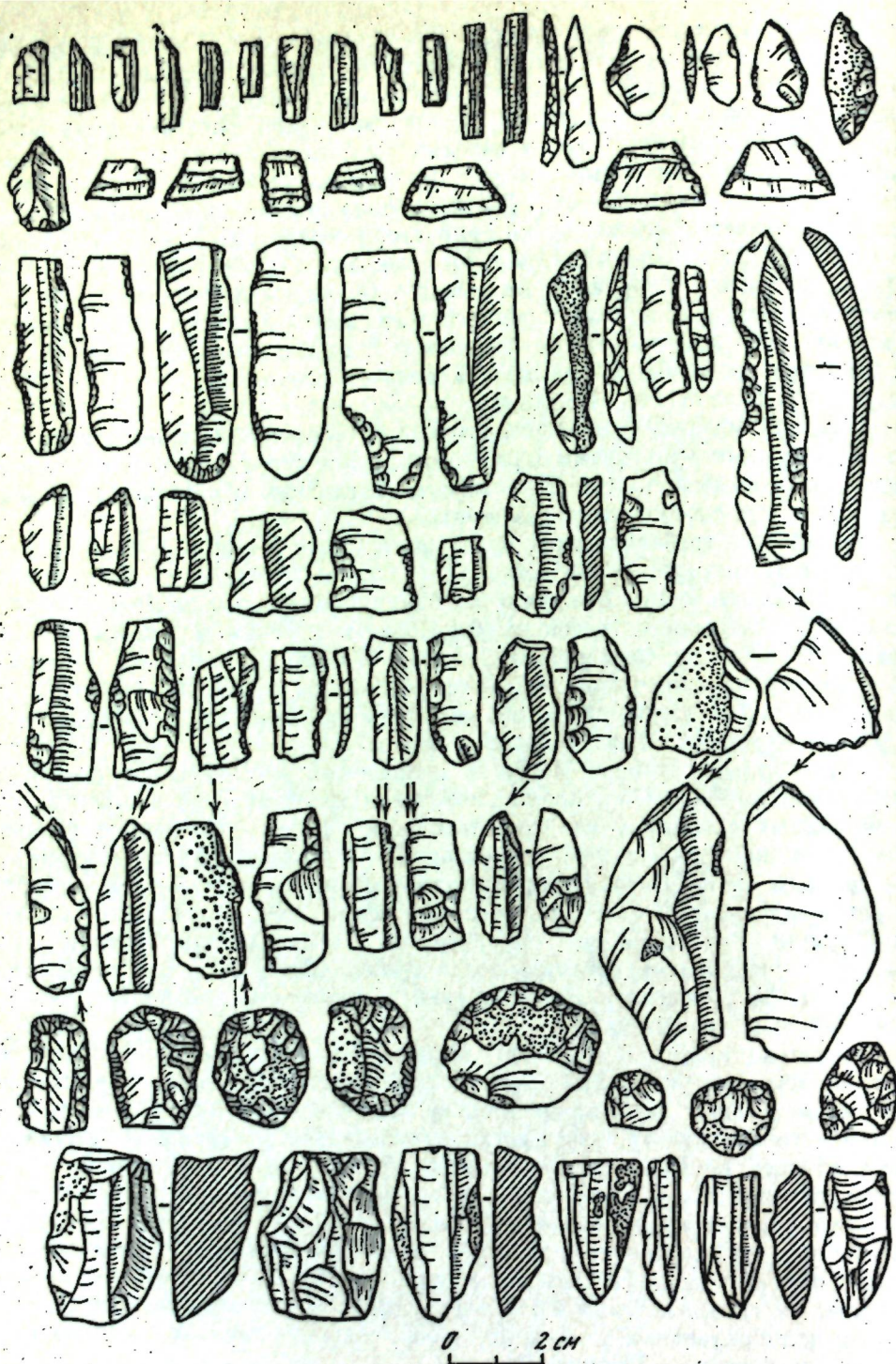

Рис. 2. Характерный кремневый инвентарь гребениковской культуры (по материалам стоянки Мирное)

ков и в подпочве «В». В подобных же стратиграфических условиях в этом регионе находятся и другие комплексы кукрекской культуры.

Типичный набор кремневых изделий этой культуры представлен материалами Абузовой Балки (рис. 3). В отличие от гребениковской культуры геометрические микролиты здесь редки, причем в разных комплексах могут присутствовать как трапеции, так и сегменты. Группа резцов, как правило, составляет значительный процент, что не характерно для

Рис. 3. Характерный кремневый инвентарь кукрекской культуры (по материалам стоянки Абузова Балка)

гребениковской культуры. Среди резцов преобладают резцы на отщепе. Особую группу составляют вкладыши кукрекского типа. Если подобные изделия и встречаются на сопредельных территориях, то количество их там незначительно и морфологически они плохо выражены.

Происхождение кукрекского комплекса определить затруднительно. Не исключена возможность, что он сформировался на основе местных более ранних традиций, которые пока еще плохо известны. Вероятнее всего, памятники кукрекской культуры синхронны памятникам гребени-

ковской культуры и фрумушкской фазе среднестроховской мезолитической культуры.

В степях Северного Причерноморья открыта большая группа комплексов, составленных исключительно из сборов на поверхности.

В Нижнем Поднестровье и Надпорожье известны малочисленные комплексы и отдельные находки разнообразных микролитов. Так, в состав кремневых изделий из могильников Надпорожья входят трапеции, сегменты, треугольники¹⁹, на местонахождениях Васильевка и Собачки — трапеции и сегменты²⁰. Так же разнообразна группа геометрических микролитов в комплексах, собранных на Кучугурах в Нижнем Поднепровье²¹. В связи с этим отметим своеобразный комплекс, выявленный В. И. Красковским у с. Карпово Одесской области и тождественный комплексам тарденуазских горизонтов горнокрымских стоянок. Многообразие геометрических микролитов указанных комплексов, видимо, свидетельствует о широких связях с Крымом мезолитического населения степей и сопредельных территорий²².

Построенная В. Н. Даниленко историко-культурная и хронологическая схема развития мезолита Надпорожья от позднего палеолита до неолита (Осокоровка — Сурской V — Васильевка), несмотря на малочисленность, верно отражает местное развитие своеобразной культуры Надпорожья²³, но мезолитический этап этой культуры требует дополнительного изучения. Необходимо учитывать прежде всего широкие связи населения этой и сопредельных территорий.

Мезолит Северо-Восточного Причерноморья пока изучен слабо. Судя по очень краткой публикации кремневого инвентаря, собранного на Кременной горе у с. Александровка в Донецкой области, и по материалам из сборов в Ворошиловградской области, которые нам удалось просмотреть, кремневая индустрия мезолитических памятников этого района имеет свои локальные особенности как в технике расщепления кремня, так и в наборе ретушированных изделий²⁴.

Итак, исторический процесс в мезолитическую эпоху в степях Северного Причерноморья представляется весьма сложным. Наряду с автохтонным развитием культур, выросших на основе позднего палеолита данной территории, здесь прослеживаются и широкие связи с культурами сопредельных территорий. Материалы для историко-культурного членения памятников пока недостаточны. Не всегда удается надежно синхронизировать памятники разных культур этой и сопредельных территорий. Требуется дополнительной разработки и вопрос о синхронизации памятников внутри выделенных культур.

¹⁹ Бибикина В. И. Время появления тура в Восточной Европе. — В кн.: Первый международный конгресс по млекопитающим, I. М., 1974, с. 69—70.

²⁰ Черныш О. П. Володимирівська палеолітична стоянка. Київ, 1953, с. 40—50, табл. V, 13, 14; X, 13.

²¹ Григорьева Г. В. Большая Аккарижа и ее место среди позднелеполитических памятников юга СССР. — КСИА, 111, 1957, с. 87—89.

²² Смольянинова С. П. Новые позднелеполитические памятники лесостепной полосы междуречья Днестра и Южного Буга. — МАСП, 8, 1976.

²³ Смирнов С. В. Місценова генетична підоснова надпорізького мезоліту. — Археологія, XXIV, 1970, с. 16—18.

²⁴ Колосов Ю. Г. Некоторые позднелеполитические стоянки порожиистой части Днепра (Осокоровка, Дубова Балка, Ямбург). — В кн.: Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. — САИ, А1-5, 1964, с. 45.

²⁵ Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953, с. 621; Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969, с. 56; Станко В. Н. Мезолит Днестро-Дунайского междуречья. — МАСП, 7, 1971, с. 95.

²⁶ Петрунь В. Ф. О геологической позиции и обработанном кремне мезолитической стоянки Белолесье. — МАСП, 7, 1971, с. 115.

²⁷ Станко В. Н. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья. — МИА, № 185, 1972, с. 253.

²⁸ Козубовський Ф. Первісна стоянка на р. Бакшалі коло с. Анетівки. — Наукові записки ін-ту історії матеріальної культури Укр. академії наук, 5-6, 1935, с. 113—

119; Станко В. Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья. Автореф. канд. дисс. Киев, 1967, с. 11.

²⁹ Петрунь В. Ф. Петрографоминералогическое определение материалов из Гиржевской стоянки. — ЗОАО, II, 1967, с. 171.

³⁰ Черныш А. П. Некоторые итоги исследования палеолита Поднестровья (1946—1957). — В кн.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной республики. Кишинев, 1960, с. 16.

³¹ Борисковский П. И. Изучение мезолита на Одешине. — АО 1965 г. М., 1966, с. 189.

³² Борисковский П. И. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 году. — КСОГАМ за 1962 г., 1964, с. 12—17; Григорьева Г. В. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребенки в Нижнем Поднестровье. — ЗОАО, I, 1961, с. 226—230; Станко В. Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья, с. 257—261.

³³ Мы никогда не связывали происхождение гребениковской культуры с памятниками типа Белолесья, о чем пишет Д. Я. Телегин (Телегин Д. Я. Поздний мезолит Украины: опыт культурно-территориального членения памятников. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973, p. 534). Различия этих двух комплексов очевидны.

³⁴ Телегин Д. Я. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепровско-донецкой неолитической культуры. — МИА, № 126, 1966, с. 106—107.

³⁵ Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита. — Труды II междунароной конференции АИЧПЕ, 5, 1934, с. 154; Телегин Д. Я. Мезолит левобережной Украины..., с. 106; Станко В. Н. Мезолит Северо-Западного Причерноморья, с. 261.

³⁶ Даниленко В. И. Неолит Украины. Киев, 1969, с. 12; Колосов Ю. Г. Некоторые вопросы истории неолита Крыма. — СА, 1963, № 3, с. 259.

³⁷ Даниленко В. И. Волошский энеолитический могильник. — СЭ, 1955, № 3, с. 57; Столяр А. Д. Первый Васильевский мезолитический могильник. — АСГЭ, 1, 1959, с. 87—92; Телегин Д. Я. Васильевский третий некрополь в Надпорожж. — Археологія, XIII, 1962, с. 9.

³⁸ Даниленко В. И. Неолит Украины, с. 24, 25.

³⁹ Коллекция из сборов разных лет в Херсонском историко-краеведческом музее.

⁴⁰ Бибикин С. И. Раскопки в навесе Фатма-Коба и некоторые вопросы изучения мезолита Крыма. — МИА, № 126, 1966, с. 143.

⁴¹ Даниленко В. И. Неолит Украины, с. 24, 25.

⁴² Цейбель Д. С. Новые данные о памятниках каменного века в Донецкой области. — МАСП, 4, 1962, с. 138.

В. Ф. ИСАЕНКО

МЕЗОЛИТ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Полесье — особая провинция лесной полосы Восточной Европы, слабообозначенная низменность с приподнятыми краями, по которой на восток течет Припять, принимающая с обеих сторон многочисленные притоки. Чрезвычайное развитие получили аллювиальные террасы, на которых разнообразие песчаные гряды перемежаются с обширными низинными болотами, а в верхнем течении — и с моренными буграми.

Первые достоверные сведения о памятниках каменного века этой территории появились в печати в конце прошлого столетия. Участки речных долин в западной части Полесья обследовали Н. Ф. Беляшевский, И. Р. Дмитриук (Буг), Я. Брик (Буг, Стирь), Р. Горошкевич (Припять, Бобрин), Д. Георгиевский (Припять, оз. Нобель), В. И. Канцев (Гоборин), Е. Р. Романов (оз. Споровское), М. Я. Рудинский (Горынь), Л. Савицкий (Горынь, Случь), В. П. Савич (Стирь), З. Шмит (Буг). Аналогичную работу на востоке Полесья осуществляли В. Б. Антонович (Уша), А. Д. Коваленя (Припять, Ствига), А. Н. Лявданский (Припять, Случь), К. М. Поликарпович (Припять), А. Рынейский (Птичь), А. П. Савчук, Д. Я. Телегин (Средний Днепр), С. С. Шутов (Ствига), М. К. Якович (Уша). В ходе обследований были открыты памятники, которые, исходя из современных представлений, следует относить к мезолиту. Материалы, собранные на них, были скудны и почти не публиковались.

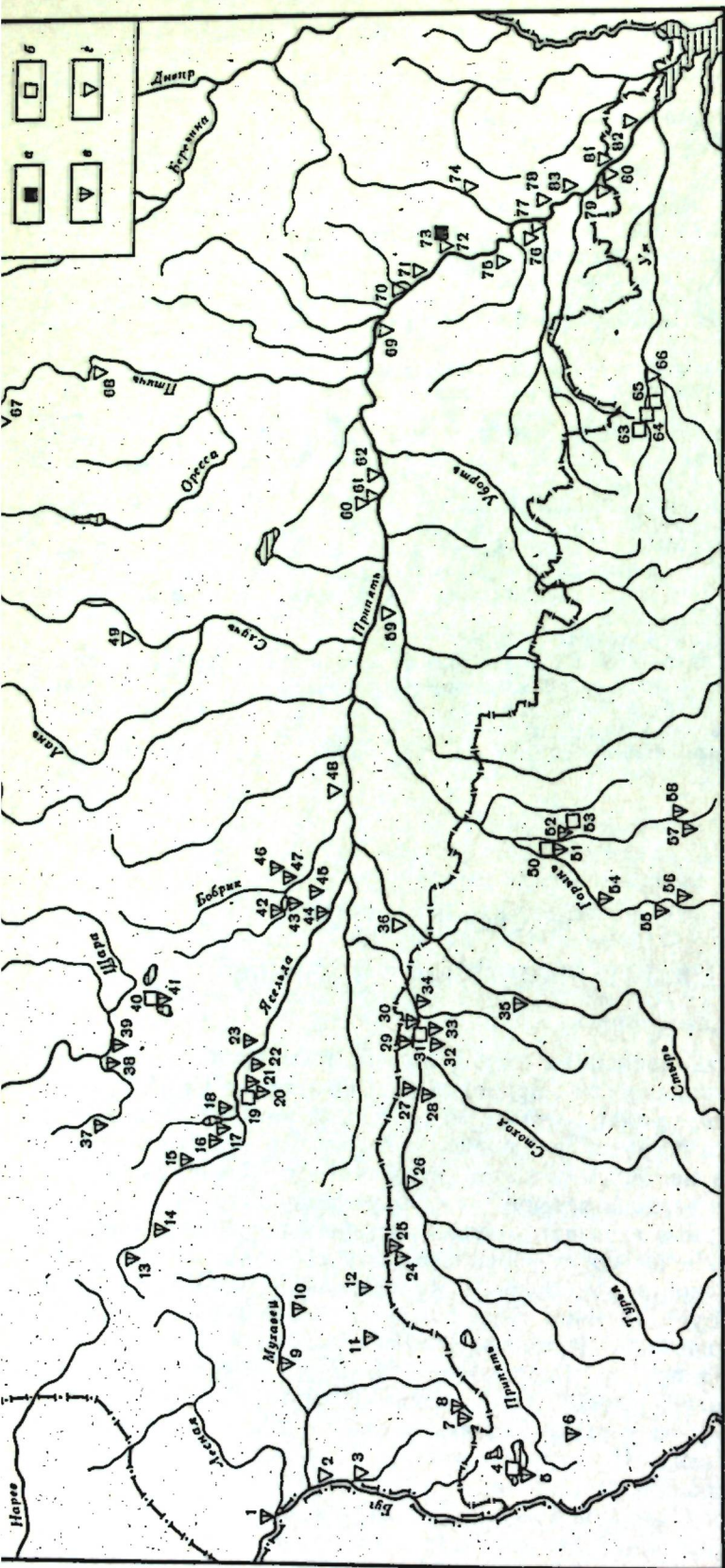

Рис. 1. Мезолитические памятники Полесья

а — верхний палеолит; б — поздний палеолит — переход к мезолиту — эппалеолит; в — мезолит — переход к неолиту — мезолит; г — мезолит — переход к неолиту — мезолит; д — мезолит — переход к неолиту — мезолит; е — мезолит — переход к неолиту — мезолит; ж — мезолит — переход к неолиту — мезолит; з — мезолит — переход к неолиту — мезолит; и — мезолит — переход к неолиту — мезолит; к — мезолит — переход к неолиту — мезолит; л — мезолит — переход к неолиту — мезолит; м — мезолит — переход к неолиту — мезолит; н — мезолит — переход к неолиту — мезолит; о — мезолит — переход к неолиту — мезолит; п — мезолит — переход к неолиту — мезолит; р — мезолит — переход к неолиту — мезолит; с — мезолит — переход к неолиту — мезолит; т — мезолит — переход к неолиту — мезолит; у — мезолит — переход к неолиту — мезолит; ф — мезолит — переход к неолиту — мезолит; х — мезолит — переход к неолиту — мезолит; ц — мезолит — переход к неолиту — мезолит; ч — мезолит — переход к неолиту — мезолит; ш — мезолит — переход к неолиту — мезолит; щ — мезолит — переход к неолиту — мезолит; 1 — Колонино; 2 — Прилуки; 3 — Белая Гора; 4 — Рыжичи; 5 — Пучково; 6 — Головино; 7, 8 — Орехово; 9 — Радомисль; 10 — Варшавы; 11 — Луново; 12 — Дивин (Дюбань); 13 — Боровники; 14 — Носки; 15 — Заречье; 16 — Велозарск (оз. Бетовое); 17 — Хриса; 18 — Горбов; 19, 20 — Ополье; 21, II, 22 — Угирново; 23 — Моголь (Джидинье); 24 — Тышковичи; 25 — Великое Орехово; 26 —

Малое Орехово; 26 — Цевир; 27, 28 — Любовь; 29 — Переломки; 30 — Омыт; 31 — Ноэль I, II, 32 — Зазерье (Заложье); 33 — Ноэль III — VII; 34 — Сельчани I, II; 35 — Мульчани; 36 — Остров (Ясниц); 37 — Гривна; 38 — Добрыно II; 39 — Чесмы; 40, 41 — Бобровичи; 42 — Новый Двор (оз. Порог); 43 — Вяз II, 44 — Зазерье (оз. Городище); 45 — Сушич (Шуши); 46 — Камень V; 47 — Камень IV; 48 — Конак-Городок; 49 — Песчани (Стоногил); 50, 51 — Любичанич; 52—53 — Марьяновка; 54 — Тугович; 55 — Кричица; 56 —

Корост; 57 — Березно; 58 — Куляз-Село; 59 —
Бурези (Казааргаты); 60 — Ляскович; 61 —
Доросевичи; 62 — Макаричи; 63 — Збярныи
(Клипи); 64 — Долгичи; 65 — Швабы; 66 —
Народиц; 67 — Моисевичи; 68 — Гусак II;
69 — Затогричи; 70 — Лубяи; 71 — Анкулица;
72 — Юренич II; 73 — Юренич I; 74 — Борк-
соляница; 75 — Нарыль; 76 — Тешков I (Горо-
днице); 77 — Тешков II; 78 — Хлопечина; 79 —
Гонжава; 80 — Белосорюна; 81 — Мосины; 82 —
Зимовиче; 83 — Красноселье

не менее были предприняты попытки ввести местные древности в систему мезолитических культур Европы. Однако без исследования глубинных районов Полесья и выявления новых памятников нельзя было с должной уверенностью определить местные культуры, выяснить этапы их развития, ареалы, генезис и роль в сложении неолитических культур.

Ныне в Полесье известен 81 памятник эпохи мезолита (рис. 1). Половина из них открыта отрядом археологической экспедиции Института истории Академии наук БССР. Раскопано под нашим руководством 11 поселений.

Памятники расположены довольно высоко, выше неолитических, на более древнем рельефе. Хотя накопление аллювия первой террасы было закончено еще в конце нововалдайской стадии, когда произошло образование уступов террасы, лишь несколько памятников найдено на поверхности террасы (Борисовщина, Белосорока, Горбов, Сушицк, Ополь II). Большинство лежит на моренных буграх (Бобровичи, Заречье, Нобель, Орехово, Пульмо), склонах коренных берегов (Загорини, Новый Двор, Ополь I), вторых террасах (Дорошевичи, Ляковичи, Наровль), на песчаных дунообразных грядах, разбросанных по первой террасе (Камень, Мосаны, Юревичи II, Хвощевка, Омыт) или среди поймы (Корост, Лубня, Малое Орехово, Остров, Невир, Сеньчицы).

Культурный горизонт обычно проходит ниже пласта гумуса современной почвы, который, как показали исследования неолита, накопился за последние 5—6 тысячелетий. Он залегает либо в подпочве, либо над самым материком в слое, перекрытом ортзандами (на «дюнах») или насыщенном орштейнами (на террасе). Иногда гумусированный пласт расщепляется песком мощностью до 1 м (Заречье, Боровики под Мозырем, Оржев на Горыни, Средний Днепр). В этом случае мезолитические находки связаны с его нижней частью (мощность до 0,2 м), а изредка залегают ниже ее.

Тонкие почвенные прослойки, которые можно было бы сопоставить с беллингом и аллередом, не встречены.

На памятниках Западного Полесья собраны крупные коллекции, насчитывающие обычно сотни орудий и тысячи кремней с обработкой. Для изготовления орудий использовался местный («балтийский») кремнь серого цвета различных оттенков, нередко полосатый или пятнистый. Россыпи такого кремня имеются на размытой поверхности моренных бугров или в толще меловых отторженцев (Береза, Бездеж, Логишин, Хотислав). Исследовались топографические, планиграфические и стратиграфические условия залегания остатков на мезолитических памятниках и многократно производились сборы, что позволило выделить комплексы орудий, характеризующие мезолит на разных этапах развития.

К числу наиболее древних памятников конца палеолита относятся Бобровичи I, Нобель I, II, Ополь II, Пульмо I, Любиковичи, Марьяновка. В то время господствовала пластинчатая индустрия. Орудия изготовлялись из длинных правильно огранных пластин, которые в основном снимались с одного края двуплощадочных скошенных на концах нуклеусов, тогда как другой край сохранял крупную ретушь, которая была нанесена при подготовке желвака (рис. 2, 33, 51). Особенно типичны иволжистые пластинчатые наконечники, у которых основание подтесано плоской чешуйчатой ретушью со стороны брюшка (рис. 2, 2); «клиноватобочные» резцы, т. е. резцы срединного типа, у которых один формирующий скол нанесен вдоль орудия, а другой, закругливший конец, — наклонно к его оси (рис. 2, 17, 18); скребки на конце длинных пластин; ножки из пластин со скошенным концом, с выемками для скобления. Черешковое крепление к рукоятям прослеживается у резцов (рис. 2, 14), сверл, скребков, ножей (рис. 2, 30). Нередки комбинированные орудия (рис. 2, 20, 28). Появляются рубящие орудия из желваков (рис. 2, 32) или нуклеусов и топоры с перехватом (рис. 2, 34, 36, 37).

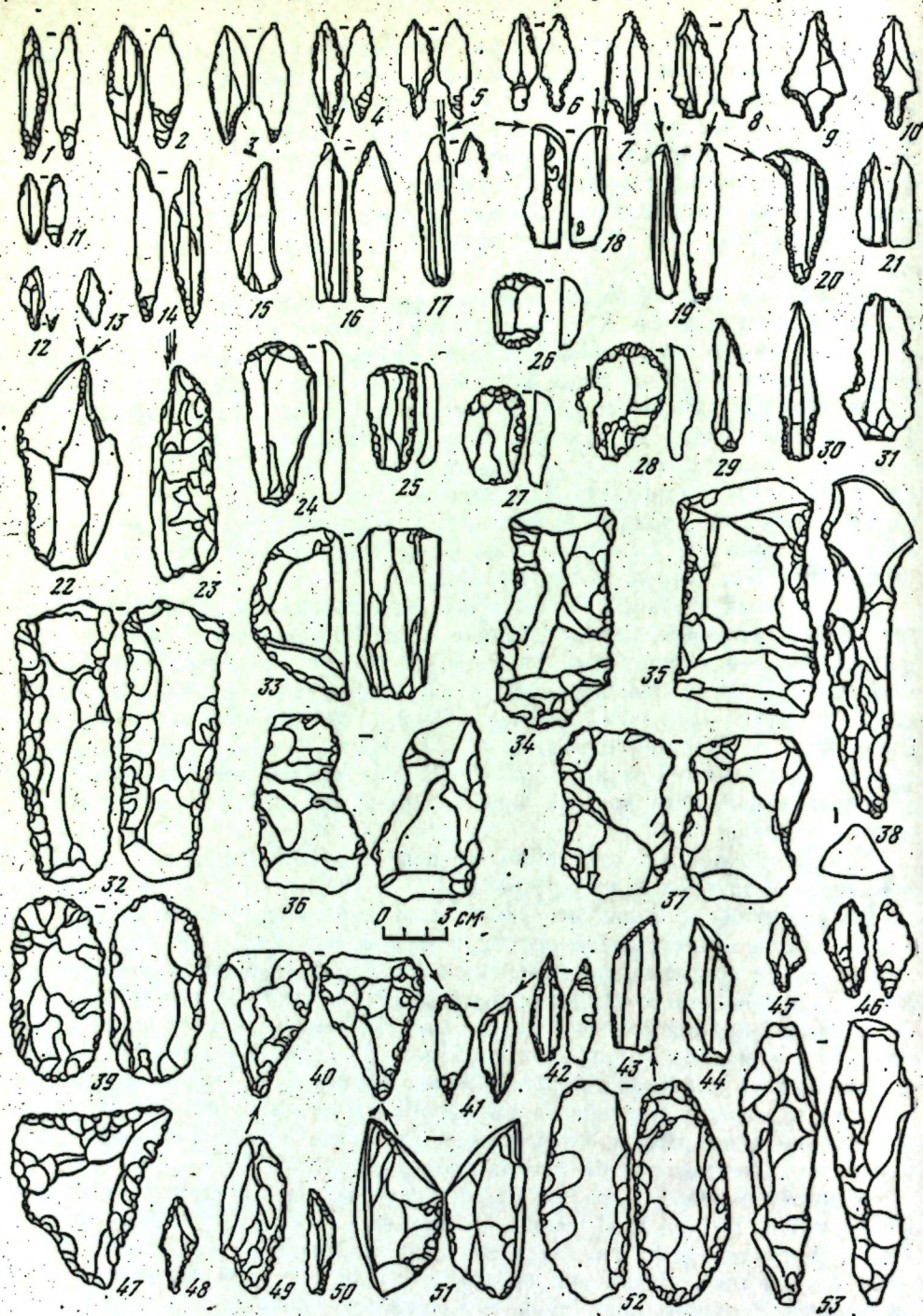

Рис. 2. Кремневые орудия Западного Полесья. Индустрия микролитического облика
1—38 — Побель; 39—44 — Сеньчицы; 45, 46, 51—53 — Ополь I; 47—49 — Задолжье; 50 — Одржиши

На следующем этапе, к которому относится большинство явно мезолитических памятников, пластинчатая техника дополняется техникой оббивки. Количество рубящих орудий и изделий на коротких пластинах или отщепках увеличивается. Видимо, это отражает поиск наиболее целесообразных форм. Встречаются топоры-резаки (рис. 2, 47), скобели и скребки на массивных отщепках, грубые резцы (рис. 2, 22, 23). Наряду с иволистными наконечниками с почти полностью обработанным краем все

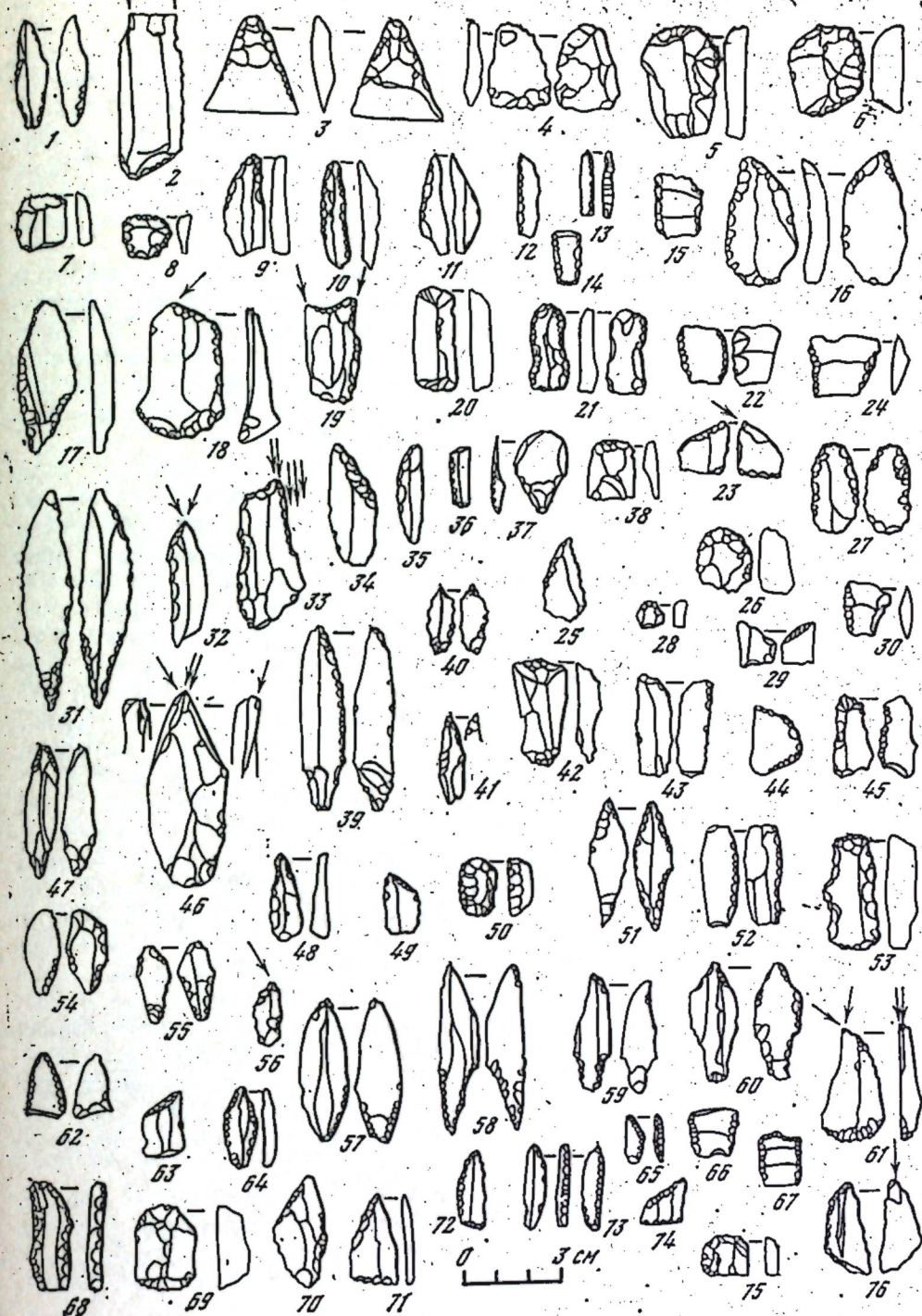

Рис. 3. Кремневые орудия Восточного Полесья. Индустрия микролитического облика
1—15 — Белосорока; 16—24 — Борисовщина; 25—30 — Хвошевка; 31—38 — Рожавка; 39—45 — Загорини; 46—50 — Дорошевичи; 51—53 — Лясковичи; 54—56 — Акулинка; 57—76 — Юревичи

чаще применяются черешковые наконечники (рис. 2, 5—8). Имеются короткие, иногда высокие и двойные скребки (рис. 2, 26—28).

Наконец, для позднего этапа характерны овальные топоры (рис. 2, 39, 52), гранше (рис. 2, 35), пики (рис. 2, 38, 53), грубые миндалевидные сверла (рис. 2, 40), угловые резцы, пожи со скошенным концом или заостренные посредине. Продолжается изготовление скобящих и скре-

буших орудий на массивных или плоских отщепах, сечениях пластин. Среди пластинчатых наконечников встречается все больше изделий выходящей формы (рис. 2, 11, 12) и более мелких, обладающих острым, хорошо выделенным черешком. Помимо них на памятниках встречаются грубооббитые топоры и наконечники стрел с треугольным пером, притупленным по одной стороне, и черешком, который скошен по одному краю и имеет выемку на другом (рис. 2, 45, 48), или близкие таковым (рис. 2, 10, 13, 46). В наконечниках видят изделия хвалибеговицкой, плудской индустрий, компонент аренбургской или прибалтийско-мадленской культуры.

Иногда встречаются пластинки со скошенным концом и жалом, оформленным резцовым сколом, иногда ретушированные по основанию, — острия и полуострия типа Велишев или Яниславице (рис. 2, 21). Появляются наконечники типа Лингби (рис. 2, 49). Найден один наконечник гамбургской культуры (рис. 2, 50, дер. Одрижан). Для узких треугольников, косых трапеций, некоторых типов вкладышей и острий можно найти аналогии в яниславицкой культуре Польши.

Памятники восточной части Полесья неизмеримо беднее орудиями труда. Их изготавливали из разноцветного валунного кремня. Заготовки снимались с небольших, чаще плохо огранных одно- и двуплощадочных нуклеусов. Для комплексов типично сочетание свидероидных форм с микролитическими. Настоящих иволжистых наконечников стрел немного (рис. 3, 31, 57), а черешковые не имеют устойчивой формы (рис. 3, 51, 58—60). Наряду с угловыми резцами, резцами на углу сломанной пластинки и микрорезцами продолжают употребляться более древние по форме срединные (рис. 3, 46, 61) и боковые (рис. 3, 18, 19, 32, 33, 56). У некоторых резцов рукоять оформлена в виде скребка. Скребки разнообразны: концевые на длинных (рис. 3, 20) и укороченных пластинках (рис. 3, 7, 38), иногда двойные, высокие (рис. 3, 6, 69), небольшие круглые (рис. 3, 26, 50), обычные на плоских отщепах, микроскребки (рис. 3, 8, 75). Применяли скобели на отщепах и редкие S-видные — на пластинках (рис. 3, 21, 53, 68). Среди микролитов есть экземпляры типа граветт, у которых край пластинки притуплен прямой, обратной или встречной ретушью, а иногда скошен и конец (рис. 3, 13, 36). Сегментовидные вкладыши редки и неоднотипны (рис. 3, 35, 44, 73), значительно чаще попадаются полусегменты (рис. 3, 72, 76), ланцетовидные острия типа Кудлаевки или Коморницы (рис. 3, 11), типа Ставиного (рис. 3, 12), крупные разнотипные треугольники (рис. 3, 70, 71), прямоугольники (рис. 3, 14, 15), вкладыши иных типов (рис. 3, 43, 45, 52), пластинчатые ножи со скошенным концом (рис. 3, 3, 43) или притупленным краем. Интересно появление вставных лезвий рубящих орудий — треугольников, малых транше (рис. 3, 3, 4). У некоторых микролитов подправлены острия (рис. 3, 23, 76).

На позднем этапе, который выделяется по находкам трапеций (рис. 3, 22, 66), распространяются мелкие, вырождающиеся формы наконечников, нередко ромбовидные, из пластинчатых отщепов (рис. 3, 40, 54, 55), плоские округлые скребки и выемчатые скобели, угловые резцы, сверлышки, вкладыши-сечения пластинок.

Таким образом, по характеру индустрии и по типам орудий труда Полесье в древности делилось на две части по линии болотистой полосы междуречья Цны, Смерди, Ствиги и Горыни. Западная часть относилась к области свидерской культуры и сменявшей ее, которые простирались далеко на северо-запад и север — в бассейны Вислы и Немана. Восточная часть принадлежала к ареалу микролитических культур, которые распространялись далее к югу и юго-востоку².

Свидерская культура составляет на западе Полесья мощный культурный горизонт. Она развивалась здесь с самого раннего этапа в течение многих тысячелетий, оставив след и в культуре местного неолита. Один

из генетических корней ее можно усматривать в липской культуре, которая должна привлечь самое пристальное внимание исследователей. Ограничение возраста свидерской культуры только аллередом и младшим дриасом, т. е. несколькими столетиями, оставляет необъяснимыми многие культурные явления. Видимо, она существовала еще до аллереда (и в этом прав Л. Савицкий), переросла в мезолитическую культуру и могла сомкнуться во времени с неолитом. Поздние этапы свидерской культуры характеризуются тем, что пластинчатая индустрия была дополнена производством макролитических орудий, а комплексы — включением в очень небольшом количестве острий, микролитов и других изделий, типичных для индустрии висленского цикла или яниславицкой культуры. Это не означает, однако, что в Полесье была распространена сама яниславицкая культура, как полагает С. Козловский³.

Особый интерес представляет наличие в Припятском Полесье наиболее ранних свидерских памятников и появление в инвентаре этой культуры рубящих орудий — эволюция от типично свидерских нуклеусов (применяемых для рубки) к топорам с перехватом, а затем к обычным кампинийским формам, которые нередко причисляются к «нордическому кругу». Однако, как теперь выяснилось, они не могли появиться в Северо-Западной Европе в результате естественного развития местных палеолитических культур⁴. Возможно, что истоки выделенной в Литве микро-макролитической (неманской) культуры⁵ следует искать не в Северной Европе, а в западнополесском пространстве⁶. Если неманскую культуру и нельзя считать поздней фазой свидерской, то бесспорно, что генетически она с ней связана. Сочетание на памятниках Ополь 1, Задолжье наконечников типа Лингби с остриями, грубыми резцами и топорами позволяет отнести эти комплексы к типу Пиннеберг.

В восточной части Полесья пока неизвестны памятники, которые можно было бы отнести к раннему мезолиту. С. Козловский, отмечая находки на всей Припяти пластинчатых (кундских) наконечников стрел, яниславицких треугольников, а по нижнему течению реки — еще и ланцетовидных острий, полагает, что восточная часть бассейна Припяти была занята памятниками типа Кудлаевки. Между тем сходство с Кудлаевкой прослеживается лишь по находкам острий и мелких орудий типа граветт. Видимо, этот район следует включать в волинско-днепровскую группу памятников⁷, которая входит в состав южнорусской микролитической области.

Культурное деление Полесья в неолитическую эпоху сохраняется: западная часть относится к неманской культуре, а восточная — к днепродонецкой в местных вариантах. В культурах удерживается целый ряд мезолитических типов орудий — пластинчатые наконечники стрел, концевые скребки, трапеции, а на западе также грубооббитые топоры и орудия типа пик, яниславицкие острия.

¹ Исаенко В. Ф. Мезолит Восточного Полесья. — Сб.: Вопросы истории и археологии. Минск, 1966.

² Очерки по археологии Белоруссии, I. Минск, 1970, с. 55—56.

³ S. K. Kozłowski. Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa, 1972.

⁴ The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.

⁵ Римаутене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.

⁶ Гурина И. И. Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии. — МИА, № 131, 1965.

⁷ Телегин Д. Я. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепродонецкой неолитической культуры. — МИА, № 126, 1966. Резцовый скол на концах некоторых острий или микролитов («яниславицкие» традиции) вполне мог появиться при специфическом приеме членения пластинок или в процессе эксплуатации орудия.

МЕЗОЛИТ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

Юго-Восточная часть Белоруссии (Белорусское Поднепровье) занимает земли в бассейне верхнего течения Днепра и его притока — р. Сож. Эта территория с сильно разветвленной речной сетью находилась в непосредственной близости к границе последнего оледенения, что позволяет коррелировать геологические и археологические данные при решении вопросов о заселении бассейна Верхнего Днепра в процессе деградации валдайского оледенения. Изучаемая территория богата выходами меловых пород¹, содержащих кремневое сырье. Конкреции местного кремня имеют округлую или овальную форму до 20 см в поперечнике. Цвет кремня снаружи светло-серый до белого, внутри — темно-серый со светлыми вкраплениями окремнелого мела, снижающего пластичность сырья.

Работами К. М. Поликарповича, В. Д. Будько, В. Ф. Исаенко на территории Юго-Восточной Белоруссии выявлено около 30 мезолитических стоянок и местонахождений (рис. 1), на десяти из них мы провели стационарные работы.

Подавляющее большинство изученных памятников по условиям залегания культурного слоя относится к типу аллювиальных, занимающих

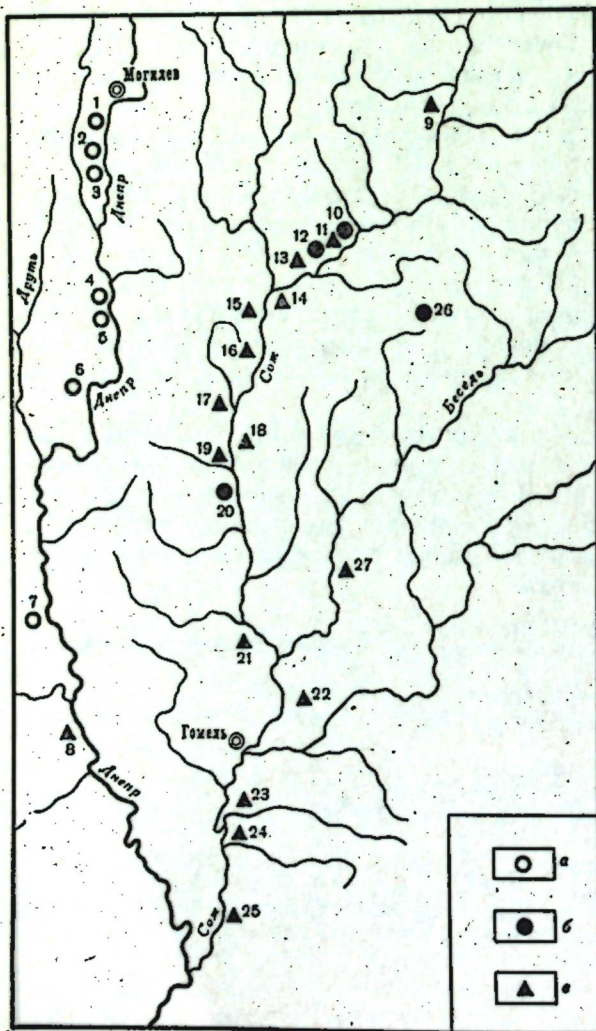

Рис. 1. Мезолитические стоянки и местонахождения на территории Юго-Восточной Белоруссии

а — памятники раннего этапа;
б — памятники позднего этапа;
в — мезолитические местонахождения, недостаточно изученные

- 1 — Боровка;
- 2 — Дальнее Лядо;
- 3 — Борколабово;
- 4 — Лудчица;
- 5 — Яново;
- 6 — Коромка;
- 7 — Шихово;
- 8 — Борхово;
- 9 — Лобковичи;
- 10 — Горки;
- 11 — Криничная;
- 12 — Журавель;
- 13 — Александровка;
- 14 — Кремняка;
- 15 — Гайшин;
- 16 — Костюковка;
- 17 — Литвиновичи;
- 18 — Васильевка;
- 19 — Верхи;
- 20 — Гренская;
- 21 — Присно;
- 22 — Рудня Споницкая;
- 23 — Скиток;
- 24 — Новые Терешковичи;
- 25 — Старая Паперня;
- 26 — Печенеж;
- 27 — Столбуи

участки первых и вторых надпойменных террас бассейна Днепра, в связи с чем возможно предварительное обоснование относительной хронологии памятников. Правомерность членения памятников на две хронологические группы — раннюю и позднюю — подтверждается также типологическими (рис. 2) и статистическими данными. Отличительной чертой стоянок раннего мезолита (Боровка, Дальнее Лядо, Борколабово, Лудчица, Яново, Коромка) является залегание культурного слоя на второй надпойменной террасе Днепра. Стоянки позднемезолитической группы (Горки, Журавель, Гренск) расположены на первой надпойменной террасе Сожа. Исключение составляет стоянка Печенеж, которая находится на берегу древнего озерного водоема (ныне торфяник).

Изученные памятники — стоянки-мастерские, расположенные в непосредственной близости от кремневых месторождений, что нашло отражение в составе и характере инвентаря (табл. 1).

Культурные остатки мезолита на первой и второй надпойменных террасах залегают на глубине 0,3—0,5 м в нижних слоях элювия или в иллювиальном горизонте современных песчаных и супесчаных дерново-подзолистых почв. Из-за небольшой глубины залегания культурного слоя большинство стоянок разрушено вспашкой и ветровой эрозией.

В раннем мезолите на территорию Верхнего Поднепровья проникали различные этнические группы, в первую очередь носители мезинской и свидерской культурных традиций. Так, связь с мезинской культурой прослеживается по материалам стоянок Боровка, Коромка и Лудчица. Материалам Мезинской стоянки² аналогична коллекция Боровки, причем сходство обоих памятников определяется всем комплексом кремневого инвентаря при близком процентном отношении ведущих типов орудий. Так, в группе резцов преобладают боковые. Концевые скребки занимают ведущее место среди всех других разновидностей — боковых, выемчатых, двойных. В Боровке имеется и «одна из специфических групп кремневых изделий Мезина» — пластины и отщепы с выемкой, а также «режущие острия». Выразительна серия проколов мезинского типа — срединных и угловых. Особый интерес представляют наконечники стрел, которые И. Г. Шовкопляс относит к случайным формам³. Эта определенная и очень характерная разновидность асимметричных черешковых наконечников стрел представлена не только в Боровке, но также в Лудчице, Коромке, Гренске, в памятниках Литвы⁴ и Волго-Окского междуречья⁵.

Различия между памятниками довольно отчетливо выступают в характере использования заготовок (в Боровке — 64,3% орудий на отщепах), в преобладании скребков над резцами и отсутствии типичных для мадленского времени пластинок с притупленным краем, которые вообще не характерны для мезолита Верхнего Поднепровья.

Генетическая связь с мезинской культурой, а также хронологическое различие подтверждаются и материалами стоянки Коромка. В отличие от Боровки, наиболее близкими аналогами в этом случае являются комплексы кремневого инвентаря Добраничевки и Межирича. Сопоставление комплексов инвентаря (по типолого-статистическим разработкам М. И. Гладких)⁶ свидетельствует о наличии в Коромке характерных для позднего палеолита типов орудий. Существенно при этом, что отдельные типы, преобладающие в Коромке, затем, на памятниках позднего мезолита, становятся руководящими формами. Среди них следует отметить двойные боковые резцы (резцы-скобели по Р. К. Римагнене) и округлые скребки. Появляются в Коромке и новые формы (скребла и в особенности-наконечники стрел). Отличия от позднелазовских орудий, как и в Боровке, объясняются хронологическими причинами. В материалах из Коромки, сходных с добраничевскими и межиричскими по технике расщепления камня, велико количество многоплощадных нуклеусов для отщепов, причем отщепов в три раза больше, чем пластин. Это обстоятельство указывает на изменение характера использованных заготовок

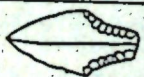
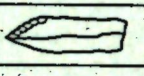
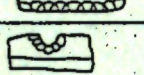
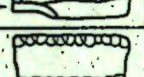
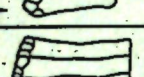
Наконечники стрел																
Политипики	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Боровки																
Дальнее Лядо																
Баркалабоба																
Лудичица																
Яново																
Коронка																
Горки																
Журавель																
Гренск																
Печенеж																

Рис. 2. Основные типы кремневых орудий мезолитических стоянок Юго-Восточной Белоруссии

1—7 — наконечники стрел: 1 — черешковые, 2 — асимметричные черешковые (грениский тип), 3 — поствидерские, 4 — типа Добраничевки, 5 — тип Хингера, 6 — ланцеты, или «режущие острия», 7 — пластинки со скошенным ретушью концом; 8 — острия; 9 — изделия с выемкой; 10 — изделия с выемкой; 11—16 — резцы:

Скребки-резцы															
Политипик	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
Боровка	■	■		■	■	■	■	■		■	■				
Дальнее Лядо	■	■		■						■				■	■
Баркалавово	■	■									■				
Лудчица	■	■		■		■				■					
Янов	■	■													
Коронка	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Горки	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Журавель	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Гренск	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■
Печенеж	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■	■

Рис. 2 (окончание)

11 — боковые, 12 — двойные боковые, 13 — угловые, 14 — средние, 15 — комбинационные, 16 — скребки-резцы; 17—27 — скребки: 17 — концевые на пластинах, 18 — концевые на отщепе, 19 — почти округлые, 20 — с ретушированными краями, 21 — с «шипом», 22 — прямоугольные, 23 — со скошенным рабочим краем, 24 — «стрельчатые», 25 — округлые, 26 — двойные, 27 — с выемкой, 28 — скребла, 29—31 — топоры: 29 — трапециевидные, 30 — овальные, 31 — с перегибом

для орудий и в мезолите Верхнего Поднепровья, что в известной мере может служить датирующим признаком. Переход к мезолиту ознаменован уменьшением удельного веса резцов и возрастанием количества скребков при сохранении ведущих форм и типов этих орудий. Многочисленной группой (35—70% всех изделий со вторичной обработкой) в мезолитических памятниках представлены пластины и отщепы с нерегулярной ретушью по краю.

К раннему мезолиту относятся памятники свидерской культуры, расположенные на второй надпойменной террасе (Яново). О принадлежности Янова к свидерской культуре свидетельствуют наконечники стрел с выделенным черешком и плоской ретушью с брюшка, боковые, угловые и срединные резцы, концевые скребки, уплощенные нуклеусы с косо поставленными ударными площадками и высокая пластинчатая техника расщепления камня. Ближайшую аналогию материалам Янова составляют коллекции из Саянника 2 и Самантонис⁷, что позволяет включить Юго-Восточную Белоруссию в ареал эппипалеолитической культуры, характерной для Литвы и Западной Белоруссии.

Сложнее решается вопрос о культурной принадлежности стоянок Дальнее Лядо и Борколабово. Руководящими формами обоих памятников являются наконечники стрел со слабо выраженным черешком, топорники с перехватом и угловые резцы, что в свою очередь сближает эти стоянки с памятниками свидерского круга. Однако особенности кремневого инвентаря Борколабово и Дальнего Ляда не позволяют пока найти прямых аналогий на соседних территориях.

Таблица 1

Количественное и процентное соотношение классов кремневого инвентаря мезолитических стоянок Юго-Восточной Белоруссии

Памятники	Общее количество находок	Орудия*	Нуклеусы	Пластины	Отщепы	Осколки до 2 см	Куски кремня
Боровка	9915**	1075	565	854	5730	1096	595
	100	10,9	5,7	8,61	57,8	11,0	6,0
Дальнее Лядо	2645	242	184	285	1610	80	244
	100	9,1	6,9	10,8	61,0	3,0	9,2
Борколабово	2060	177	176	214	1233	136	124
	100	8,6	8,6	10,4	59,8	6,6	6,0
Лудчица	494	65	18	142	226	13	30
	100	13,2	3,6	28,9	45,7	2,6	6,0
Яново	1555	116	29	318	768	300	24
	100	7,4	1,8	20,5	49,6	19,3	1,5
Коромка	3950	900	230	568	1684	221	347
	100	22,9	5,9	14,4	42,6	5,5	8,6
Горки	9057	244	255	1102	4502	2708	246
	100	2,7	2,8	12,1	49,6	29,8	2,7
Журавель	6247	293	168	552	3440	1579	215
	100	4,7	2,7	8,8	55,0	25,3	3,5
Гренск	3844	317	89	346	1962	902	228
	100	8,4	2,3	9,0	51,5	23,5	5,7
Печенеж	1974	351	116	182	998	60	267
	100	17,8	5,8	9,2	50,6	3,1	13,5
Итого:	41741	3780	1830	4563	22153	7095	2320
	100	9,0	4,3	10,9	53,3	17,0	5,5

* К орудиям относятся все изделия со вторичной обработкой.

** В числителе — количество находок, в знаменателе — %.

Таблица 2

Количественное и процентное соотношение групп кремневого инвентаря мезолитических стоянок Юго-Восточной Белоруссии

Памятники	Всего орудий	Наконечники	Резцы	Скребки	Остры	Изделия с выемкой	Рубящие орудия	Прокоски	Ретушированные пластины	Ретушированные отщепы
Боровка	1075*	14	31	60	94	101	—	19	249	507
	100	1,3	2,8	5,6	8,7	9,3	—	1,7	23,1	47,1
Дальнее Лядо	242	1	—	14	10	5	4	6	91	111
	100	0,4	—	5,7	4,1	2,0	1,6	2,4	37,5	45,8
Борколабово	177	4	4	17	18	12	2	—	60	60
	100	2,2	2,2	9,6	10	6,7	1,1	—	33,9	33,9
Лудчица	65	4	18	12	5	3	—	—	14	9
	100	6,1	27,6	18,4	7,6	4,5	—	—	21,5	13,8
Яново	116	4	10	11	5	17	—	—	45	24
	100	3,4	8,6	9,4	4,3	14,6	—	—	38,7	20,6
Коромка	9000	28	184	177	28	76	9	17	216	165
	100	3,1	20,4	19,6	3,1	8,4	1	1,8	24,0	18,3
Горки	244	8	27	48	15	6	3	4	44	89
	100	3,2	11,0	19,6	6,1	2,4	1,2	1,6	18,0	36,4
Журавель	293	9	37	83	7	5	4	16	62	70
	100	3,4	12,6	28,2	2,4	1,6	1,3	5,4	21,1	23,8
Гренск	317	12	42	74	7	11	4	2	58	107
	100	3,7	13,2	23,3	2,2	3,4	1,2	0,6	18,2	33,7
Печенеж	361	4	31	89	6	19	12	18	99	73
	100	1,1	8,8	25,3	1,7	5,4	3,4	5,1	28,2	20,8
Итого:	3780	88	384	585	195	255	38	82	938	1215
	100	2,3	10,1	15,4	5,1	6,7	1,0	2,1	24,5	33,0

* В числителе — количество орудий, в знаменателе — %.

Таким образом, памятники раннего мезолита связаны с различными культурными традициями и завершают развитие верхнепалеолитических культур. Дальнейшее освоение территории Верхнего Поднепровья различными этническими группами привело к формированию локальной мезолитической культуры в позднем мезолите.

Характерной чертой памятников поздней группы является стабилизация процентного соотношения классов, групп и типов кремневых изделий в комплексах стоянок (табл. 2). Удельный вес пластин составляет 9—12% общего количества находок. Соотношение пластин и отщепов равно 1:5. Основными типами нуклеусов являются одно- и двуплощадочные при обилии экземпляров (до 50%) с бессистемной оббивкой. В качестве заготовок для орудий преимущественно использовались отщепы (59—64%). В инвентаре памятников позднего мезолита представлены наконечники гренского типа, постсвидерские, типа Хинтерзе, типа Добраничевки (с черешком, оформленным противоположающей ретушью) и собственно черешковые. В качестве вкладышей использовались сечения пожевидных пластин. Для позднемезолитических памятников характерны наличие острий-ланцетов («режущих» острий по И. Г. Шовкоплясу) и единичность микролитов геометрических форм — треугольников, трапеций. Сохраняются основные верхнепалеолитические типы резцов при преобладании боковых, незначительное количество концевых скребков из пластин и преобладание орудий этого типа на отщепах. Встречаются типичные мадленские формы скребков — двойные, со скошенным рабочим лезвием,

с «шипом», прямолезвийные, стрельчатые, скребки-резцы. Распространяются скребловидные формы и рубящие орудия — траншевидные и овальные топорики, тесла.

Итак, в локальной мезолитической культуре, ограниченной бассейном Припяти на юге и истоками Днепра на севере, преобладают мезинские культурные традиции со свидерскими элементами.

- ¹ Копысов Ю. Г. Мергельно-меловые породы востока Белоруссии. Минск, 1968.
- ² Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965, с. 115—178.
- ³ Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка, с. 130, табл. VII, 20.
- ⁴ Римаутене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, рис. 14, 1, 2; 15, 1, 2; 54, 1, 2.
- ⁵ Крайнов Д. А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I. — КСИА, 131, 1972, с. 93, рис. 28, 1—4.
- ⁶ Гладких М. И. Поздний палеолит лесостепного Приднепровья. Канд. дисс. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 1035, л. 132—140.
- ⁷ Римаутене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы, с. 107—111.

Р. К. РИМАУТЕНЕ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МЕЗОЛИТА ЛИТВЫ

Литовские археологи считают границей между палеолитом и мезолитом рубеж позднего дриаса и пребореала (8 тыс. лет до н. э.). Увеличение лесов и исчезновение северного оленя принудили переместиться на новые места те родовые общины, которые не сумели приспособиться к новым условиям (видимо, часть носителей свидерской культуры). Другая часть населения, очевидно, приспособилась, восприняла новые культурные элементы, проникавшие с запада и с юга, и безусловно нашла какой-то способ сосуществования с новыми родовыми общинами, для которых были характерны элементы маглемозских культур (а возможно, и культур Причерноморья).

Некоторые археологи связывают начало мезолита с аллередом. Это было бы понятно в том случае, если бы свидерскую культуру можно было сопоставить с культурами охотников на мамонта. Но разница между ними во всех отношениях огромная, гораздо более отчетливая, нежели между свидерской и мезолитической неманской (или микро-макролитической) культурами. В тех районах, где распространена свидерская культура, нет памятников культур охотников на мамонтов. Единственная резкая граница может быть проведена лишь между культурами охотников на северного оленя и на лесных животных.

Хронология литовских мезолитических стоянок опирается на их топографию. Если палеолитические стоянки находятся лишь на второй и третьей надпойменных террасах рек, то мезолитические — на первой надпойменной террасе и на пойме (за исключением краткого периода максимума литориновой трансгрессии).

Комплексы неманской мезолитической культуры (микро-макролитической) встречены в Литве приблизительно в 130 местонахождениях. Из них около 80 имеют полный набор основных типов изделий, в которых отражены черты 1) палеолитического наследия, 2) привнесенные новым мезолитическим населением и 3) межкультурные (гибридные).

Палеолитическое наследие — это эписвидерский компонент и прежде всего эписвидерские наконечники (рис. 1, 1), местное развитие которых можно проследить от палеолита (аллереда) до неолита (иногда даже позднее). В самых общих чертах можно отметить, что палеолитиче-

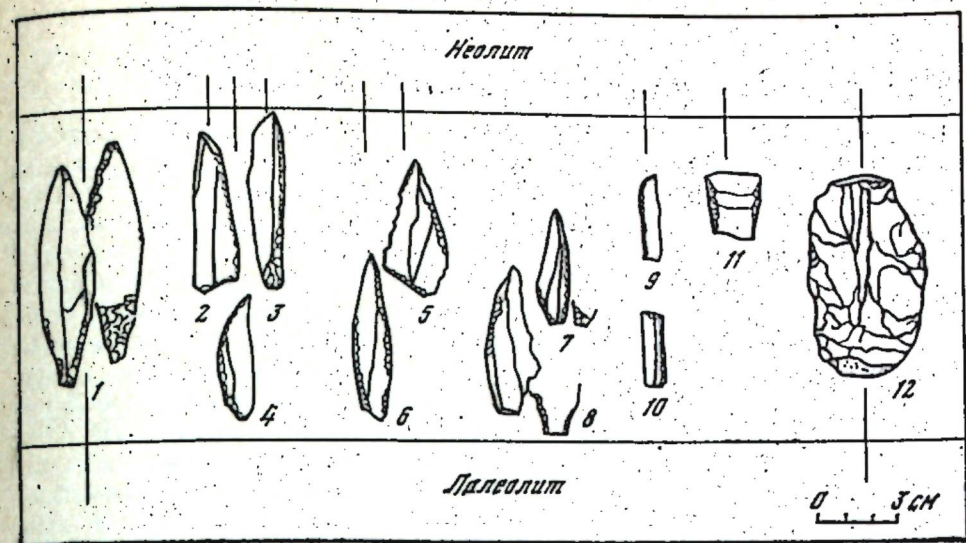

Рис. 1. Мезолитические орудия Литвы (1—12)

ские (свидерские) наконечники обычно ретушированы лишь частично. На грани палеолита и мезолита появляется ретушь в верхней части наконечника. Мезолитические (эписвидерские) наконечники отличается тенденция к геометризации. В неолите заметно упрощается их форма.

Вторым наследием палеолита, видимо, следует считать овальные топорики (рис. 1, 12), так как они встречаются на некоторых палеолитических стоянках. Палеолитические топорики бывают двух видов — простые овальные и с перехватом. Однако среди нескольких сотен мезолитических топориков со 128 местонахождений Литвы не обнаружено ни одного с перехватом. Они продолжают встречаться в областях, где прослеживается дальнейшая линия развития принесенных наверное когда-то эписвидерским населением (например, в Калининской области, на Северском Донце). Поэтому следует предполагать, что, кроме местных традиций, на формирование типов топориков оказали сильное влияние культуры маглемозского (нордического) круга. В Польше, где известно около 100 овальных топориков, они сконцентрированы в северо-западной части — в бассейне Одры, тогда как в северо-восточной части (Мазурские озера) их почти нет (возможно, вследствие недостаточной изученности этой территории). Если бы оказалось, что действительно в северо-восточной части Польши овальных топориков мало, это подтвердило бы предположение, что в бассейне р. Неман топорики были известны от палеолита и именно потому импульс из нордической области нашел здесь живой отклик с самого начала мезолита.

Некоторые срединные резцы, продолговатые скребки, сосуществовавшие с другими формами, также следует отнести к наследию палеолита. Свидерскую ретушь со стороны брюшка даже несвидерских наконечников (ланцетов) тоже надо связывать с палеолитическими традициями.

Кроме упомянутых топориков, основными элементами, воспринятыми из нордического (маглемозского) круга, являются разнообразные ланцеты, среди которых мы выделяем три группы по способу их изготовления. В свою очередь они делятся на типы, а каждый тип — еще на варианты. Варианты отличаются друг от друга более мелкими деталями.

Группа I — треугольники трех основных типов: 1) треугольник с выпуклой спинкой (рис. 1, 2), 2) треугольник с прямой спинкой (рис. 1, 3), 3) сегмент (рис. 1, 4). Варианты отличаются по обработке основания (прямые — косые, с ретушью — без ретуши) и по распределению ретуши по спинке (спинка покрыта непрерывной ретушью или частично).

Группа II — косые ланцеты, у которых верхушка ретуширована с одного края, а основание — с противоположного (рис. 1, 5, 6).

Группа III — местные гибридные типы — ланцет со свищерской ретушью и ланцет с черешком (рис. 1, 7, 8).

Все эти группы, за исключением третьей, — основные для культур маглемозского (нордического) круга, хотя некоторые из них свойственны и другим культурам: например, треугольники с выпуклой спинкой (рис. 1, 2) являются одним из ведущих типов яниславицкой культуры Польши. В связи с этим некоторые археологи пытаются включить часть Южной Литвы в круг распространения яниславицкой культуры. Однако это не может служить достаточным основанием, поскольку другие типы наконечников яниславицкой культуры (например, длинный треугольник наконечников яниславицкого типа) в Литве вовсе неизвестны, а в комплексах собственно яниславицкой культуры отсутствуют некоторые важные типы изделий мезолита Литвы (например, некоторые формы ланцетов, ретушированные вкладыши, овальные топоры). Помимо того, и происхождение яниславицких ланцетов следует связывать с кругом маглемозских культур.

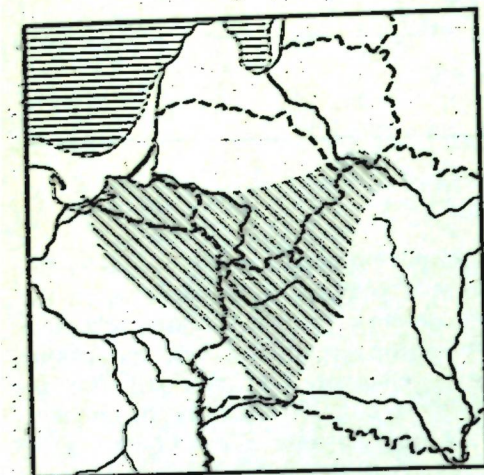

Рис. 2. Распространение неманской мезолитической культуры

Пушиком обозначена древняя береговая линия

11), вероятно, также южного происхождения, которые появляются в середине мезолита.

Таким образом, неманскую мезолитическую культуру следует считать в основном образовавшейся на местной основе при сильном влиянии круга маглемозских культур. Безусловно, некоторые элементы проникли сюда через посредников, например через яниславицкую группу. Вкладышная техника связывает эту культуру с областями Южной Европы.

Как уже говорилось, отдельные компоненты мезолитических культур появились в разных областях, в разных культурах и на различных этапах мезолита. Особенность неманской мезолитической культуры заключается в том, что эти элементы существовали в одной комплексе от начала мезолита до его конца. По нашему мнению, столь продолжительное существование их на ограниченной территории дает нам право считать этот комплекс отдельной культурной группой.

По современным данным, неманская мезолитическая культура в основном занимала бассейн р. Неман. Однако ее границы простирались и на запад, примерно до Вислы, охватывая часть Северо-Восточной Польши и Калининградскую область. На юге граница должна была, видимо, проходить где-то между Припятью и Неманом, вместе с тем она отчетливо выклинивалась до самой Припяти. На востоке граница проходила где-то в середине Белоруссии. По отдельным местонахождениям можно судить, что она занимала и озерный край Северной Литвы — Белоруссии, доходя до Даугавы. Разумеется, эта граница требует уточнения (рис. 2).

Очень мало данных имеется по северной части Литвы, однако по случайным находкам можно судить, что она входит уже в иную культурную группу (кундскую). Это подтверждают и данные распространения ранне-неолитических культур, кремневый и костяной инвентарь которых является прямым продолжением мезолитического. Почти ту же область, которую занимала мезолитическая неманская культура, занимала и неолитическая неманская культура (типа Дубичай, Добрый Бор). На западе в ласти и Сосни в Северо-Восточной Литве типа Серово в Калининградской области и Сосни в Северо-Восточной Польше. Пока еще трудно установить, распространилась ли эта неолитическая культура в северной области, занятой прежде мезолитической неманской культурой. Скорее всего в раннем неолите эта область входила в области нарво-неманской культуры, которая, вероятно, и является продолжением мезолитической кундской культуры.

И. ЗАГОРСКА, Ф. ЗАГОРСКИС

МЕЗОЛИТ ЛАТВИИ

История исследования мезолита Латвии делится на два этапа. До 60-х годов мезолит был представлен подъемным материалом — костяными и роговыми изделиями с озер Лубана, Большой Лудзас, реки Двиеты и других мест. Типологическим анализом этого материала занимаются И. Лозе¹ и Л. Ванкина². В 60-х годах были открыты первые стратифицированные памятники этого периода и началось их систематическое исследование³.

Под среднекаменным веком, или мезолитом, подразумевается эпоха, когда на территории Латвии жили племена охотников и рыболовов, широко использовавшие разнообразный костяной и роговой инвентарь и орудия, сделанные из местного валунного кремня. На начальном этапе мезолита прослеживается влияние палеолитических кремневых индустрий, а кончается эта эпоха с появлением керамики.

Мезолит на территории Латвии охватывает конец IX — начало IV тысячелетия до н. э., что соответствует пребореальному, бореальному и первой половине атлантического климатических периодов. В развитии Балтийского бассейна это совпадает с Иольдиевым морем, Анциловым озером и начальной стадией Литоринового моря. В начале мезолита ландшафт тундры сменяют березово-сосновые леса. В бореальный период сосна достигает максимума развития. В дальнейшем появляются широколиственные породы, максимум развития которых относится ко времени климатического оптимума послеледниковья. В начале мезолита, как предполагают, охотились на северного оленя. Позже охотничьей добычей стали лось, тур, олень, медведь, дикая лошадь, кабан. По остаткам рыб определено, что в мезолите ловили щуку, судака, леща, язя, окуня, головля, сома⁴. В эпоху мезолита уже сложилась та система рек и озер, которая существует и в наши дни. На берегах рек и озер, так же как на побережье моря, сохранились следы обитания древнего человека.

Мезолит Латвии в основном представлен костяным, роговым и мало-численным кремневым подъемным материалом из 16 различных мест (рис. 1). Большая часть предметов найдена в Восточной Латвии, отдельные находки встречаются на берегах Даугавы и в Западной Латвии. Культурный слой мезолита выявлен на стоянках Оса (Лубанская низменность) и Звейниекс II (Северная Латвия). Мезолитический могильник Звейниекс расположен рядом со стоянкой (рис. 1).

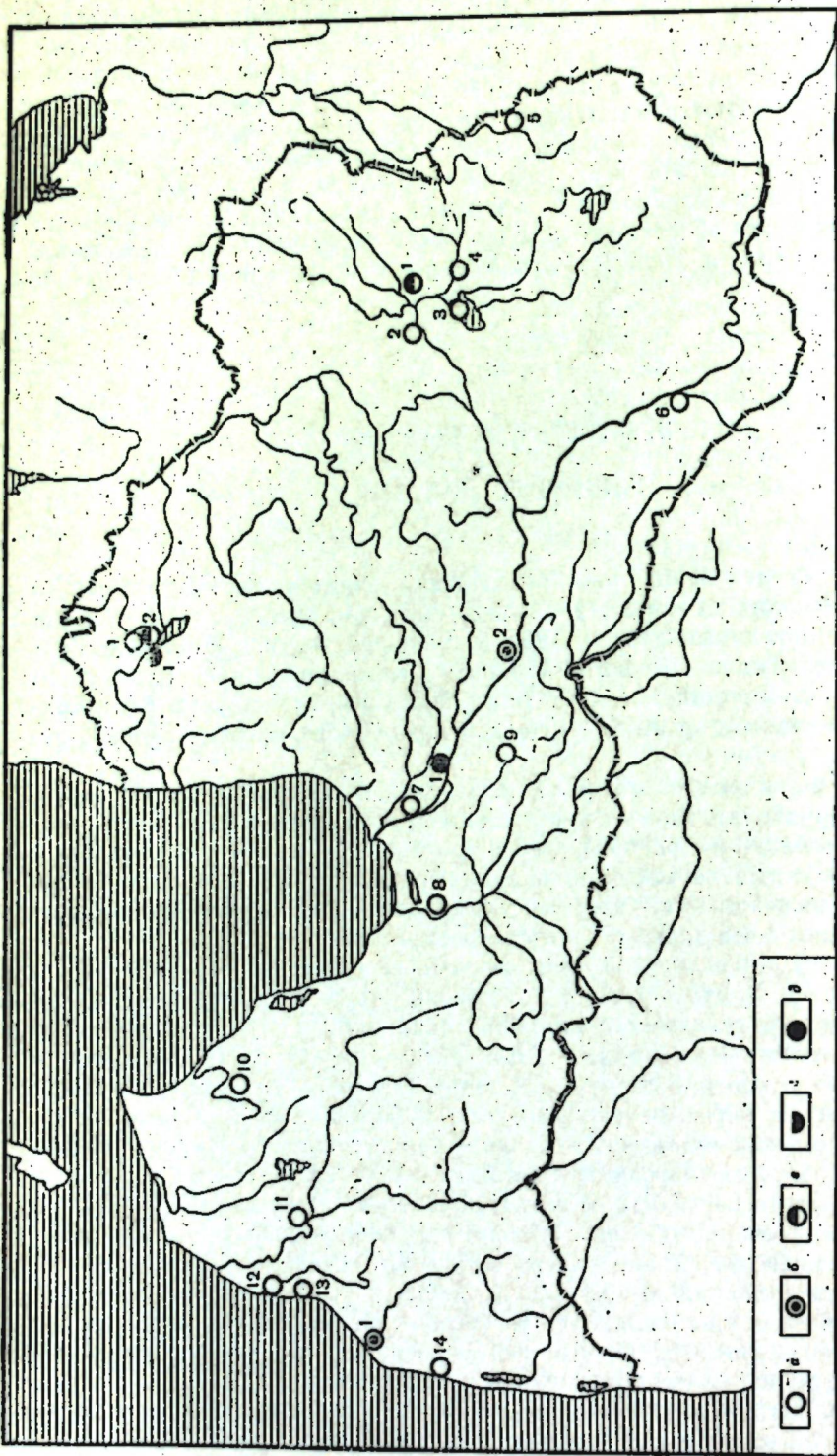

Рис. 1. Мезолитические памятники Латвии

а — места находки костяных и роговых изделий: 1 — болото Пантене, 2 — Цепелени, 3 — оз. Лубанское, 4 — Ича, 5 — оз. Большое Лубанское, 6 — Дниеге, 7 — Рига, 8 — Лиепюла, 9 — Миса, 10 — Лубезерс, 11 — Плоста Крога, 12 — Ужава, 13 — Сакса, 14 — болото Плочу; б — местонахождения кремневых изделий: 1 — Павилоста, 2 — Лиепруге, 3 — Оса, 4 — Звейниекс II; в — могильники: 1 — Звейниекс II; 2 — Лаукскола

На стоянке Оса мезолитический культурный слой залегал над материковым под слоем раннего неолита на глубине 1,60—1,90 м. Слой раннего неолита датируется второй половиной атлантического периода — 5730 ± 50 лет тому назад (JE—850), а мезолитический слой — первой половиной атлантического периода — 7168 ± 160 лет тому назад (Blп — 770); 6960 ± 80 лет тому назад (JE—811); 6580 ± 70 лет тому назад (JE—810) ⁵.

На стоянке Звейниекс II сильно разрушенный культурный слой мезолита обнаружен на большой территории. Только на северо-восточном склоне бугра в небольшой впадине вскрыто два хорошо сохранившихся слоя, частично перекрывавших друг друга. Верхний слой, состоявший из черной земли с примесью мелкого гравия, был насыщен костяными, роговыми и кремневыми предметами, костями животных и рыб. Орудия аналогичны найденным на стоянке Кунда-Ламмасмиги и в болоте Кунда в Эстонии и, очевидно, датируются бореальным временем — VII—VI тысячелетиями до н. э. ⁶ Нижний слой состоял из прослоек гравия сероватого цвета с примесью озерной извести в нижнем горизонте. Этот слой содержал небольшое количество костяных и роговых орудий и отдельные кремневые предметы, которые по стратиграфическим и типологическим признакам относятся к более раннему времени.

Древнейшим памятником на территории Латвии является стоянка Саласпилс Лаукскола, расположенная в 10-метровой террасе правобережья Даугавы. Кремневые предметы найдены в виде отдельных скоплений, или гнезд. По данным геологов, находки залегают в пойменных фациях отложений этой террасы, формирование которой происходило во второй половине верхнедриасского времени. Стоянка располагалась на приустьевом участке долины, примерно в 3 км от впадения реки в Балтийское ледниковое озеро ⁷. По типологическим признакам такие орудия относятся к верхнему дриасу, но эти формы продолжают употребляться и в пребореальное время, имея эпипалеолитический характер ⁸.

В могильнике Звейниекс, расположенном на более возвышенной части бугра, исследовано более 100 погребений, относящихся к позднему мезолиту ⁹.

Данные археологических раскопок дали возможность расчленить подъемный материал на хронологические этапы, а также выделить характерные мезолитические комплексы орудий для каждого этапа.

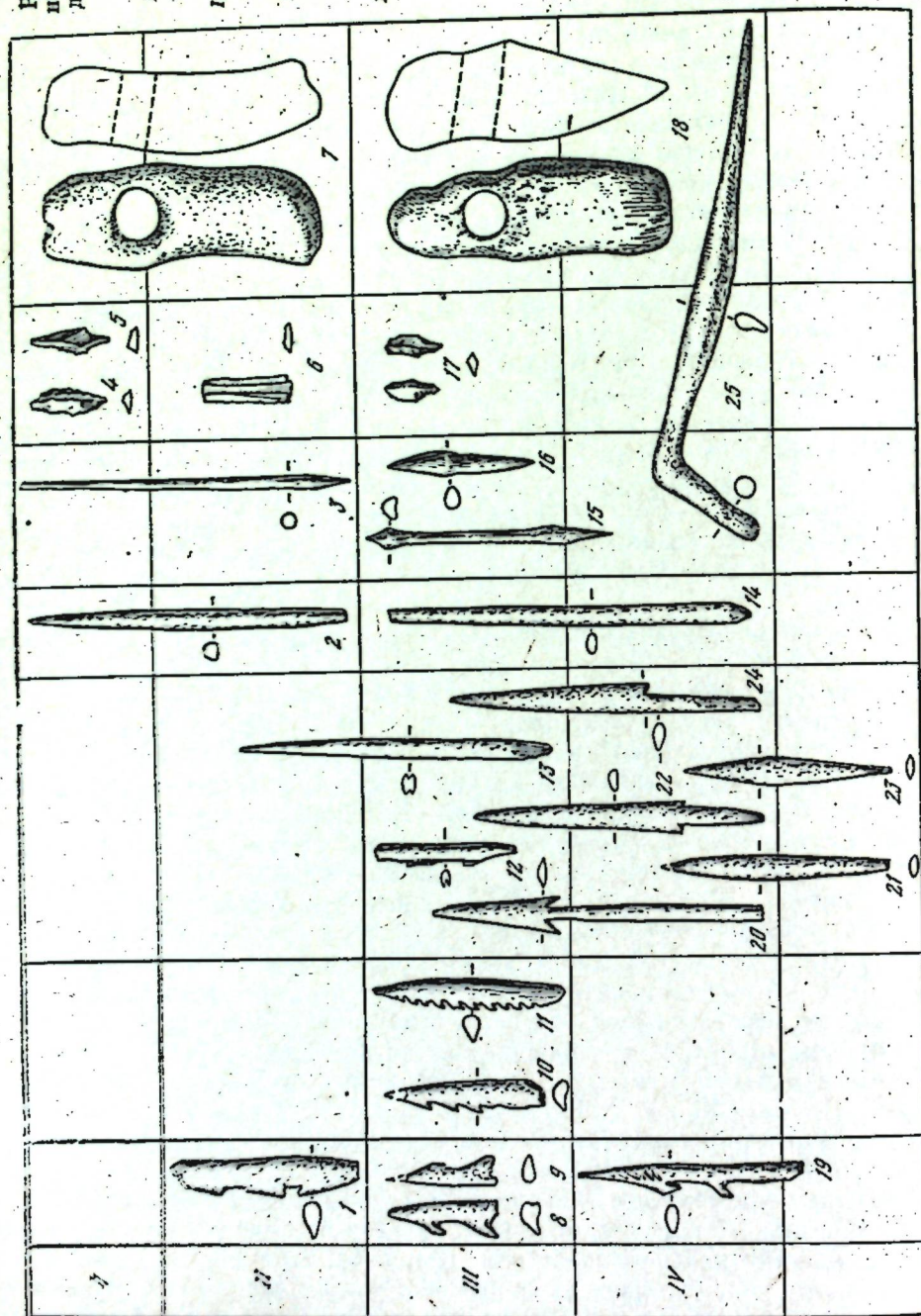
Конец верхнего дриаса, пребореальное время. Древнейший комплекс орудий составляют находки кремневых изделий в Саласпилс Лаукскола. Все предметы изготовлены из кремня хорошего качества и покрыты белой, голубоватой или серой патиной. Большинство орудий сделано из пожевидных пластин. Это наконечники стрел с четко выделенным черешком и ретушью с брюшка, наконечники без выделенного черешка (рис. 2, 4, 5), срединные и боковые резцы, концевые скребки больших и малых размеров, комбинированные орудия. Нуклеусы главным образом двуплощадочные. Встречаются также пожевидные пластины с ретушью и без нее. Все орудия палеолитического облика, очень четкой, определенной формы, с выразительной ретушью. Синхронны названным кремневым предметам, вероятно, и найденные на оз. Лубана и р. Дниеге некоторые костяные и роговые гарпуны с двусторонними зубцами и лопатовидным насадом (тип 12В по Д. Кларку), а также односторонние с большими сильно изогнутыми зубцами. Некоторые из них сделаны из рога северного оленя ¹⁰.

К более позднему времени, может быть к концу пребореала или к началу бореального времени, относятся находки из нижнего слоя Звейниекс II: игловидные наконечники стрел (рис. 2, 3), гарпуны с широкими разреженными зубцами (рис. 2, 1), гладкие острия (рис. 2, 2), роговые долота с асимметричным лезвием, роговые муфты (рис. 2, 7). Аналогичные костяные и роговые изделия имеются среди Лубанской коллекции. Кремня

Рис. 2. Основные типы костяных, роговых и кремневых изделий эпохи мезолита Латвии

I — верхний дриас, конец IX тысячелетия до н. э.;
 II — бореальный климатический период, VIII—VI тысячелетия до н. э.;
 III — бореальный климатический период, VII—VI тысячелетия до н. э.;
 IV — первая половина атлантического климатического периода, V тысячелетие до н. э.

1—3, 6, 7 — Звейниек II, нижний слой;
 4, 5 — Саласпилс Лауконона;
 8—18 — Звейниек II, верхний слой;
 19 — Оса;
 20—25 — могильник Звейниек

мало — обнаружены лишь крупные ножевидные пластины и сломанный наконечник с двусторонними шипами позднесвидерского типа (рис. 2, 6). Кремень хорошего качества, белый, синеватый и разноцветный.

Бореальный период. Характерный комплекс костяных и кремневых изделий бореального периода найден на стоянке Звейниек II. Среди них костяные гарпуны с косыми клювовидными зубцами, наконечники копий кундского типа, наконечники с трехгранным поперечным сечением (лубанский тип), так называемые птичьи стрелы с односторонним и двусторонним пазом, биконические наконечники стрел с длинным черешком, массивные наконечники копий круглого сечения, роговые мотыги, кинжалы, долота, пробитые фаланги, зубы-привески (рис. 2, 8—16, 18). Кремневые орудия, изготовленные из местного валунного кремня, невысокого качества, темно- и светло-серого, коричневатого или желтого цветов. Изделия невыразительной формы, небольших размеров, изготовлены из пластин и отщепов. Резцов в два раза меньше, чем скребков; некоторые из них на ножевидных пластинах, но большинство изготовлено на разных отщепках, с нерегулярными сколами. Нуклеусы двух типов — неправильно конусообразные и карандашевидные. Половину всех кремневых находок составляют ножевидные пластины в основном небольших размеров, использованные, очевидно, как вкладыши. Встречаются и сечения пластин. Один из найденных наконечников — позднесвидерского типа, с двусторонней ретушью на брюшке черешка (рис. 2, 17).

Аналогичные находки обнаружены на озерах Лубана, Большой Лудзас, на р. Двиете и в отдельных местах Северной Латвии. В подъемном материале встречаются и другие орудия, которые пока не найдены в культурном слое, но по аналогиям могут быть датированы бореальным временем. Это наконечники копий с короткими нарезками (тип Дувензе), тупыми, редкими зубцами, с несколькими зубцами в верхней части орудия, простые рыболовные крючки, сделанные из одного куска кости, роговые топоры и «жезл начальника». К мезолиту относятся также грубо обработанные каменные топоры.

Первая половина атлантического периода. Изделия этого времени представлены на стоянке Оса и в могильнике Звейниек. Наиболее характерны костяные копья с двусторонними шипами (рис. 2, 20, 21), с одним зубцом (рис. 2, 24), гарпуны со слегка согнутыми зубцами (рис. 2, 19), гладкие копья — листовидные и вытянуторомбические (рис. 2, 21, 22). Последние по своей форме приближаются к неолитическим изделиям. Такие же находки встречаются на оз. Лубана и р. Двиете.

Погребальный обряд мезолита прослежен в могильнике Звейниек. Умерших хоронили в грунтовых могилах в вытянутом положении на спине, без строго определенной ориентировки. Захоронения засыпаны размельченной красной охрой. Могильный инвентарь чаще всего состоит из подвесок — зубов животных. В меньшем количестве найдены костяные наконечники копий, кинжалы, каменные топоры, мелкие кремневые изделия и предметы искусства.

На некоторых костяных и роговых изделиях обнаружены рисунок и орнамент. На кинжале из Ужавы имеется изображение северного оленя. Орнамент встречается чаще — на кинжалах, гарпунах, наконечниках копий и стрел. Он насчитывает более 20 мотивов, исполнен в технике нарезки и сверления¹¹. К мезолиту относится и кинжал с рукояткой в виде головы оленя из могильника Звейниек (рис. 2, 25), напоминающий известные находки Оленеостровского могильника¹².

Мезолитический материал Латвии территориально и хронологически распределен неравномерно. Наибольшее количество изделий найдено в Восточной и Северной Латвии, тогда как западная область представлена всего лишь отдельными предметами. Хронологически лучше всего изучен

бореальный период, к которому относится более полный комплекс орудий, а о начальной и поздней стадии мезолита сравнительно мало данных. Все это затрудняет детальное сравнение комплексов всех трех этапов и не позволяет проследить переход от более раннего периода к более позднему.

Древнейшие находки — костяные и роговые гарпуны и кремневые изделия — свидетельствуют о двух различных влияниях. Костяные гарпуны указывают на мадленское влияние, идущее через аренсбургскую культуру, а кремневые изделия — на аренсбургское и свидерское. В самом конце палеолита в северной части Центральной Европы выделяется целая область, где можно проследить взаимопроникновение элементов аренсбургской и свидерской культур¹³. В самом конце палеолита они через Литву и Северо-Западную Белоруссию могли проникнуть в Латвию.

Комплекс орудий бореального времени (Звейниекс II) характерен для культуры Кунда. Влияние древнейших форм в этом комплексе в основном проявляется в гарпунах с клювовидными зубцами и в позднесвидерских кремневых неконечниках.

В позднем мезолите продолжали бытовать некоторые прежние формы (наконечники с одним зубцом), но вместе с тем был создан особый комплекс орудий (Оса, могильник Звейниекс), аналогичный находкам на стоянке Нарва, на Ладожских стоянках и в Оленеостровском могильнике. В пределах этого ареала формируется и раннеолитическая нарвская культура.

О том, что древние племена Латвии к концу среднекаменного века прошли уже длительный путь развития, свидетельствует и антропологический материал. В могильнике Звейниекс выявлено два антропологических типа — резко долихокраний европеоидный и мезокраний метисный. Аналогичный метисный тип встречается на севере Восточной Европы, а долихокраний европеоидный тип представлен среди мезолитического населения северных районов Средней Европы¹⁴. Этот район распространения европеоидного антропологического типа совпадает с областью, где прослежены взаимно влиявшие друг на друга мадлено-свидерские элементы.

¹ Лозе И. Мезолитические находки Лубанской низменности. — Latv. PSR ZA Vēstis, 1964, N 3; она же. Некоторые мезолитические находки территории Латвии. — МИА, № 126, 1966.

² Vankina L. Nozimigakas akmens laikmeta kolekcijas Latvijas PSR Vestures muzeija. — Muzeji un kulturas pieminekļi. Rīgā, 1970.

³ Zagorskis F. Das Spätmesolithikum in Lettland. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973; Загорский Ф., Загорская И. Мезолитическая стоянка Звейниекс II. — АО 1973 г. М., 1974.

⁴ Костный материал определила канд. биологических наук В. Данильченко, а остатки рыб — канд. биологических наук Я. Слока.

⁵ Долуханов П. М., Левковская Г. М. История развития природной среды и первобытных культур на востоке Латвии в голоцене. — Сб.: Палинология голоцена. М., 1971, с. 56—58.

⁶ Indreko R. Die mittlere Steinzeit et Estland. Stockholm, 1948, S. 73—75; Янурс Л. Ю. Новые данные по мезолиту Эстонии. — МИА, № 126, 1966, с. 118.

⁷ Эбергард Г. Я. Строение и развитие долины бассейна реки Даугавы. Рига, 1972, с. 60. Эту датировку подтвердили и геологи И. Данилс и О. Аболтыньш, осмотревшие залегание находок на месте.

⁸ Римаутене Р. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, с. 88—89.

⁹ Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka apbedījumu tipoloģija un hronoloģija. — In: Archaeoloģija un etnogrāfija, XI. Rīgā, 1974.

¹⁰ Zagorska I. Akmens laikmeta harpunas. Latvija. — Latv. PSR. ZA Vēstis, 1972, N 8, lap. 81—83.

¹¹ Лозе И. А. Рисунок и орнамент на костяных и роговых предметах эпохи камня Латвии. — Latv. PSR ZA Vēstis 1968, N 11; Лозе И. Mesolithic Art of Eastern Baltic Region. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.

¹² Гурина Н. И. Оленеостровский могильник. — МИА, № 47, 1956, с. 213—218.

¹³ Taute W. Die Stielspitzengruppen im Nördlichen Mitteleuropa. — Fundamenta, Reihe A. Bd 5. Köln — Garz, 1968, S. 250; Gurina N. N. Zur Frage über die Bildung der

Jungsteinzeitkulturen der Wald und Wald-steppenzonen des europäischen Teiles der UdSSR. — In: VIII Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Belgrade, 1971, S. 4; Римаутене Р. Палеолит и мезолит Литвы, с. 94.

¹⁴ Денисова Р. Я. Антропологический состав и генезис мезолитического населения Латвии. — СЭ, 1973, № 1, с. 68, 69.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

ЕЩЕ РАЗ О МЕЗОЛИТЕ СРЕДНЕРУССКОГО ДНЕПРО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Среднерусское Днепро-Донское междуречье занимает центральное положение в восточноевропейской лесостепи, простирающейся от западных границ СССР до Южного Урала включительно. Мезолит лесостепной зоны в целом, как впрочем и неолит, исследован неравномерно. Так, на территории Среднего Поволжья собран и обработан огромный материал¹, а интересующая нас область — одна из наименее изученных. Для неолита, правда, за последние десятилетия появились такие опорные памятники, как Долговская, Подзорово, Университетская и другие стоянки, расположенные в Верхнем Подонье². Что же касается мезолита, то север Днепро-Донского междуречья продолжает оставаться «белым пятном» на археологической карте этой эпохи.

Исключение составляет Деснинско-Сожский бассейн. Изучение каменного века этого района связано в первую очередь с именами М. В. Воеводского и К. М. Поликарповича, а также В. П. Левенка и ряда других исследователей. Здесь обследована обширная территория, получено значительное количество материалов путем сборов, раскопки и изучены некоторые опорные памятники. В начале 50-х годов М. В. Воеводский и А. А. Формозов предложили схему развития мезолита Подесенья, выделили его этапы³ и для каждого из них отметили памятник-эталон (Покровщина, Смячка XIV, Кудлаевка VI, Песочный Ров).

Среди многих общих вопросов, поставленных М. В. Воеводским на материалах мезолита Подесенья, особое внимание привлекла одна из наиболее интересных проблем: хронологическое и культурно-историческое соотношение микро- и макролитов в зоне их контакта. М. В. Воеводский отметил возможность одновременного бытования тех и других в противовес распространенной тогда точке зрения об их последовательности⁴.

В середине 60-х годов попытку обобщения материалов мезолита лесостепи предпринял В. П. Левенок. Судя по названию работы⁵, он задумал дать сводку мезолитических материалов по среднерусскому Днепро-Донскому междуречью, однако практически все свелось к пересмотру материалов Деснинско-Сожского бассейна, поскольку остальная территория остается по-прежнему почти неизученной. Что же касается деснинско-сожского мезолита, то статья содержит новые, ранее неизвестные названия местонахождений или стоянок, к которым приурочены те или иные отдельные находки. Однако какой-либо, хотя бы минимальной, характеристики этих местонахождений В. П. Левенок не дал, ограничившись лишь их перечислением. Поэтому они не могут считаться введенными в научный оборот, и сколько-нибудь оперировать ими не представляется возможным.

Основной задачей В. П. Левенка было расчленение памятников на хронологические этапы и характеристика микро-макролитической зоны. Согласно точке зрения В. П. Левенка, памятники Деснинско-Сожского бассейна отражают две линии развития мезолита. Одна — макролитическая, уходящая корнями в местный палеолит, другая — микролитическая,

проявившаяся на изучаемой территории в конце мезолита в более или менее готовом виде в результате продвижения на север южного населения. В сосуществовании этих памятников, по мнению В. П. Левенка, и состояла особенность микро-макролитической зоны. В подтверждение своего тезиса В. П. Левенок привел таблицы, в которых публикуются типологические серии микро- и макроинвентаря, не дающие, однако, никакого представления о реальных комплексах. Отсутствие подробной характеристики того или иного памятника создает превратное представление о специфике деснинско-сожского мезолита. В. П. Левенок допустил при этом фактические неточности и ошибки. Так, известное поселение Кудлаевка — одно из наиболее выразительных местонахождений Подесенья — показано как памятник южного происхождения с «чистым» комплексом микролитов⁹, наконечники стрел свидероидного облика попали почему-то в таблицу орудий микролитических типов южного происхождения, тогда как они ни размером, ни формой не отличаются от наконечников, помещенных на таблице орудий местного макролитического мезолита⁷.

Из публикаций М. В. Воеводского и А. А. Формозова становится ясным, что одна из наиболее характерных черт мезолита Подесенья, отмеченная на таких памятниках, как Кудлаевка VI и Песочный Ров, заключается в сочетании геометрических и иных орудий из пластин с грубыми рубящими или топорovidными орудиями⁸. Именно по этому признаку они сходны с некоторыми памятниками Литвы, Белоруссии и Украины, объединяемыми в микро-макролитическую зону. Были ли в Подесенья памятники с «чистыми» микро- и макрокомплексами, по публикации В. П. Левенка сказать трудно. Возможно, такие и были, подобно аналогичным памятникам на территории Белоруссии⁹, но своеобразие микро-макролитической зоны мезолита Подесенья заключается не в их сосуществовании.

Следует далее остановиться на понятии термина «макролитичность» в том смысле, как он употребляется В. П. Левенком. Характеризуя ранний этап мезолита, В. П. Левенок пишет, что ему свойственны заготовки в виде массивных пластин, благодаря чему орудия известных еще в палеолите форм — всевозможные резцы, скребки и нуклеидные орудия типа рабо — имели крупные размеры. Именно их В. П. Левенок и считает «макролитическими»¹⁰. Между тем общепринято применять этот термин к орудиям совсем иной категории, впервые появившимся в мезолитическую эпоху, — рубящим топорovidным орудиям, придающим качественное своеобразие содержащим их комплексам. Вряд ли целесообразно именовать инвентарь, например, Елисевичей или Покровщины макролитическим.

В настоящее время микро-макролитическую зону на территории Восточной Европы выделяют многие исследователи, причем основным признаком служит наличие памятников, сочетающих микролитические изделия с макролитическими (топорovidные формы). Эта зона простирается в широтном направлении, занимая область лесостепи — современных Литвы, Белоруссии, Украины. Особенно отчетливо она представлена в Литве на многочисленных памятниках, исследованных на современном научном уровне. Почти все они характеризуются определенным своеобразным комплексом, содержащим разное количество орудий, но почти повсеместно включающим наконечники стрел свидерского облика, трапеции и иные пластинчатые формы и овальные топорики¹¹. Подобная зона выделяется и на территории Белоруссии. Там, однако, наибольший интерес представляет макролитическая зона, распространенная в западной части Полесья, характеризующаяся присутствием многочисленных групп рубящих орудий, занимающих, пожалуй, одно из ведущих мест по разнообразию и выразительности типов¹². Микро-макролитическая область выделена и на Украине. Западная оконечность ее непосредственно примыкает к рассматриваемой нами территории, а комплексы таких поселений, как, например,

Корост; имеющие прямые аналоги на стоянках Деснинско-Сожского бассейна¹³, позволяют включить последние в обширную историко-культурную микро-макролитическую зону.

Проблема происхождения микролитизации в областях, лежащих к северу от южнорусских степей, пока еще остается дискуссионной, так же как и вопрос о происхождении этого процесса в Северо-Западной Европе. Классической территорией, где микролитизация прослеживается с финального палеолита, считается область Шлезвиг-Гольштейн в ФРГ, расположенная в пределах Северо-Германской низменности. Постепенное изменение форм острий в последовательном сменяющих друг друга культурах финального палеолита, приводящее непосредственно к геометризации и заканчивающееся появлением геометрических форм — треугольников, трапеций¹⁴, казалось бы, дает все основания рассматривать геометризацию как завершение прогрессивно-поступательного развития местной культуры, что признается бесспорным для южных территорий Европы и Украины. Здесь микролитизация и геометризация, начавшись в позднепалеолитическое время, достигают своего расцвета в мезолите¹⁵. Однако относительно аналогичного процесса в Северо-Западной Европе единодушной точки зрения нет. Одни, например В. Тауте, убеждены в существовании эволюционной связи позднепалеолитических и мезолитических культур и рубежом между ними считают появление топора, знаменующее переход к мезолиту. Другие отрицают такую зависимость и происхождение мезолита связывают с миграционными волнами южного населения.

Что касается территории Восточной Европы, то исследователи (Р. К. Римагнене, Д. Я. Телегин) достаточно единодушно связывают микролитизацию с миграцией южного населения к северу, хотя для Деснинского бассейна преемственность мезолитических форм от местного палеолита очевидна. Возможна здесь и некоторая микролитизация на местной основе; появление микроформ на стоянках со специфически деснинским инвентарем¹⁶.

Таким образом, по-видимому, конкретно-исторический путь развития населения разных территорий мог быть различным. Исследование этого пути в каждом районе — дело будущего. Главной задачей пока остается накопление фактического материала.

¹ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

² Левенок В. П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. — МИА, № 131, 1965; Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореф. канд. дисс. М., 1971.

³ Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. — КСИИМК, XXXI, 1950; Формозов А. А. Периодизация мезолитических стоянок европейской части СССР. — СА, XXI, 1954.

⁴ Воеводский М. В. К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе. — СА, V, 1940.

⁵ Левенок В. П. Мезолит среднеюрусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. — МИА, № 126, 1966.

⁶ Левенок В. П. Мезолит..., рис. 4, 13, 15, 16, 33—46, с. 93, 95.

⁷ Левенок В. П. Мезолит..., с. 91, 95, ср. рис. 2, 1, 7, 8 и 4, 4, 9.

⁸ Формозов А. А. Периодизация..., с. 49—51.

⁹ Исаенко В. Ф. Мезолит и неолит Припятского Полесья. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966.

¹⁰ Левенок В. П. Мезолит..., с. 90, рис. 1.

¹¹ Римагнене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, разд. IV, § 4 и табл. VI.

¹² Исаенко В. Ф. Каменный век Белоруссии в свете нового исследования Полесья. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 28—45, рис. 1, 2.

¹³ Телегин Д. Я. Поздний мезолит Украины: опыт культурно-территориального членения памятников. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973, p. 531—550.

¹⁴ См., например: Rust A. Über die Kulturentwicklung des Endglazialen Jungpaläolithikum in Nordwesteuropa. — In: Festschrift für G. Schwantes. Neumünster, 1951 (а также: Offa, Bd 14, 15, 1958).

¹⁵ См., например: Борисковский П. И. Палеолит Украины. — МИА, № 40, 1953.

¹⁶ Левенок В. П. Мезолит..., рис. 2.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ВЕРХОВЬЯХ ВОЛГИ

В верховьях Волги и на истоках Западной Двины с прилегающими к ним озерами — Селигер, Волго, Пено, Вселуг, Стерж, Охват и др. (до г. Калинин) — Верхневолжская неолитическая экспедиция (под нашим руководством) открыла и частично или полностью исследовала за последние 15 лет более сотни новых памятников каменного века. Однако только в самые последние годы, с обнаружением «чистых» комплексов, удалось надежно расчленить их хронологически и в частности выявить среди них мезолитические и раннеолитические. Вместе с тем установление точной границы между ними в настоящее время нуждается в уточнении.

Собственно мезолитических стоянок в указанном районе насчитывается более 15. Помимо того, мезолитические комплексы выявлены и на поселениях, содержащих материалы раннего, развитого или позднего неолита. К сожалению, ни разу не обнаружен памятник с четкой вертикальной стратификацией. Прослеживается достаточно устойчивая закономерность в топографии мезолитических стоянок. Подобно раннеолитическим, они обычно занимают возвышенные участки побережья — в пределах 7–8-метровых террас на оз. Селигер (Заболотье II, раскоп V, Залесье I), 8–10-метровых на оз. Вселуг (Торг), 7–8-метровых на оз. Волго (Ланино). Иногда они расположены на старицах, в значительном удалении от современного берега озера или реки (Черная Речка — на Селигере, Якшево — на Волге).

На большинстве стоянок культурный слой залегает неглубоко, преимущественно сразу под дерном. Особое положение занимают стоянки на берегу Волги (Родня, Старица, Нестеров), культурный слой которых — суглинок — перекрыт мощными аллювиальными отложениями (до 2 м). Культурный слой стоянки Черная Речка местами сильно заторфован.

Если площадь мезолитической стоянки совпадает с более поздним поселением, культурные остатки можно выделить, помимо топографических и стратиграфических наблюдений, типологически. Критерием для их выделения служит закономерная повторяемость всего набора орудий, прослеженного на целой серии памятников, в том числе с «чистыми» комплексами, а также сопоставление с мезолитическими комплексами соседних территорий.

На мезолитических стоянках рассматриваемой области наблюдается закономерное сочетание следующих категорий орудий: пожевидные пластины, нередко со вторичной обработкой, сечения, скребки, резцы, наконечники стрел, рубящие орудия, комбинированные орудия, нуклеусы, отщепы. Такой же набор орудий с добавлением керамики прослеживается и на некоторых раннеолитических памятниках верховий Волги, однако они содержат и орудия иного типа.

Для всех мезолитических стоянок характерны пожевидные пластины, пластинки и микропластинки очень правильного очертания, тонкие (иногда не шире 4 мм), с негативами от ранее отжатых пластинок (рис. 1; 2). Многие экземпляры имеют сплошную или частичную обработку тончайшей ретушью по длинной стороне, большинство же носит следы сработанности. Многие из таких пластин использовались в качестве ножей, реже — вкладышей (пластины с отсеченными бугорками). Изредка встречаются пластины с вогнутым или скошенным концом, довольно часты микропластинки — как правило, из кремня очень высокого качества.

Яркой категорией мезолитических орудий рассматриваемого района

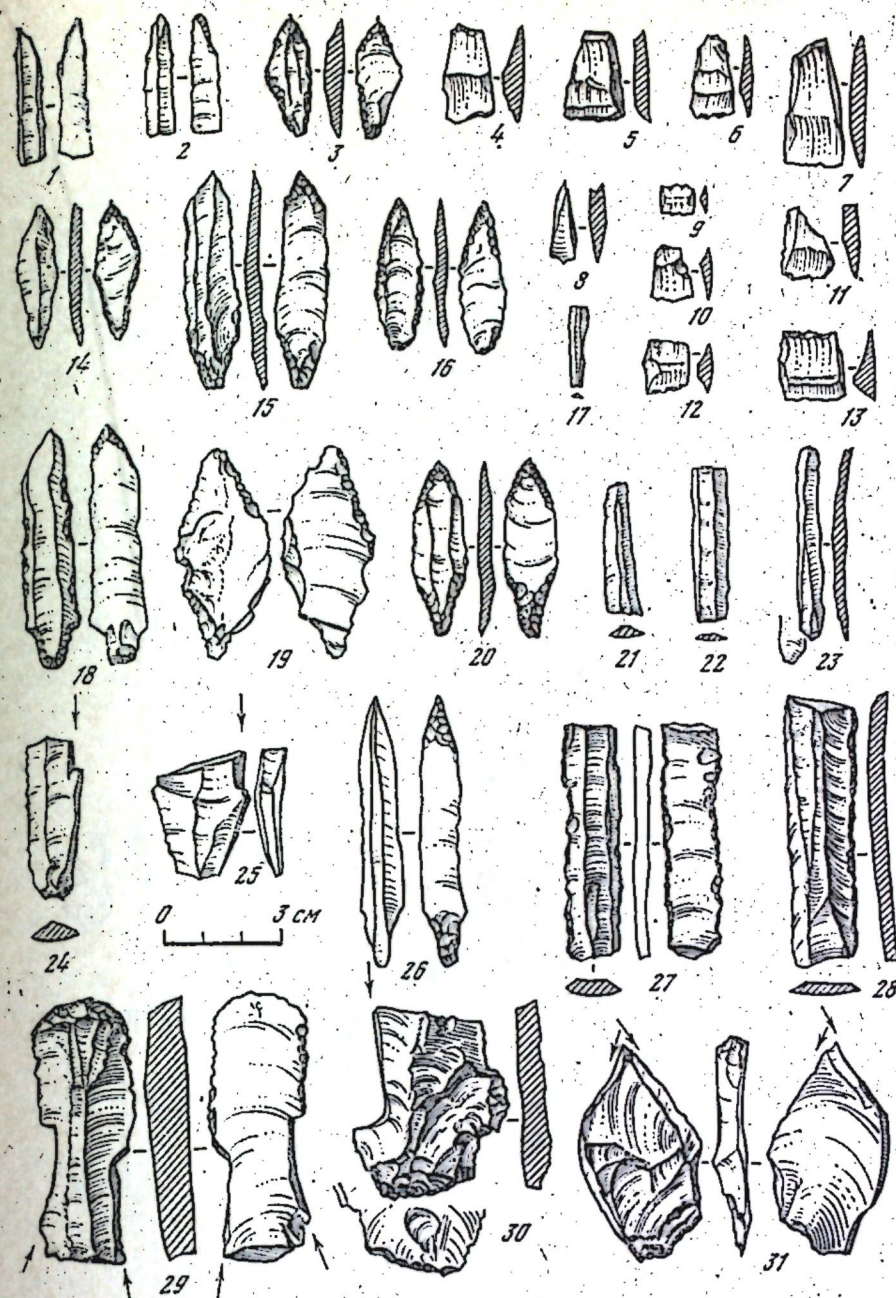

Рис. 1. Кремневый инвентарь мезолитических стоянок Верхней Волги
1 — Залесье II; 2, 8, 14, 17, 19, 22, 24, 25 — оз. Волго; 3, 7, 11–13, 20 — Заболотье II; 4, 9, 10, 15, 16, 21, 27–29 — Сосна; 5, 6 — Торг; 18 — Гринино; 23 — Пено; 26 — близ Калинина; 30, 31 — Родня

являются короткие сечения, присутствующие на всех без исключения стоянках. (Определение «коротких сечений» см. выше, с. 24.) По типам они различны: прямоугольные с почти или совсем равными сторонами, трапециевидные (часто с узкой вершиной, резко вытянутые) и треугольные. Некоторые из трапециевидных и треугольных сечений довольно массивны, имея при этом отчетливо выраженное скошенное лезвие. Этот тип сечений весьма характерен именно для наших памятников.

Основное отличие сечений от трапеций и треугольников состоит в отсутствии вторичной обработки. На поперечных гранях ретушь прослеживается очень редко, нет ее и на продольных сторонах, однако повсюду

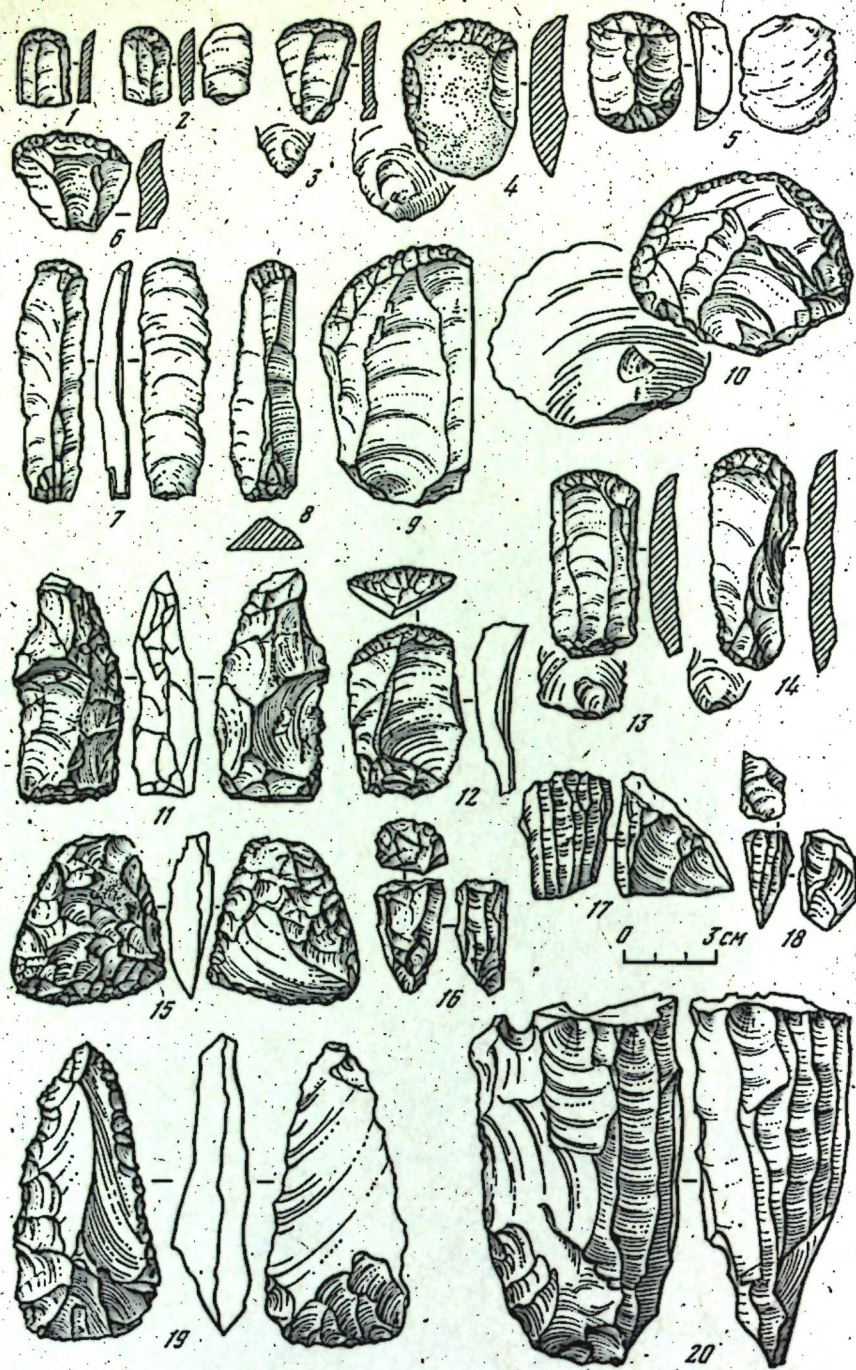

Рис. 2. Кремневый инвентарь мезолитических стоянок Верхней Волги
1, 10, 20 — Родня; 2, 4, 5, 7, 12, 16, 19 — оз. Волго; 3 — Залесье I; 6, 17, 18 — оз. Пено; 8 —
Гринино; 9 — Кошелев; 11, 15 — Торг; 13, 14 — Сосна

наблюдаются сработанность в виде зубчатости, выкрошенность края или очень маленькие ретушированные участки, преимущественно на углах орудия. Часто на углах бывает и микрорезцовый скол. Судя по следам сработанности, абсолютное большинство коротких сечений использовалось в качестве вкладышей в охотничье оружие, как зубцы в костяной оправе. Примером такого орудия является костяной гарпун с кремневыми короткими сечениями — вкладышами без вторичной обработки, помещенными в костяную оправу в ряд таким образом, что один угол их выдается нару-

жу, образуя зубец, наклоненный в сторону, противоположную острию гарпуна (стоянка Саласпилс в Латвии).

Статистическая обработка сечений (в том числе учет их величины) позволяет выявить известные различия в пределах рассматриваемого района — преобладание на памятниках той или иной формы. Трапеции, треугольники, сегменты в их классических формах в верховьях Волги неизвестны.

Весьма характерны для рассматриваемой области многочисленные резцы. Среди них встречаются срединные и угловые на отщепах и на углу сломанной пластины. Резцы на отщепах отличаются от палеолитического аморфностью очертаний, отсутствием единообразия вследствие использования заготовки случайной формы. Часто в качестве резцов использовались сколы с пуклеусов, в большинстве случаев уплощенные. Рабочей частью орудий являлся угол, образованный ударной площадкой или случайным сколом и специальным резцовым сколом по длинной стороне орудия, снявшим здесь ребро. Нередки сколы многофасеточные, иногда ступенчатые. Особую группу составляют резцы на пожевидных пластинах с рабочей частью, образованной специальным сколом (по длинной грани) или мельчайшей ретушью. Микрорезцы на пластинах, исключая сечения, единичны. Значительный интерес вызывают комбинированные орудия — концевые скребки с резцовыми сколами по одной или обоим длинным сторонам.

Собственно скребки весьма разнообразны, однако все их можно разделить на две основные группы — на пластинах и на отщепах. Каждая группа включает различные типы и варианты. Часты крупные скребки — преимущественно 7—5 см. Скребки на пластинах представлены концевыми — короткими со строго параллельными гранями и негативами на спинке от более мелких, но столь же правильных и тщательно отжатых пластин. Прямое или слегка округлое лезвие их иногда ретушировано очень мелкой двухъярусной ретушью. Встречаются концевые скребки и другого типа — резко удлинённые, с зауженным концом, неправильного очертания. На пластинах и пластинчатых отщепах изготовлены концевые скребки четырехугольных очертаний, но с дополнительно ретушированными одной или обоими длинными сторонами. Единичны двуконцевые (двойные) скребки укороченных пропорций, близкие позднепалеолитическим. На некоторых стоянках встречаются концевые скребки на массивном пластинчатом отщепе длиной около 10 см с расширенным и скошенным лезвием и слегка зауженной тыльной частью.

Скребки на отщепах округлые и полукруглые, также представлены различными типами. Все они сделаны на специально подготовленных отщепах. Во всех случаях использован высококачественный кремнь. Отщепы имеют классическую форму — они всегда в большей или меньшей степени округлы, с небольшой частью сохранившейся ударной площадки, резко выраженной раковистостью излома и выщербликой в верхней части. Различия, позволяющие выделить варианты среди скребков этого типа, проявляются во вторичной обработке — ретуши, нанесенной со спинки, оформляющей край, захватывающей только часть конца орудия, значительные части его или весь периметр. На спинке таких скребков отчетливо видны негативы от ранее снятых крупных пластинчатых отщепов. Величина их весьма значительная (до 7—6 см ширины). Ретушь, оформляющая край, хотя и крупная, но очень тщательная, регулярная. Такой тип скребков имеет аналогии на мезолитических и раннепалеолитических памятниках Посожья. Скребки на специально подготовленных округлых отщепах, почти без изменений, встречаются и на некоторых памятниках раннего неолита верховий Волги. Иногда на стоянках попадаются скребки плоские, с широким округлым лезвием.

Одним из ведущих элементов мезолитического комплекса рассматриваемой области являются наконечники стрел на пожевидных пластинах

или пластинчатых отщепах правильного очертания или резко асимметричных. Абсолютное большинство их можно отнести в целом к наконечникам со свидерскими и аренбургскими традициями. Часть их довольно аморфна, неустойчивой формы, с различной степенью обработки. Из-за резко выраженных индивидуальных черт и при незначительном количестве находок среди них пока еще преждевременно выделять варианты. Все они имеют в большей или меньшей степени ретушированные острия и основания, иногда довольно отчетливо выделенный черешок. У некоторых экземпляров мелкая ретушь захватывает и край пера. Наряду с такими наконечниками встречаются экземпляры, образующие весьма устойчивые типы. Одни из них (встречающиеся не очень часто) свидерондские — на тонкой, резко удлиненной пластине правильного очертания, с регулярной ретушью на острие (почти всегда только с брюшка), отчетливо выраженным черешком, обработанным только с брюшка или с брюшка и со спинки. Второй тип можно отнести к аренбургским — на относительно коротких и широких отщепах, с асимметричным пером, ретушированным часто противоположной ретушью, и черешком, обработанным со спинки и с брюшка или только со спинки. В целом они аморфнее классических аренбургских наконечников соседней территории — Верхнего Поднепровья (Аносво), Белоруссии и Литвы. Некоторые наконечники, отнесенные к указанному типу, очень малы.

Рубящие орудия найдены почти на каждой стоянке. В основном они относятся к двум типам. Для изготовления овальных массивных двустороннеобработанных топорилов первого типа использованы пуклеусы, о чем свидетельствует сохранившаяся в тыльной части ударная площадка. Три таких топорика одинаковой величины найдены на стоянке Торг. Ретушь, оформляющая обе их стороны, относительно крупная, небрежная. Местами на них заметны негативы от снятых ранее пластинчатых отщепов, рабочая часть оформлена крупной ретушью «от лезвия». Топорики второго типа — острообушные, как правило, небольшого размера, изготовленные из крупных отщепов, сохранивших на брюшке раковистость излома, и потому выпуклые с этой стороны, что придает им некоторую асимметричность. Ретушь в подавляющем большинстве случаев сплошная со стороны спинки и частичная — с брюшка. Лезвие оформлено с обеих сторон.

Очень типичны для стоянок этого времени и резко острообушные желобчатые тесла, массивные, овально-округлые в поперечном сечении, иногда с выемчатым рабочим концом. Этот тип удивительно устойчив на памятниках валдайской культуры на протяжении не только мезолита, но и раннего неолита.

Нуклеусы различны по величине и форме. Наряду с очень мелкими (3—4 см) одноплощадочными коническими нуклеусами для пластинок и микропластинок встречаются и весьма крупные (более 17 см) клиновидные нуклеусы, также одноплощадочные, тщательно подготовленные сколами «от ребра», со следами отжатых длинных узких пластин правильного очертания.

Наконец, достаточно широко распространены отщепы случайных очертаний, употребленные в качестве орудий.

Для мезолитических памятников верховий Волги в последнее время удалось выявить наиболее часто используемые виды кремня и связать их с определенными месторождениями.

Более детальная классификация памятников рассматриваемого периода в хронологическом и этнокультурном плане станет возможной после завершения раскопок, которые ведутся широкими площадями.

На стоянке Залесье I обнаружены остатки двух жилищ в виде полуземлинок овально-удлиненной формы. Абсолютная дата стоянки, установленная методом C^{14} в лаборатории ЛОИА АН СССР, — 6530 ± 50 лет тому назад. Учитывая близость некоторых типов мезолитических орудий

к раннеолитическим, следует полагать, что основные исследованные нами стоянки относятся к позднему мезолиту.

Явное преобладание крупных орудий (часто очень крупных) и более чем ограниченное количество микролитов показывают, видимо, что территорию верховий Волги надлежит отнести к области распространения макро-микролитической культуры.

Г. А. ПАНКРУШЕВ

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В КАРЕЛИИ

Первые мезолитические поселения были обнаружены в Карелии в 30-е годы Б. Ф. Земляковым и Г. И. Горечким¹ на северном побережье Онежского озера (три стоянки) и в долине р. Кемь (две). Но основное внимание этой эпохе исследователи стали уделять с конца 50-х годов в связи с открытием новых памятников². В настоящее время здесь известно 125 мезолитических стоянок и 3 могильника. На 67 памятниках проведены раскопки. На 5 стоянках вскрыты долговременные углубленные в землю жилища. Собрано более 7 тыс. каменных изделий (рис. 1—3). Но в научный оборот сведения об этих памятниках еще почти не вошли, и большинству исследователей они неизвестны.

По инвентарю мезолитические памятники Карелии четко делятся на две неравные группы: 1) с кварцево-сланцевым инвентарем, 2) с кремневым. Первых открыто 116, вторых — только 12. Все памятники расположены на сухих (обычно песчаных) участках берегов крупных и малых водоемов.

В результате векового поднятия Фенноскандии, один из основных центров которого находится в Северной Прибалтике, поверхность Карелии тоже испытывает поднятие, замедляющееся с северо-запада на юго-восток. Этот процесс приводит к медленному перекосу вали озер и сливанию их вод на юго-восток, что особенно сказывается на крупных водоемах. Поэтому на северо-западных берегах Онежского озера за тысячелетия образовалась лестница древних береговых валов и террас: чем выше и дальше вал или терраса от современного берега, тем они древнее. Такая закономерность дала возможность составить график относительной, а затем и абсолютной хронологии стоянок на берегах Онежского озера³. Уточнению графика помогли большая группа памятников на северо-западных берегах Онежского озера, а также датировки, полученные по методу C^{14} и типологически. Из открытых здесь 142 памятников 49 мезолитических. Они расположены на наиболее высоких береговых валах и террасах (от 13—14 до 38 м над современным уровнем озера) и удалены от современного берега на расстояние от нескольких сотен метров до 2—3 км⁴.

Памятники раннего мезолита Карелии датируются по нашему графику концом X — первой половиной VII тысячелетия до н. э. Геолого-географические исследования⁵ свидетельствуют, что Карелия освободилась от ледника еще в аллереде, и, таким образом, природные условия (тайга и лесотундра) не препятствовали заселению ее в то время, тем более что обширные ягельники привлекали сюда стада северных оленей — основного объекта охоты раннемезолитических коллективов. Первыми поселенцами в Карелии, по всей вероятности, были небольшие родовые группы охотников на северного оленя, проникшие сюда из Северной Приуралья.

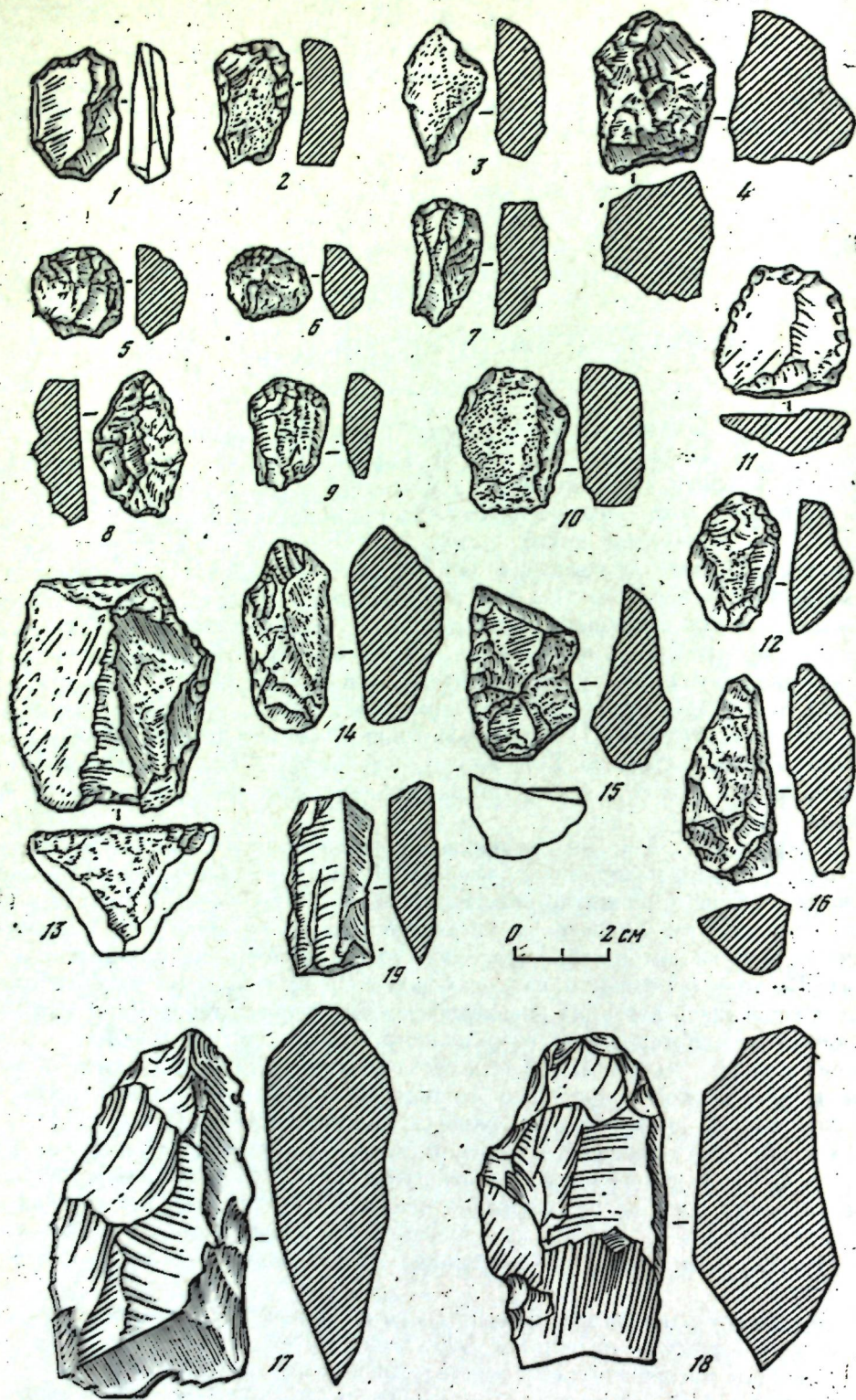

Рис. 1. Кварцевые орудия

1-16 — IX тысячелетие до н. э. (Авнелор X); 17-19 — VIII тысячелетие до н. э. (17 — Подужемская I, 18 — Авнелор XI, 19 — Подужемская III)

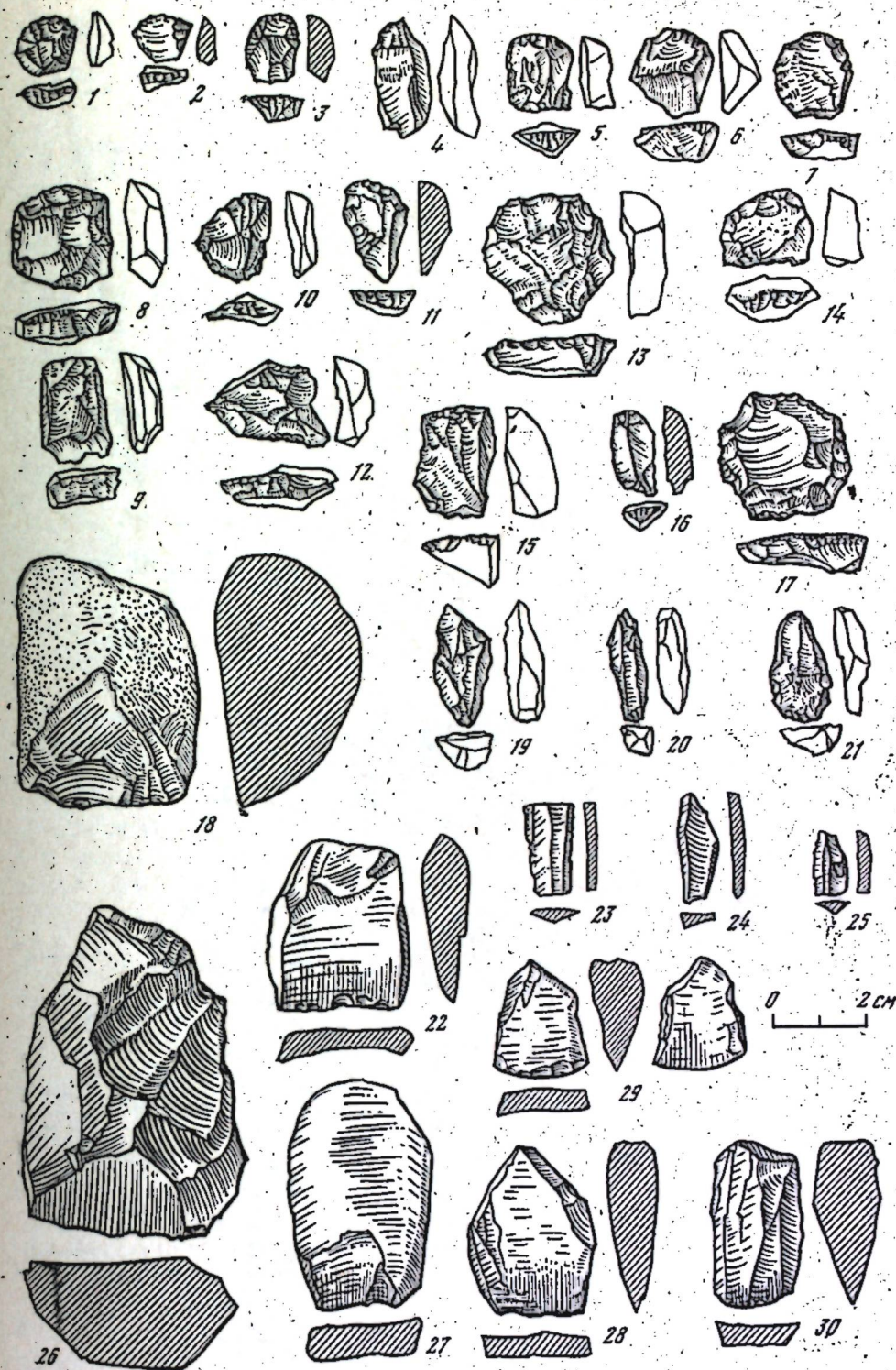

Рис. 2. Кварцевые и кремневые орудия

1-21, 23-25 — VI тысячелетие до н. э. (1-11, 18 — Повенецкая II, 12-17, 19-21, 23-25 — Повенецкая III); 22, 26-30 — VI-V тысячелетия до н. э. (22 — Сулгу IV, 26-28, 30 — Путинская V, 29 — Путинская Va)

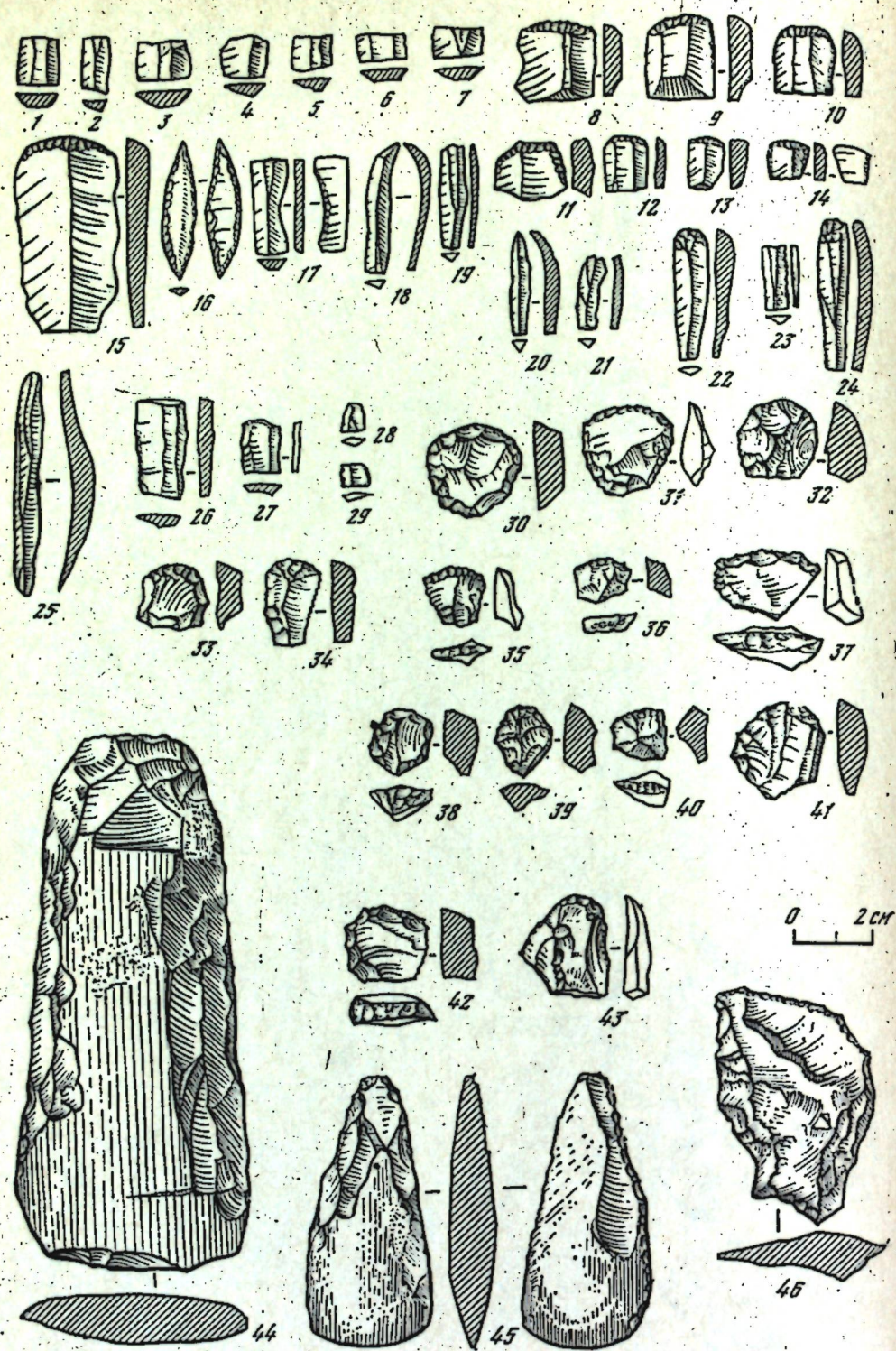

Рис. 3. Кремневые, кварцевые и сланцевые орудия VII тысячелетия до н. э.
1—24 — кремневые орудия волго-окского типа (Илекса III); 25—43, 45, 46 — кремневые, кварцевые и сланцевые орудия; 44 — сланцевый топор (Повенецкая III)

Стойбища охотников раннего мезолита кратковременны. Площадь их от 100—150 до 300—400 кв. м. Культурный слой мощностью от 3—5 до 10—15 см состоит из красноватого или оранжевого песка с малиновым оттенком, зачастую залегающего не сплошь, а отдельными линзами. Они открыты на северном побережье Онежского озера (8) и в низовье р. Кемь (22). Первые расположены на высоте от 26 до 38 м над озером, вторые — от 38 до 70 м над морем.

Инвентарь этих стоянок очень беден — это обычно кварцевые изделия. Поделок из других пород камня почти нет, даже осколки кварца довольно немногочисленны. Изредка встречаются кварцевые рубящие орудия (топоры, долота, стамески) — продолговатые куски кварца, обработанные грубыми сколами по всей поверхности и более мелкими сколами — по лезвию. Песчаниковые точильные бруски применялись, видимо, для обработки костяных поделок (осколки обработанной кости встречены на стоянках). Для этой же цели использовалась, вероятно, и шиферная пила.

Довольно частая находка — отбойники (куски кварца со следами сбитости и выкрошенности), но самые многочисленные (от 50 до 80% всего инвентаря) — скребки и резцы. Скребки в основном округлых форм с рабочим краем, обработанным крутыми сколами. Многие скребки сделаны из маленьких плоских галек. Резцы — угловые, срединные. В качестве резцов применялись также сработанные конусовидные нуклеусы. Пожевидных пластинок и сечений мало. Они не характерны для этих стоянок.

Орудия охоты и рыбной ловли крайне редки: найдены только один наконечник копья, обработанный плоской ретушью по всей поверхности, и два грузила от рыболовных сетей из галек с пробитыми в центре отверстиями.

Памятники позднего мезолита с кварцево-сланцевым инвентарем встречаются по всей Карелии и датируются второй половиной VII — первой половиной IV тысячелетия до н. э. На северном берегу Онежского озера они располагаются на высоте от 13—14 до 26 м, а в бассейне Белого моря (в низовье Кемь) — от 24 до 40 м. По сравнению с памятниками раннего мезолита стоянки занимают большую площадь (до 5000 кв. м). Культурный слой достигает мощности 30—40 см. На них выявлены долговременные жилища четырехугольной формы с коридоробразным выходом, углубленные в древнюю поверхность на 30—40 см. Раскопано восемь жилищ на пяти стоянках⁹ с остатками кострищ и каменных очагов. Эти изменения связаны, видимо, с процессом перехода обитателей Карелии к оседлому образу жизни, хотя этот процесс завершился, по всей вероятности, не скоро, о чем свидетельствует большое число маленьких сезонных стоянок, бытовавших на всем протяжении мезолита и даже в раннем неолите.

Заметные изменения произошли в инвентаре позднего мезолита. Наряду с кварцем стали широко употреблять сланец для изготовления главным образом рубящих орудий (топоров, долот, стамесок), которые в раннем мезолите применялись крайне редко. На большинстве стоянок они составляют от 20 до 50% всего инвентаря. Топоры — массивные орудия из оббитых кусков сланца или плоские, выпиленные из сланцевых плиток, с частичной шлифовкой или без нее, с хорошо заточенными лезвиями. Долота и стамески изготовлены небрежно из обломков и массивных отщепов сланца, а также из маленьких сланцевых плиток. Лезвия их хорошо заточены. Впервые появляются землекопные орудия — кирки, хотя встречаются они еще редко и широкое применение получают позднее, в неолите. В связи с распространением и развитием сланцевых изделий возникли новые приемы обработки камня — шлифование, пиление. Появилось много абразивных орудий (шлифовальные плиты, точильные бруски, пилы) из сланца, кварцита и печаника.

По-прежнему многочисленны скребки и резцы, хотя удельный вес их в составе инвентаря стоянок по сравнению с ранним мезолитом значи-

тельно меньше. Скребки макролитические и микролитические, разнообразные по форме и по обработке. Преобладают скребки с крутой ретушью по одному краю, четырехугольной формы; довольно много округлых и полукруглых; есть треугольные, широколезвийные, косозевийные, концевые, килевые и т. п. Резцы в основном кварцевые — срединные и угловые. Относительно часто встречаются ножевидные пластинки и сечения-микролиты. Основным материалом для скребущих и режущих орудий по-прежнему служил кварц, однако применялись и другие породы камня: сланец, роговик, кремнь, горный хрусталь.

Орудия охоты и рыбной ловли редки. Найденны наконечник копья, три наконечника стрел и одно грузило от рыболовной сети. Редкость этих находок объясняется, в частности, и тем, что наконечники стрел, копий и дротиков изготовлялись, вероятно, из кости и рога, которые здесь не сохраняются. Сетевой лов рыбы, возможно, еще не нашел широкого применения, а от иных приемов и средств охоты и рыбной ловли (западня, различные ловушки, лассо, силки и т. п.) не осталось следов.

Значительный интерес представляет небольшая группа памятников с кремневым инвентарем, датируемых VII—IV тысячелетиями до н. э. Они встречены на обширной территории: от оз. Селецкое (в средней Карелии) до южной части Онежского озера (у пос. Шелтозеро) и до Водлаозера (на востоке Карелии). Поселения этой группы — чаще всего небольшие стоябища площадью 100—120 кв. м с маломощным и слабо насыщенным находками культурным слоем. Одни из них расположены на дюнах, другие — на древних береговых валах и террасах. Исключение составляют три поселения на востоке Карелии (Илекса III, IV и Нижняя Коловжа II), занимающие значительные площади (2—3 тыс. кв. м), с культурным слоем мощностью до 30—40 см, богато насыщенным находками. Наиболее интересно поселение Илекса III, культурный слой которого перекрыт слоем стерильного песка мощностью до 1,5 м.

Памятники второй группы по инвентарю резко отличаются от стоянок первой группы. Ведущими орудиями здесь являются скребущие и режущие (от 60 до 90%), среди которых преобладают ножевидные пластинки и сечения-микролиты (около 40%), второе место занимают скребки (более 20%).

70—80% скребков и 90—100% ножевидных пластинок, изготовлены из кремня. Изредка изделия этой категории сделаны из кварца, сланца или роговика. Среди скребков 30—40% составляют микролитические. Форма скребков различна. Среди них довольно много (30—35%) концевых, в основном микролитических, из длинных и коротких ножевидных пластин. Столь же часты четырехугольные скребки. Значительно реже попадаются полукруглые, округлые и треугольные скребки, совсем редко — широколезвийные, косозевийные, килевые и др. Ретушь на скребках чаще крутая, преобладают скребки с ретушью по одному краю, более редки — с ретушью по двум или трем краям, совсем мало — с круговой ретушью. Ножевидные пластинки и сечения почти все микролитические. Ретушированных среди них не более 8%. Другие изделия этой категории (ножи, резцы, скребла, скобели) редки, в общей сложности — около 10—12%.

Рубящие и абразивные орудия такие же, как на стоянках с кварцево-сланцевым инвентарем. Видимо, навыки их изготовления заимствованы у обитателей этих стоянок. Чаще, чем на поселениях предыдущей группы, встречаются орудия охоты и рыбной ловли. Найденны 18 наконечников стрел и 2 грузила от рыболовных сетей. Наконечники стрел ивовые, сделаны из кремневых ножевидных пластин, с частичной ретушью по лезвию и насаду. Они аналогичны наконечникам Оленеостровского могильника. Грузила — из галек, в которых пробито отверстие. Из прочих изделий изредка попадаются отбойники, ретушеры, проколки, ло-

ближайшей аналогией инвентарю стоянок второй группы можно считать инвентарь волго-окских стоянок VII—V тысячелетий до н. э.¹ и мезолитический комплекс Федоровской стоянки, выделенный И. В. Гавриловой.

Анализ мезолитических памятников Карелии приводит к следующим выводам. Древнейшими памятниками следует считать стоянки с кварцевым инвентарем конца X — первой половины VII тысячелетия до н. э. Дальнейшее развитие «кварцевой культуры» выявляется на памятниках с кварцево-сланцевым инвентарем второй половины VII — первой половины IV тысячелетия до н. э. С VII тысячелетия до н. э. в Карелию проследовали малочисленные перодственные местному населению группы переселенцев с кремневым инвентарем волго-окского облика. Они растворялись в среде местного населения. Наиболее отчетливо это проникновение проследивается к востоку от Онежского озера. Приток волго-окских переселенцев оказал некоторое влияние на развитие местной мезолитической культуры в Карелии, но не привел к существенным ее изменениям. Здесь по-прежнему господствовали и развивались местные традиции, унаследованные в дальнейшем раннеолитической культурой Сперринге — новым этапом в развитии местной культуры.

¹ Земляков Б. Ф. Работы на строительстве Беломорско-Балтийского канала. — Известия ГАИМК, 109, 1935, с. 12, 13; он же. Геологическая история Карело-Финской республики в четвертичное время в связи с проблемой заселения человеком севера Европы. — КСИИМК, VII, 1940, с. 23, 24; Горюцкий Г. И. Неолитические стоянки в районе г. Кемь. — КСИИМК, IX, 1941, с. 111—114.

² Гурина Н. И. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. — МИА, № 87, 1961, с. 26—40, 175—177; Паникрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М. — Л., 1964, с. 13—15, 31, 32, 36—42, 79—82, 95—99, 132—139, приложение IV, табл. 1—5; он же. Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении. — В кн.: Скандинавский сборник, VII. Таллин, 1963, с. 155—183; он же. Применение данных неотектоники для датировки древних поселений. — Сб.: Новые памятники истории древней Карелии. М. — Л., 1966, с. 5—43; Брюсов А. Я. Проблема происхождения культур каменного века в северной части европейской территории СССР. — СА, 1968, № 4, с. 3—15; Анпилов А. В. Мезолитические стоянки на р. Кемь. — Сб.: Археологические исследования в Карелии. Л., 1972, с. 3—9; Филатова В. Ф. К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперринге и позднемезолитических. — Там же, с. 10—33.

³ Земляков Б. Ф. Четвертичная геология Карелии. Петрозаводск, 1936; он же. Неолитические стоянки восточного берега Онежского озера. — В кн.: Равдоникас В. И. Паскальные изображения Онежского озера. М. — Л., 1936, с. 111—141; Паникрушев Г. А. Применение данных неотектоники..., с. 5—43. Аналогичные графики составлены также для локальных групп стоянок бассейна Белого моря.

⁴ Рамки статьи не позволяют раскрыть здесь особенности и достоинства метода датировки по высотным данным, который нашел в Карелии широкое применение.

⁵ Сб.: Последний европейский ледниковый покров. М., 1965, с. 166—175.

⁶ Стоянки Повенецкая II и III, Оров-Наволоок IX, XII и XIV.

⁷ Кольцов Л. В. Стоянка у с. Коприно на Верхней Волге. — Сб.: Каменный и бронзовый века Евразии. М., 1964, с. 7—17; он же. Бутовская мезолитическая стоянка. — КСИА, 101, 1964, стр. 81—85; он же. Мезолит Волго-Окского междуречья. Автореф. канд. дисс. М., 1965; он же. Новые раскопки стоянки Елин Бор. — МИА, № 126, 1966, с. 178—184; он же. Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. — КСИА, 117, 1969, с. 61—74.

И. В. ВЕРЕЩАГИНА

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

В результате разведки 1972—1974 гг. Северодвинским отрядом Комфила АН СССР на правом берегу Северной Двины открыты и частично обследованы три мезолитические стоянки: Филичаевское II—IV. Это первые древнейшие стратифицированные памятники на сравнительно

Таблица
Количественное соотношение различных групп инвентаря (в % от общего количества находок)

Типологические группы инвентаря	Филичаевское II*	Филичаевское III	Филичаевское IV
Правильные пожевидные пластины	23	28	37
Микропластинки шириной до 0,3 см	13	17	2,5
Сечения-вкладыши	8	7	9
Пластины с отсеченным бугорком	2	3	—
Резцы	2	3	5
Концевые скребки	1	0,8	1,5
Наконечники стрел	—	0,2	—
Неправильные пластины	7	9	—
Обломки пластин	16	19	25
Всего изделий на пластинах	74	87	80
Нуклеусы и их обломки	0,7	0,5	—
Реснитые сколы	2,7	0,7	—
Отщепы	13	8	16
Пластиночатые отщепы	2,6	1	—
Обломки	7	3	4

* В таблице учтено 497 предметов со стоянки Филичаевское II; 2741 — Филичаевское III; 127 — Филичаевское IV.

большой, но слабо изученной в археологическом отношении территории среднего течения Северной Двины.

Стоянки удалены от современного русла реки на 5—6 км и находятся на берегу речки Котовка, впадающей в Песчанский пологий старичного характера. Топография и стратиграфия обоих памятников одинакова. Стоянки расположены у края 10—15-метровой террасы на расстоянии 500—600 м друг от друга. Культурный слой мощностью 15—20 см залегал под тонким подзолом на глубине 10—15 см. Раскопками вскрыты пещерные площадки: 25, 23 и 8 кв. м. Культурные остатки распределены неравномерно, скоплениями. На стоянке Филичаевское II обнаружено тонкое кострище диаметром 90 см с зольным заполнением и более интенсивными по сравнению с окружающим слоем углистыми вкраплениями и мелкими обломками обожженных костей.

Наибольшей насыщенностью отличается культурный слой стоянки Филичаевское III, где была собрана коллекция кремневого инвентаря — самый большой из всех известных в настоящее время на европейском Северо-Востоке мезолитических комплексов.

Для изготовления орудий использовался галечный кремнь сравнительно хорошего качества. Преобладают (примерно 70%) изделия из кремня сиреневато-красного и коричневатого-красного цветов. Значительно реже встречается светло-серый и белый кремнь. Существенно, что кремнь красноватых оттенков на более поздних северодвинских памятниках отсутствует и, вероятно, не является местным.

По составу кремневый инвентарь на всех трех стоянках однороден (табл.). Пластины и изделия из них составляют на стоянке Филичаевское II 74%, Филичаевское III — 87%, Филичаевское IV — 80% общего количества предметов (чешуйки при подсчетах не учитывались). Незначительное количество отщепов и обломков, размеры которых в поперечнике редко превышают 2 см, отсутствие экземпляров с коркой свидетельствуют о том, что на территории стоянок производилась лишь подправка нуклеусов, а первичная их подготовка осуществлялась на стороне.

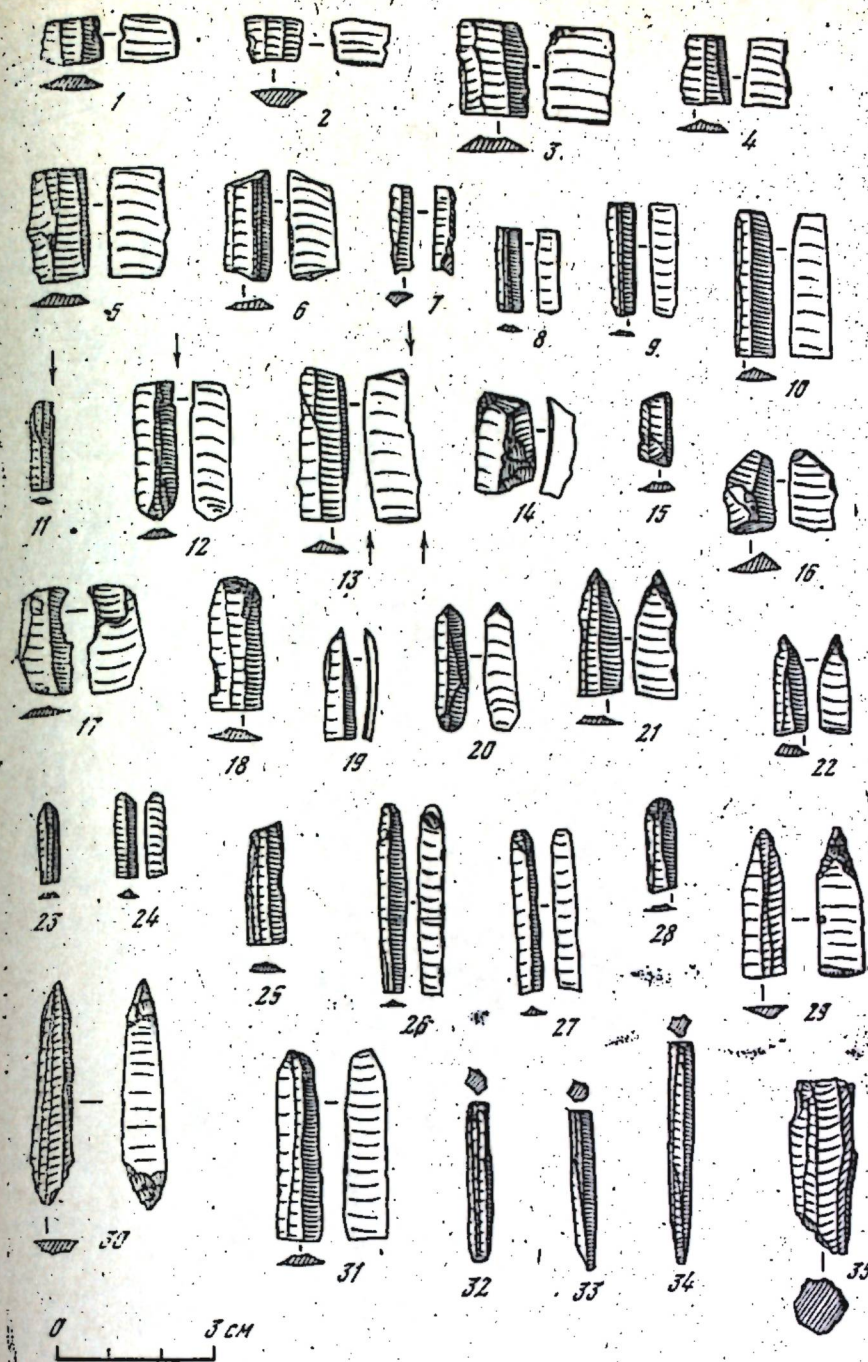

Рис. 1. Кремневый инвентарь стоянки Филичаевское III (1—35)

В инвентаре стоянок можно выделить несколько групп. Нуклеусы по форме двух типов — конусовидные (рис. 1, 33—35; 2, 1) и призматические (рис. 1, 32; 2, 2), сработанные до очень малых размеров. Практические (рис. 1, 32; 2, 2), сработанные до очень малых размеров. Правильные пожевидные пластины наиболее многочисленны (рис. 1, 23—28, 31; 2, 16—18, 20, 21, 30—34). Значительно количество пластин шириной 0,3 см и меньше. Особо выделены микропластинки шириной 0,3 см и меньше. Многочисленны сечения-вкладыши двух типов: короткие (рис. 1, 1, 2; 2, 3—6, 22, 23) и средние (рис. 1, 3—6; 2, 7—9, 24, 25), которых в два раза больше.

В большом количестве найдены резцы — только на углу пластины с одним, двумя или тремя резцовыми сколами (рис. 1, 11—13; 2, 14, 15,

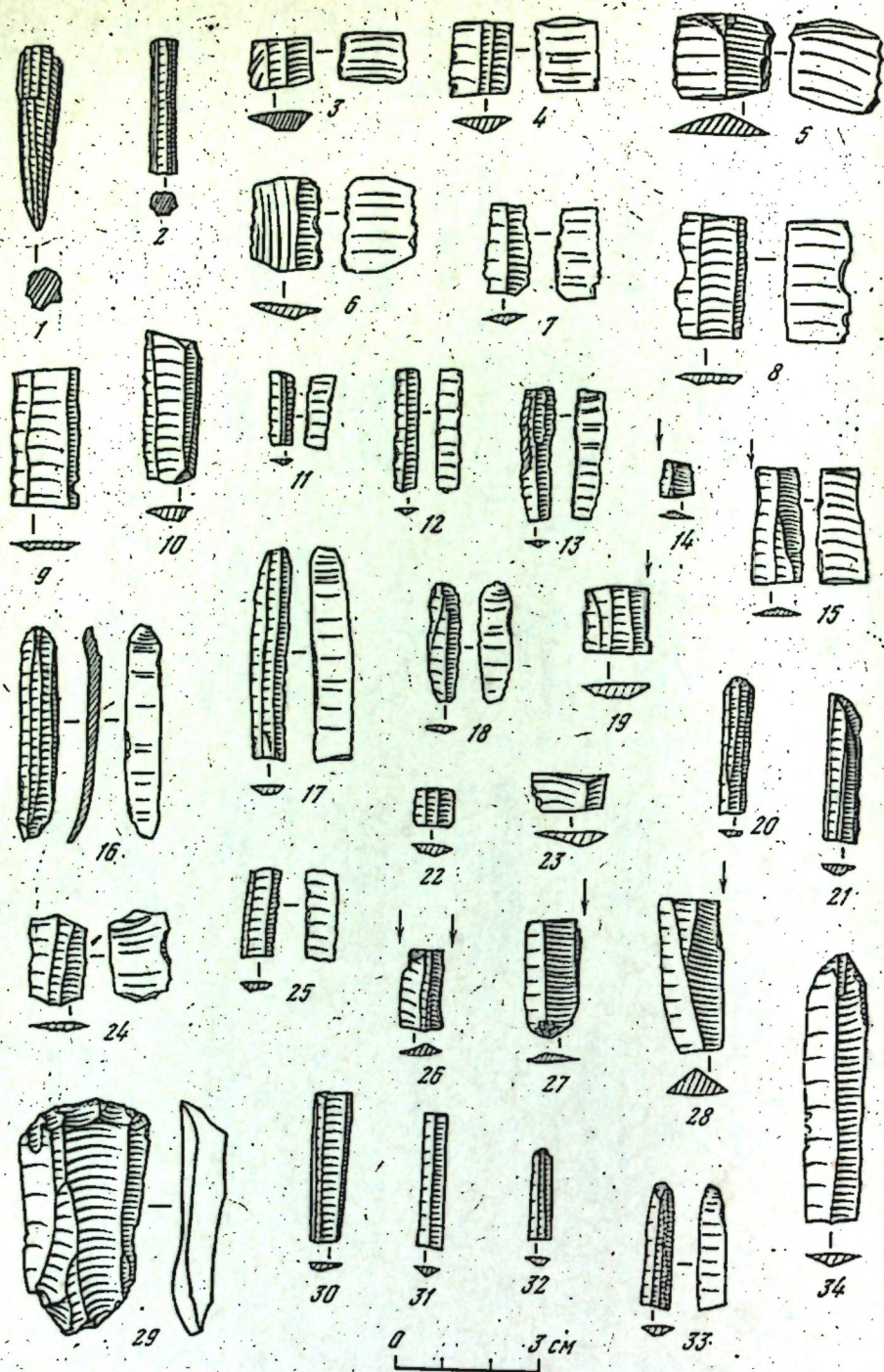

Рис. 2. Кремневый инвентарь
1—21 — Филичаевское II; 22—34 — Филичаевское IV

19, 26—28). Функцию резца, по всей вероятности, выполняли иногда и правильные ножевидные пластины с преднамеренно отсеченным бугорком (рис. 1, 7—10; 2, 10—13, 30, 31), о чем свидетельствуют сработанные углы на многих из них.

Меньше наконечников стрел одного типа — на пластинах с частичной ретушью на острие и основании только со стороны брюшка (рис. 1, 20—22, 29, 30) — и концевых скребков (рис. 2, 29), рабочий конец которых иногда скошен (рис. 1, 14—16). Остальную часть коллекции со-

ставляют неправильные пластины и их обломки, среди которых преобладают бугорковые части.

В результате просмотра материалов под биноклем в среднем на 60% изделий, в том числе и на некоторых отщепках, замечены следы сработанности в виде выщербин и залощенности. На многих пластинах, отчетливо видны невооруженным глазом и напоминают мельчайшую ретушь (рис. 1, 17, 18; 2, 16—18, 33). Однако вторичная преднамеренная обработка, как нам кажется, вообще отсутствует, за исключением наконечников стрел и концевых скребков.

Остается пока неясным вопрос о характере памятников. С одной стороны, высокая концентрация материала на незначительных площадях свидетельствует в пользу того, что это были мастерские по изготовлению орудий. С другой стороны, большой процент пластин со следами сработанности позволяет отнести эти памятники к типу кратковременных охотничьих стоянок.

Преобладание пластин и орудий из них, ярко выраженный микролитный характер индустрии, развитая вкладышевая техника, состав орудий в целом свидетельствуют о позднемезолитическом возрасте стоянок и позволяют отнести их ориентировочно к VI тысячелетию до н. э.

Ближайшими аналогиями северодвинским памятникам являются позднемезолитические комплексы Верхней Вычегды (Курьддор, Пезмог, Ульяново, Кузьвомы и др.)¹, которые Г. М. Буров относит к камско-вычегодско-печорскому мезолиту. По его мнению, памятники этой группы хронологически более поздние, чем мезолитические комплексы долговременных поселений Синдорского озера и Явроньги, а в культурном плане связываются с приходом населения из района Волго-Камья².

Действительно, различия памятников этих двух групп существенны и проявляются как в топографии, так и в характере инвентаря. На синдорских и явроньгских памятниках пластины заметно более крупные по сравнению с вычегодскими. Наряду с изделиями на пластинках представлены орудия из отщепов, а также крупные шлифовальные сланцевые орудия. Все это скорее говорит о зарождении неолитических элементов в производстве синдорских орудий, тем более что в составе инвентаря отсутствуют какие-либо ранние типы.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным пересмотреть и, возможно, передатировать ранние мезолитические комплексы на Синдорских поселениях. Не исключено, что удастся выделить ранне-неолитический комплекс на основе сопоставления, например, с материалами таких поселений, как Черноборская III³ и Прилукская⁴.

Большинству мезолитических памятников европейского Северо-Востока присущи многие общие черты и прежде всего микролитический характер инвентаря. Более детальная хронологическая и культурная расстановка мезолитических памятников пока, на наш взгляд, преждевременна и затруднена тем обстоятельством, что зачастую мы имеем дело с памятниками, неравноценными по характеру, степени изученности и количеству инвентаря. Материал бывает получен чаще всего в результате сборов на поверхности или выделен типологически из смешанных комплексов, что не исключает возможности ошибки. В этой связи рассмотренные северодвинские «чистые» мезолитические комплексы могут служить в качестве эталона.

¹ Буров Г. М. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде. — СА, 1961, № 1.

² Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967, с. 166; он же. Племена Вычегодского края эпохи неолита и ранней бронзы. — МПА, № 172, 1973, с. 83—86; он же. Die mesolithischen Kulturen im aussersten europäischen Nordosten. — In: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973, S. 129—140.

³ Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972, с. 28—39.

⁴ Памятник открыт нами в 1973 г. на Северной Двине.

Стоянки и местонахождения эпохи мезолита, которых в настоящее время в Среднем Поволжье известно около 50, находятся главным образом в долинах Волги и Камы, редко — на мелких реках. Они приурочены к устьям притоков или отрезкам течения с широкой поймой. За некоторым исключением, все они расположены в пределах первой надпойменной террасы у старичных озер.

Мезолитические памятники Среднего Поволжья неоднородны в культурном и хронологическом отношении. Так, в устье Камы выявлено 14 стоянок и местонахождений, принадлежащих своеобразной культуре, которую по району максимальной концентрации памятников можно назвать усть-камской. В ее развитии выделяются три этапа.

Памятники этапа I (стоянки Сюжеевский Взвоз, Камскоустьевская, Долгополянское I местонахождение) расположены на пониженных склонах правого берега Волги, на мысах, в устье крупных оврагов высотой 15—30 м над уровнем реки. Культурный слой стоянки Сюжеевский Взвоз, наиболее полно изученной, залегает на глубине 0,6—1 м в суглинке дежювиального шлейфа и не содержит органических остатков. Сходные условия залегания находок отмечены и на остальных памятниках.

Техника раскалывания кремня в целом палеолитическая. Преобладают призматические нуклеусы со скошенной площадкой и грубые массивные пластинки с неровными краями и гранями. Орудий на отщепках немного. Количественно ведущей категорией являются резцы, составляющие более трети всех орудий (рис. 1). Более половины из них — боковые, реже встречаются угловые, срединные, нуклеидные и краевые. Скребок вдвое меньше, чем резцов, причем все они концевые. Выразительной серией представлены пластинки с затупленным, выемчатым и скошенным концом; пластинки в виде лезвия перочинного ножа малочисленны. Имеются экземпляры орудий с обоими затупленными или скошенными концами, сходные с арханскими трапециями таких стоянок конца палеолита — раннего мезолита, как Осокировка III на Днепре¹, верхние слои Молодовы V и Оселивка на Днестре².

На стоянке Сюжеевский Взвоз найдено небольшое количество крупных нуклеидных скребков, рубящих и скребловидных орудий, не имеющих стабильной формы и регулярной обработки. Крупные кремни сходных форм известны в среднем слое Постникова Оврага на Самарской Луке³, на основании чего этот памятник и ряд других с аналогичными находками (Девичий Городок, Курган) рассматривались как свидетельства миграции сибирского населения в Среднее Поволжье⁴. Однако более пристальный анализ форм макролитов и состава инвентаря на этих памятниках показывает, что они были кремнеобрабатывающими мастерскими, а макролиты следует считать несерийными орудиями, неудачными заготовками нуклеусов или отбросами производства. В коллекции среднего слоя Постникова Оврага имеются отдельные экземпляры боковых и угловых резцов, пластинок с притупленным краем и скошенным концом, косоплощадочных призматических нуклеусов, которые свидетельствуют о культурной близости с усть-камскими памятниками этапа I.

По составу каменного инвентаря ранние усть-камские памятники могут быть отнесены к кругу культур Русской равнины конца палеолита — раннего мезолита. Вопрос о происхождении усть-камской культуры сложен в связи со слабой изученностью позднего палеолита и мезолита Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья. Отсутствие явной тенденции к микролитизации инвентаря и сопутствующего ей большого количества мелких орудий (в том числе с притупляющей ретушью), столь

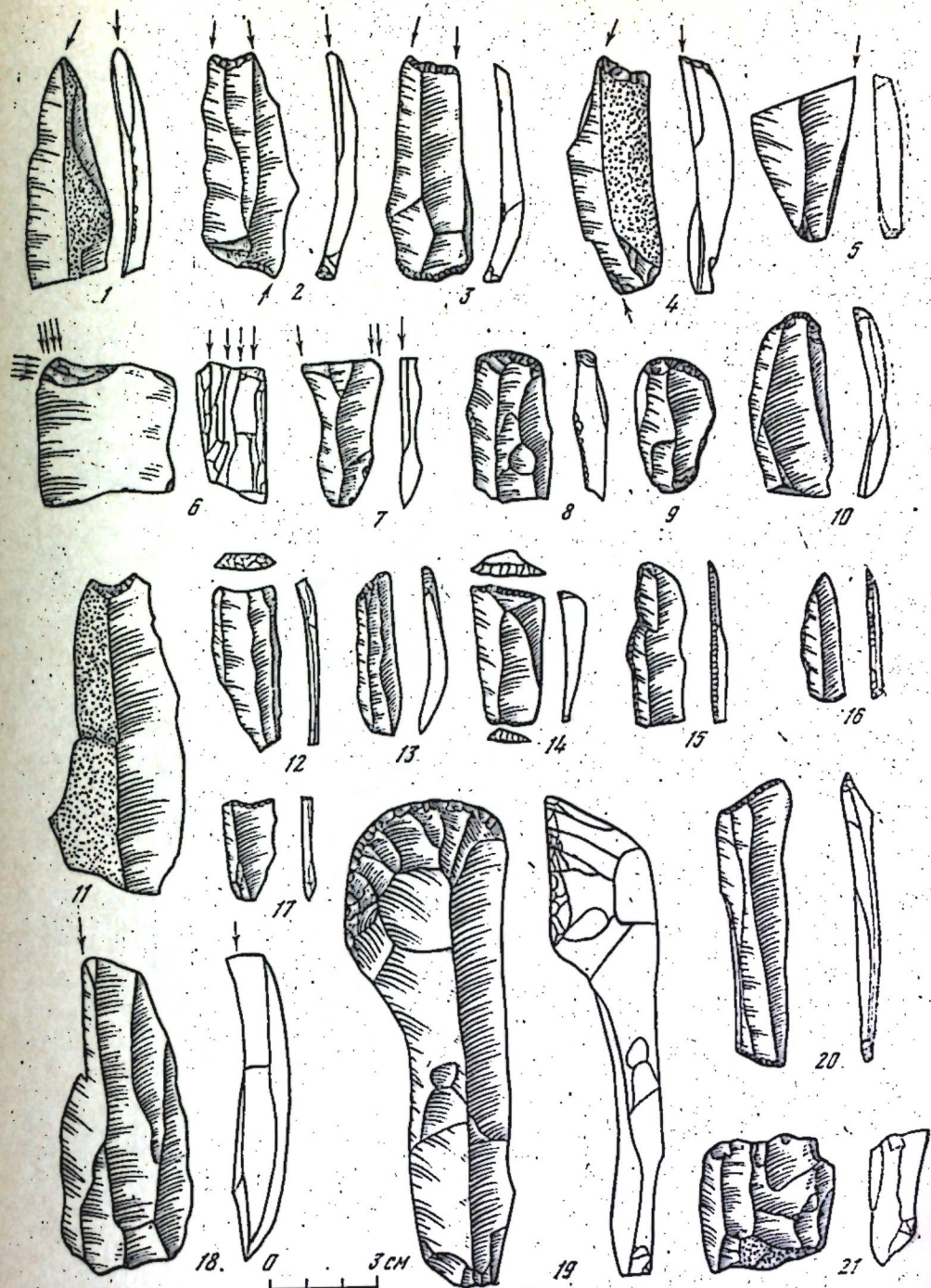

Рис. 1. Каменный инвентарь усть-камской культуры (1—21)

разнообразных на Кавказе⁵ и довольно характерных для стоянок степной зоны типа Каменной Балки II или Амвросиевки⁶, а также преобладание боковых резцов позволяют предположительно локализовать область генезиса усть-камской культуры в целом севернее зоны степей — возможно, на Волге или к западу от нее. Из числа вероятных предков усть-камского населения следует исключить палеолитические группы, знакомые с изготовлением кремневых наконечников листовидной формы. Одновременно нужно отметить тенденцию к геометризации, хотя разнообразия геометрических форм не намечается.

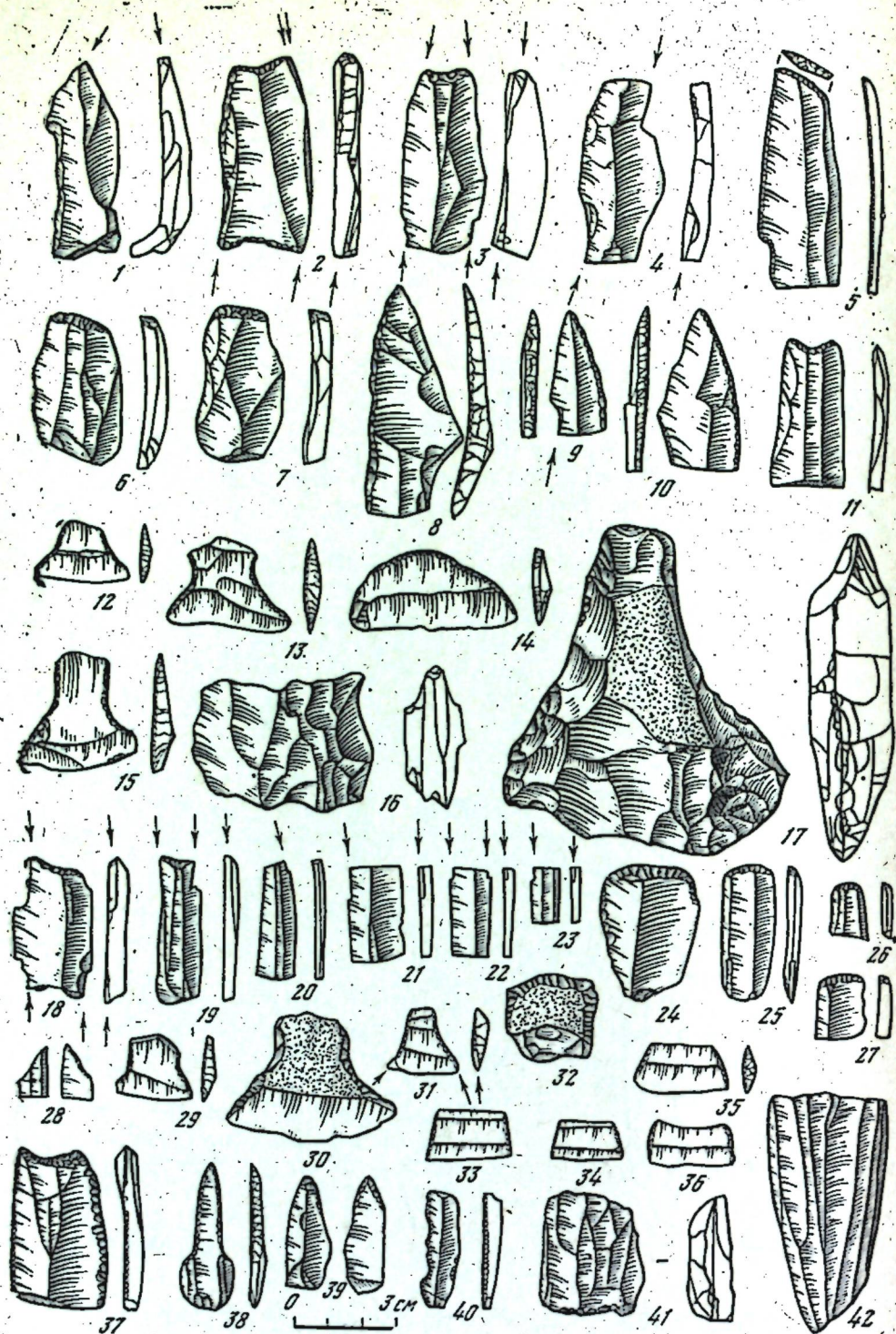

Рис. 2. Каменный инвентарь усть-камской культуры (1—42)

Стоянки этапа II усть-камской культуры (Тетюшская III, Семеновская IV и V, Кимовская III, Щербетское островное местонахождение) находятся уже на глинистых, реже — супесчаных останцах первой надпойменной террасы крупных рек. Находки рассеяны на значительной площади. Следы каких-либо сооружений не зафиксированы. Инвентарь в целом очень близок изделиям предыдущего этапа (рис. 2). Появляются новые типы орудий — сегменты, симметричные крупные трапеции с вогнутыми сторонами, а в конечной фазе развивается оригинальный тип

трапецевидных топоров и появляются отдельные экземпляры орудий на правильных ножевидных пластинках (Семеновская V).

На этапе III (стоянки Косяковская, Любавская, Атабаевская VIII, Нижне-Марьянская VII, местонахождения Малиновское, Малиновское Северное) в каменном инвентаре происходят заметные изменения. Появляются конические и карандашевидные пуклеусы, резко увеличивается количество орудий на узких ровных пластинках — краевых резцов, мелких концевых скребков, прямоугольных вкладышей (рис. 2). Найдены проколки с выделенным острием и бесчерешковый наконечник стрелы, низкие симметричные трапеции (Косяковская). Орудия архаичных типов, кроме пластинок в виде лезвия перочинного ножа, встречаются, однако, в меньшем количестве, чем прежде. Появляется небольшая, но устойчивая серия скребков на отщепах округлой или близкой к ней формы.

Своеобразный облик усть-камской культуры, в отличие от мезолита более западных районов — верховий Волги⁷ и центра Русской равнины⁸, придает отсутствие пластинчатых наконечников стрел свидероидных форм. Сближает мезолит этих областей обилие архаичных элементов, свидетельствующих о некоторых общих чертах палеолитической подосновы. Среднее Поволжье и Прикамье были восточной границей распространения мезолитических стоянок восточноевропейского «постмадленского» облика. Почти полное отсутствие иных форм геометрических орудий, кроме трапеций, дает основание предполагать, что они были заимствованы с юга. Однако южные пределы распространения стоянок усть-камского типа пока не установлены.

Распространение микротехники на стоянках этапа III и особенно появление вкладышей, проколки с выделенным острием, бесчерешкового наконечника стрелы свидетельствуют о тесных контактах с микролитической культурой приуральского облика, хотя связи с южноуральской, янгельской, культурой⁹ не отмечаются. Очевидно только, что на этапе III усть-камское население начинает продвигаться вверх по Каме. Материалы Огурдинской стоянки на Средней Каме демонстрируют сочетание боковых резцов, трапеций и микролитического инвентаря, характерных для памятников именно этапа III. Таким образом, подтверждается гипотеза О. Н. Бадера о существовании в Среднем Поволжье комплексов, аналогичных огурдинскому¹⁰.

Симметричная высокая трапеция найдена еще севернее, на вычегодской стоянке Пезмог, среди микролитического материала¹¹. По мере продвижения на север степень микролитизации на стоянках с трапециями увеличивается, параллельно уменьшается число архаичных орудий, тогда как в Нижнем Прикамье наблюдается несколько иная картина. Точными данными о распространении усть-камской культуры к западу, в частности вверх по Волге, мы не располагаем, хотя на р. Цивиль (Чиганарское II) найдена выемчатая трапеция.

Стоянки этапов II и III усть-камской культуры — наиболее ранние памятники на террасе Волги и Камы, причем мезолитические стоянки на Средней Каме датируются временем не ранее бореального периода¹². Ориентировочно в пределах бореального периода можно датировать и усть-камские стоянки на первой террасе.

Другую отчетливо выраженную культурную группу в Среднем Поволжье составляют стоянки с микролитическим инвентарем, распространенные в Нижнем Прикамье (Татарско-Азиевская III, IV, Юртовенные в Нижнем Прикамье (Татарско-Азиевская I, Нижне-Марьянская I, ская IV, Белозерская I и др.) и в устье Камы (Нижне-Марьянская I, Комаровская I). Несколько памятников этого типа известно в бассейне р. Вятка¹³, а также на Самарской Луке¹⁴. По Волге выше устья Камы они не распространяются. Стоянки с микролитическим инвентарем на больших реках располагаются на древних прирусловых валах и останцах песчаных террас, т. е. тяготеют к песчаным массивам.

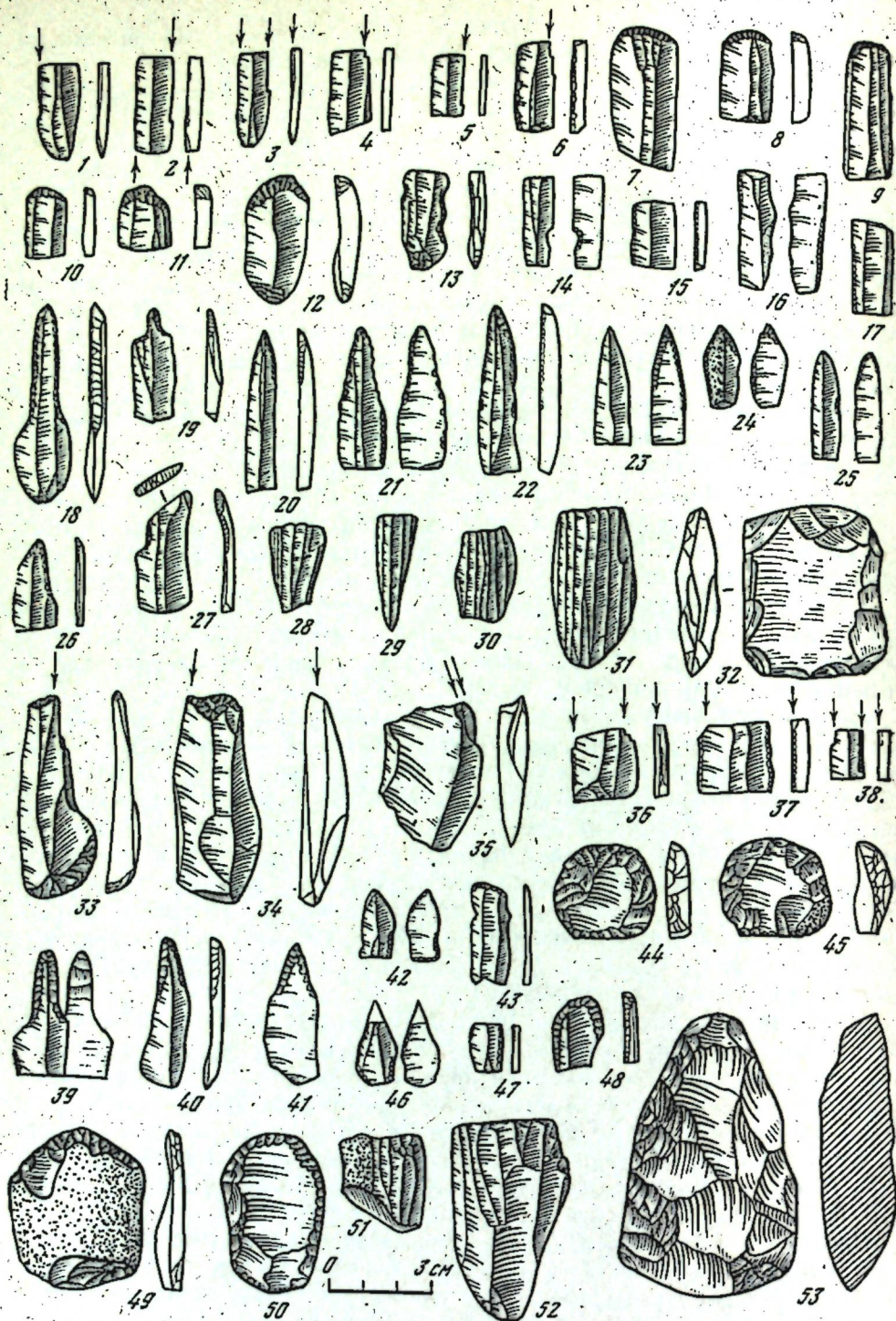

Рис. 3. Инвентарь стоянок Нижнего Прикамья (1—53)

На стоянках этого типа господствует техника скалывания узких, ровных пластинок с прямоплощадочных конических нуклеусов. Подавляющее большинство орудий сделано из пластинок. Орудия из отщепов редки и не образуют серий. В комплексах доминируют три категории орудий: резцы на углу пластинки, концевые скребки и разнообразные пластинки с ретушью, среди которых много вкладышей (рис. 3). Геометрические орудия, резцы архаичных типов, как правило, не встречаются, притуп-

ляющая ретушь применяется спорадически. Прочие орудия — скобели на пластинках с выемками по краю, бесчерешковые наконечники стрел, проколки с выделенным острием и другие — малочисленны. Наконечники стрел свидеронидных форм отсутствуют.

Периодизация стоянок с микролитическим инвентарем из-за бедности комплексов и однообразного набора орудий пока затруднительна. Наиболее близкие аналогии средневожжским микролитическим памятникам имеются на стоянках типа Нижне-Адищевской в Среднем Прикамье¹⁵, а также на приуральских стоянках типа Романовки II — верхних горизонтов Ильмурзина¹⁶. В Среднем Поволжье эта культура была не автохтонной. Представлена она в основном кратковременными стоянками. Памятники приуральского типа на Средней Волге можно синхронизировать со стоянками этапа III усть-камской культуры и отчасти, видимо, с позднейшими мезолитическими стоянками в северной части Среднего Поволжья. Их следует отнести к концу бореального и к атлантическому периоду.

С поздней стадией мезолита в Среднем Поволжье связаны стоянки, неизвестные южнее устья Камы, в каменном инвентаре которых едва прослеживаются некоторые традиции усть-камской культуры. Это Татарско-Азибейская I и Деуковская II стоянки — в междуречье Ика и Белой, Кузькинской XVIII — в устье Камы¹⁷, Русско-Луговская II (нижний слой), Старо-Мазиковская, Кабы-Копрынская¹⁸, Яндашевская¹⁹ — на Волге и ее притоках. На основных памятниках этого типа встречаются боковые и срединные резцы, пластинки с ретушированным концом в сочетании с орудиями на узких пластинках (вкладыши, проколки, наконечники стрел без выраженного черешка). Но по сравнению с усть-камскими стоянками этапа III резко увеличивается количество орудий из отщепов и крупных орудий и уменьшается количество изделий архаичных типов (рис. 3). Геометрических орудий нет. В нижнем слое Русско-Луговской II, на Кабы-Копрынской и Деуковской II стоянках зафиксированы следы полужемлянок прямоугольной формы.

Можно констатировать, что черты, характерные для усть-камской культуры, в значительной мере утрачиваются в позднем мезолите в северной части Среднего Поволжья, хотя усть-камская культура, по всей вероятности, послужила основой при формировании этой группы памятников. Тенденция к макролитизации инвентаря и признаки прочной оседлости, не наблюдавшиеся ранее, свидетельствуют о сложении культуры, неолитической по своему облику. Большинство типов каменных орудий позднемезолитических стоянок, датируемых V—IV тысячелетиями до н. э., известны, как отметил А. Х. Халиков, и в местном неолите²⁰, однако каменный инвентарь позднемезолитических и неолитических стоянок далеко не идентичен. Тем не менее достаточно оснований полагать, что главные черты культуры и образа жизни неолитического населения на севере Среднего Поволжья сложились еще в позднемезолитическое время на местной основе, и с этой точки зрения стоянки типа Деуковской II — Яндашевской можно определить как протонеолитические.

¹⁵ Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. — САИ, А1-5, 1964, табл. XXI, 3—6.

¹⁶ Черныш А. П. Хронология мезолитических памятников Приднестровья. — СА, 1970, № 1, с. 11, 12.

¹⁷ Гольмстен В. В. Археологические памятники Самарской губернии. — ТСАРАНИОН, IV, 1928.

¹⁸ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 6, 7.

¹⁹ Бадер Н. О. Варианты культуры Кавказа конца верхнего палеолита и мезолита. — СА, 1965, № 4.

²⁰ Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья.

²¹ Кольцов Л. В. Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья. — СА, 1965, № 4.

- ⁸ Левенко В. П. Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении местной неолитической культуры. — МИА, № 126, 1966.
- ⁹ Матюшин Г. Н. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита. — СА, 1969, № 4.
- ¹⁰ Бадер О. Н. Основные этапы этнокультурной истории и палеогеографии Урала. — МИА, № 79, 1960, с. 96.
- ¹¹ Буров Г. М. Вычегодский край. М., 1965, рис. 18, 5.
- ¹² Бадер О. Н. Хронология формирования аллювиальных террас на Урале в археологическом освещении. — ТКИЧП, XIII, 1957, с. 310, 311.
- ¹³ Стефанова И. И. Первые мезолитические памятники в бассейне р. Вятки. — В кн.: V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967.
- ¹⁴ Косменко М. Г. Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье. — СА, 1972, № 3, с. 12.
- ¹⁵ Бадер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита. — МИА, № 126, 1966, с. 196—199.
- ¹⁶ Матюшин Г. Н. О характере материальной культуры Южного Урала..., с. 24, 25.
- ¹⁷ Косменко М. Г. Основные этапы..., с. 13, 14.
- ¹⁸ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья, с. 20—30.
- ¹⁹ Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Яндашевская стоянка. — СА, 1968, № 2.
- ²⁰ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья, с. 49.

А. Н. МЕЛЕНТЬЕВ

МЕЗОЛИТ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ (памятники сероглазовской культуры)

До недавнего времени период позднего каменного века Северного Прикаспия был слабо освещен археологическими материалами. В 20—50-е годы лишь из районов Нижнего Поволжья, северо-западного побережья Каспийского моря и к югу от Урала были известны отдельные коллекции находок. Они датировались энеолитом — бронзовым веком или временем кельтеминьской культуры¹. Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов всю группу так называемых нижневолжских микролитов полностью отнесли к мезолиту². Только в конце 60-х годов Г. Н. Матюшин выделил здесь два действительно мезолитических памятника — стоянки Рудня и Прапорский Бугор в Саратовской области³. Но следует отметить, что в инвентаре этих стоянок нет геометрических вкладышей, определивших название этой группы, и по характеру индустрии, и территориально они не входят в ареал прикаспийских памятников.

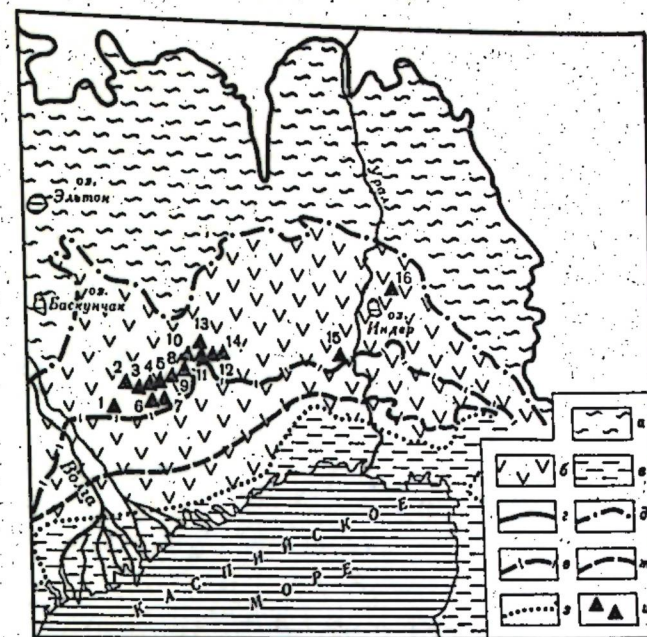
Североприкаспийские области были зоной контакта культур Европы и Азии, и без исследования прикаспийских памятников нельзя конкретизировать многие стороны взаимодействия этих регионов, представлявших, по образному выражению А. П. Окладникова, «два огромных культурно-исторических мира древности»⁴.

В 1967 г. Ленинградское отделение Института археологии АН СССР приступило к изучению памятников Северного Прикаспия. В итоге работы открыто более 400 стоянок и местонахождений с каменным инвентарем. Из их числа выделяется около сотни памятников с индустрией сероглазовского типа, ранние звенья которой относятся к мезолиту, а поздний этап — к неолитическому времени⁵. Мезолитические памятники характеризуются определенной топографией и специфическим инвентарем⁶.

К мезолитической группе относятся памятники Истай I—IV, Джамбул II, Джамбул-сор I, Кадыр-Гали I, Кок-Мурун, Кошелах I, Тюксей I—III, Лаубай, Бес-Оба I, Караузек I, Асан-бай I и Тайсуган-сор I. Все они расположены в Прикаспийской впадине, в прибрежной полосе туркменской (сарматской) стадии верхнехвалынской трансгрессии Каспия. Приурочены памятники к возвышенным формам рельефа, различным по

Рис. 1. Схема расположения мезолитических памятников сероглазовской культуры в Северном Прикаспии

- а — верхнечетвертичная поверхность выравнивания, соответствующая времени нижнехвалынской трансгрессии;
- б — позднейшейстойковой поверхность выравнивания, соответствующая времени верхнехвалынской трансгрессии;
- в — современная (голоценовая) поверхность выравнивания, соответствующая времени новокаспийской трансгрессии;
- г — граница максимума нижнехвалынской трансгрессии;
- д — граница максимума верхнехвалынской трансгрессии;
- е — граница туркменской (сарматской) стадии;
- ж — граница дагестанской стадии;
- з — граница максимума новокаспийской трансгрессии;

генезису: береговым и прирусловым валам, буграм Бэра и др. Все стоянки открытого типа, некоторые из них сохранились на древнем горизонте, на других же находки смещены в результате дефляции поверхности и иногда смешаны с более поздними материалами (рис. 1).

По инвентарю между мезолитическими памятниками не выявляется различий. Для них типична высокосовременная пластинчатая техника, специализированная на изготовлении вкладышевых орудий. Использовалось одно и то же сырье и применялись одинаковые способы обработки изделий. Находки представлены заготовками, целыми и поломанными изделиями и отходами их производства. Сырьем служили кремневые конкреции и гальки, в единичных случаях — обсидиан. Нуклеусы в большинстве конические одноплощадочные, круговой огранки. Наряду с ними есть двух- и трехплощадочные и небольшие атипичные «плоские» нуклеусы (рис. 2, 28—31). С нуклеусов снимались пластины преимущественно шириной от 0,3 до 1,0 см. Пластинки шириной 1,0—1,5 см относительно немного, более широкие редки. Микропластины шириной до 0,5 см почти все использовались в качестве вкладышей целыми, без дополнительной обработки. Вкладышевые пластины шириной 0,5—0,8 см обычно усечены с концов и ретушированы по продольным краям. Из средних сечений пластин шириной 0,8—1,2 см изготовлены геометрические вкладыши, а верхние и нижние сечения использованы для концевых скребков. Из пластин сделаны также высматые скобели, наконечники стрел, резцы, проколки, острия и другие орудия, количество которых относительно невелико.

Наряду с пластинами, но значительно реже, заготовками для некоторых категорий орудий — скобелей, скребков, долот и резцов — служили крупные и мелкие осколки и отщепы, сколы с нуклеусов и галек.

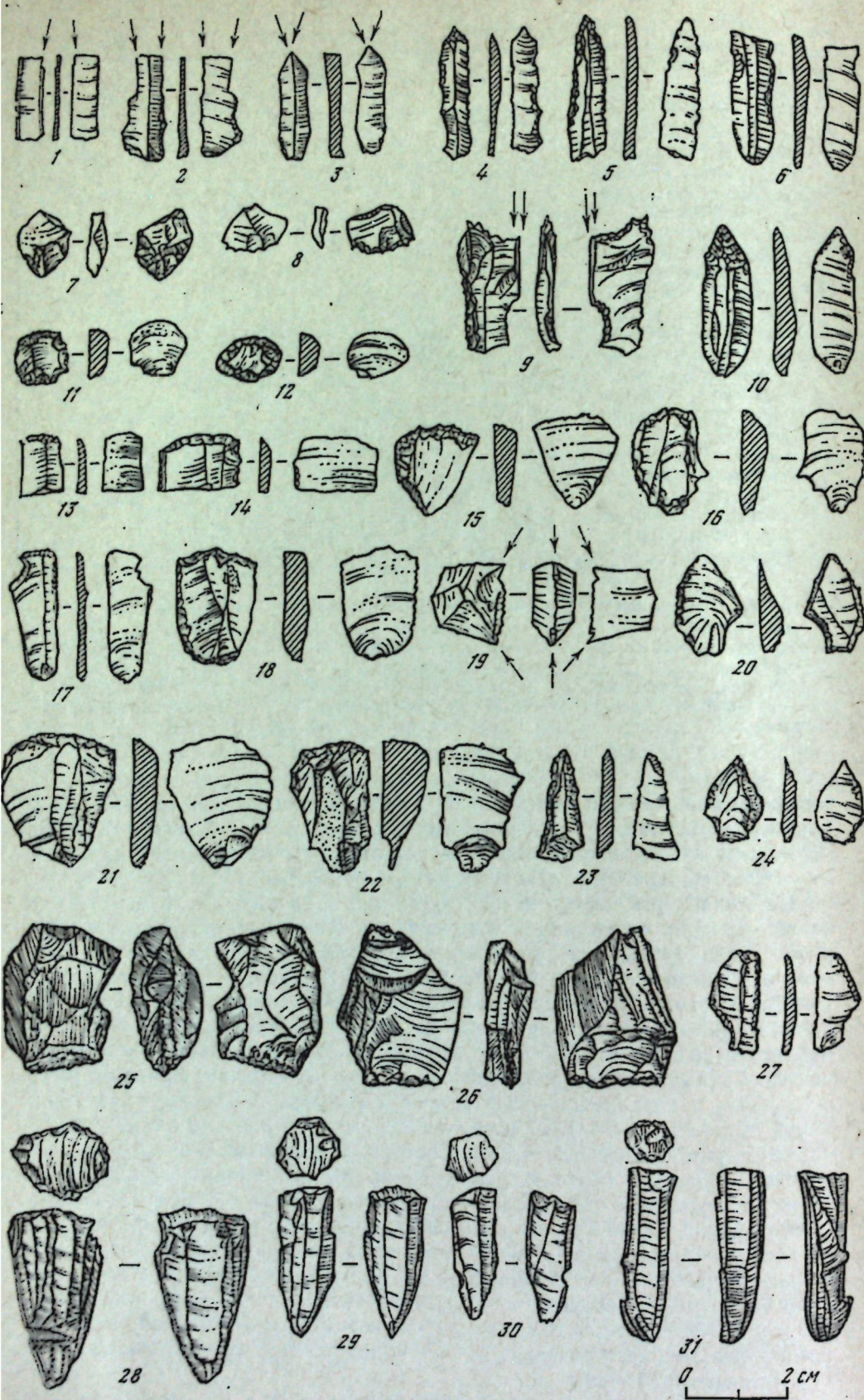

Рис. 2. Инвентарь стоянки Тюкой I (1—31)

Нередко также первоначальные отходы, главным образом отщепы, применялись и без вторичной обработки в качестве скребков и скребков.

Большое число и разнообразие вкладышей указывают на массовое употребление составных вкладышевых орудий, различных по форме и назначению. К сожалению, ни одного из них не сохранилось.

Из числа цельных, не составных орудий в находках представлены концевые скребки с различной конфигурацией рабочего края, у многих из них ретушированы со спинки или с брюшка и продольные края. В небольших сериях есть округлые микроскребки на отщепах и в малом числе — нуклеидные (рис. 2, 11—18, 21, 22). Скобели — выемчатые на тушью. У скобелей на крупных отщепах и сколах ретушь более грубая и неровная (рис. 2, 6, 9). Резцы — в большинстве угловые на поперечных сечениях пластин, срединные единичны. Есть также резцы на сколах с нуклеусов и отщепах, в том числе и в комбинации со скребком (рис. 2, 1—3, 9, 19). Долота — крупные, на сколах с нуклеусов и осколках. Мелкие долотовидные орудия — на небольших, но массивных отщепах и осколках (рис. 2, 7, 8, 25, 26). Проколки в инвентаре стоянок клювовидными остриями (рис. 2, 4, 5). Наконечники стрел — асимметричные, с боковой выемкой, аналогичные наконечникам зарзыйского типа и наконечникам из пещеры Квачара. Некоторые оформлены ретушью по краям пера, с подправкой с брюшка (рис. 2, 20, 24, 27). Острия единичны, изготовлены на высоких массивных пластинах (рис. 2, 10).

Наряду с этими изделиями выразительную и массовую серию представляют вкладыши наборных орудий. Вкладышевые пластины отличаются разнообразным оформлением торцовых концов: прямым поперечным, наклонным прямым, вогнутым, выпуклым и выпукло-вогнутым. Типична для них специфическая обработка продольных сторон с брюшка характерной сероглазовской ретушью — крупной неровной, уплощающе-приострающей, нанесенной наклонно к продольной оси изделия. Вследствие этого ретушь имеет вид наклонно бегущей волны и нередко образует у вкладыша волнистозубчатое лезвие (рис. 3, 9, 10, 41). Вкладыши, обработанные со спинки крутой притупляющей ретушью, единичны и в целом не характерны для сероглазовского комплекса (рис. 3, 6, 7).

Большая серия геометрических вкладышей представлена преимущественно сегментами, в меньшей мере трапециями, единичными треугольными ромбовидными, прямоугольными и остроугольными формами (рис. 3, 21—44). Среди трапеций есть низкие удлиненные и средневысокие асимметричной и правильной формы. У отдельных асимметричных экземпляров боковые стороны слегка вогнуты, в общем же типичны трапеции с прямыми или слегка выпуклыми, полого скошенными боковыми сторонами, оформленными поперечной ретушью. У некоторых из них ретуширована и верхняя короткая сторона. Сегменты в основном низкие и удлиненные длиной 3 см и меньше, отношение длины к ширине 3:1 и 2:1. Обработаны они поперечной односторонней ретушью по дуге изделия. Особо следует отметить, что отдельные сегменты обработаны крутой наклонной двусторонней ретушью — специфическим способом, господствующим на более поздних этапах сероглазовской культуры⁷.

Таковы вкратце основные категории орудий и ведущие особенности техники расщепления и способов обработки изделий. Совершенство техники и типологическое богатство инвентаря свидетельствуют о высоком уровне развития сероглазовской индустрии, не имеющей других типологических и технологических параллелей в мезолите других регионов.

Сероглазовская культура отличается от мезолитических культур причерноморских степей и Крыма. Почти нет аналогий прикаспийским памятникам и в мезолите соседнего Южноуральского региона⁸. Различия

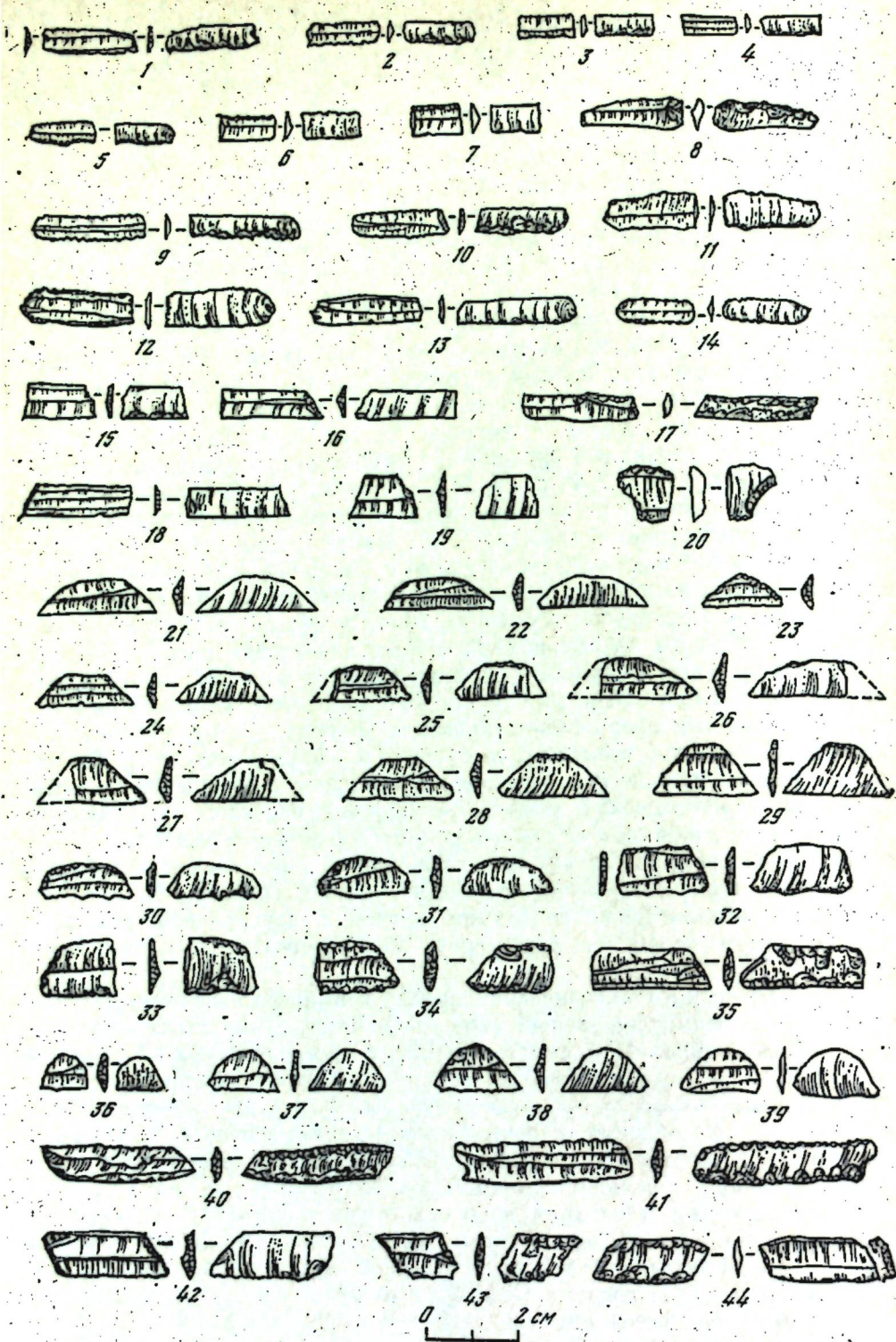

Рис. 3. Инвентарь стоянки Тюкей I (1—44)

в ведущих формах изделий и в способах их обработки столь значительны, что свидетельствуют об отсутствии непосредственного взаимодействия культур Южного Зауралья и Северного Прикаспия. Поэтому гипотеза о мезолите Северного Прикаспия как вероятном связующем звене между стоянками Южного Зауралья и памятниками типа пещеры Белт в Иране

не подтверждается материалами сероглазовского комплекса⁹. Следует отметить, что и природная обстановка в Северном Прикаспии в эпоху мезолита не дает оснований считать долину р. Урал древним путем между Южным Уралом и Прикаспием.

В мезолите Кавказа прикаспийские памятники имеют лишь единичные типологические параллели в материалах стоянок Чох, Сосруко и др. Несколько больше совпадений можно отметить в инвентаре стоянок Черноморского побережья Кавказа типа пещеры Квачара, в частности и в характерных наконечниках стрел зарзийского облика¹⁰. Но по основным, ведущим категориям изделий и специфике их обработки различий больше, чем сходства. Так, например, на стоянке Квачара обнаружены 183 пластины с притупленной спинкой¹¹, в Прикаспии же они единичны. И наоборот, вкладышевые пластины, обработанные с брюшка типичной сероглазовской ретушью, не характерны для Кавказского региона вообще.

Прикаспийский мезолит несколько ближе к небольшой серии стоянок зарзийского типа Средней Азии¹². Однако при детальном сопоставлении сероглазовского комплекса с орудиями ведущего памятника этого типа — грота Дам-Дам-Чешме 2 (слой 4, «верх») — особенно наглядно выступают различия в технике и несовпадения по всем основным категориям инвентаря. Они проявляются как в разном количественном их соотношении, так и в различии формы аналогичных типов, и в специфике их отделки¹³.

Значительно больше общих черт в индустрии и сходства в типах и обработке изделий устанавливается между мезолитом Северного Прикаспия и памятниками Ближнего Востока — стоянками Зарзи и Шанидар В₂¹⁴. Едины высокая микролитонность индустрии в целом, массовое употребление геометрических вкладышей, в том числе и сегментов низких удлиненных пропорций, нередко обработанных при этом специфическим способом: двусторонней ретушью по дуге изделия. Общая черта — большое количество пластин со скошенными концами и пластин с ретушью по продольным краям со стороны брюшка, т. е. обработанных способом, характерным для Зарзи и Шанидара и типичным для Северного Прикаспия.

Однако в развитии сероглазовской культуры обращает на себя внимание необычность употребления вкладышей различных типов. К более поздним периодам сероглазовской культуры полностью выходят из употребления трапеции и треугольники и остаются в массовом применении только сегменты. Для мезолита Средней Азии, Кавказа и Ближнего Востока характерна обратная закономерность: ранние сегментовидные формы в более поздние периоды заменяются трапециевидными¹⁵. В развитии североприкаспийской индустрии не наблюдается также перерыва в употреблении геометрических вкладышей — этапа, отмечающего, по мнению некоторых исследователей, грань между ранним и поздним периодами мезолита Кавказа, Средней Азии и Ближнего Востока¹⁶. Эти обстоятельства существенно усложняют проблему происхождения и связей мезолита Северного Прикаспия.

При решении вопросов генезиса сероглазовской культуры следует учитывать, что ее автохтонное происхождение исключено. По палеогеографическим причинам в Северном Прикаспии нет памятников верхнего палеолита. Резкие и неблагоприятные смены природных условий в позднелесовое время, вызванные крупными вековыми колебаниями уровня моря, обусловили хиатус по крайней мере с послемустьерского, а возможно, и мустьерского времени (Сталинградская стоянка). Продолжительность его подтверждается, в частности, и исследованиями орнитофауны Северного Прикаспия. У некоторых видов птиц ко времени верхнечетвертичного (возвратного) заселения Северного Прикаспия в период верхнехвалынской трансгрессии моря различия достигли подвидового и даже

видового ранга¹⁷. Поэтому вероятно, что лишь в конце плейстоцена, в верхнехвалынское время, в Северном Прикаспии сформировалась вновь экологическая ниша, которая и была заселена впервые в мезолите племенами, оставившими памятники сероглазовского типа. Высокий уровень обработки камня, типологическая зрелость сероглазовского комплекса и своеобразность некоторых традиций его развития указывают, что к моменту появления в Северном Прикаспии носители сероглазовской культуры представляли уже сложившуюся общность. Нет сомнений, что этому предшествовал продолжительный период формирования сероглазовской культуры вне пределов Северного Прикаспия.

В целом же мезолит Северного Прикаспия тяготеет к традициям ближневосточных памятников зарзийского типа. У истоков мезолита Ближнего Востока, как и Средней Азии, и Кавказа, лежат местные верхнепалеолитические индустрии. Вследствие этого ретроспективно можно предполагать единый исходный субстрат в основе зарзийской и сероглазовской культур, которые в дальнейшем, к периоду мезолита, оформились в самостоятельные и устойчивые ветви.

Поскольку приток населения в экологическую нишу наиболее вероятен из районов с адекватным или близким по типу природным комплексом, необходимо при решении вопросов генезиса учитывать и эти обстоятельства¹⁸. В Северном Прикаспии в эпоху мезолита по мере спада верхнехвалынского поднятия моря на освобождающихся участках суши сформировалась озерно-лиманная равнина с бесчисленными блуждающими поверхностными водотоками¹⁹. Примерным природным аналогом экологии той эпохи является современная среда побережья и дельты Волги. Об этом свидетельствует, в частности, эволюция в послехвалынское время биотопов, благоприятных для обитания амфибиотических видов грызунов, ареал которых ныне ограничен придельтовым ландшафтно-географическим районом²⁰.

С учетом этих факторов мезолит Северного Прикаспия оказывается наиболее близок мезолиту натуфийского типа среди локальных ветвей зарзийской индустрии Ближнего Востока. Обращают на себя внимание в первую очередь редкостное совпадение природной среды и близость традиций в мезолите Северного Прикаспия, литоральной области Восточного Средиземноморья и дельты Инда²¹. Особенно ярко проявляется единство вторичных технических приемов, в том числе и такого специфического способа, как двустороннее ретуширование геометрических вкладышей²². Поскольку подобные вторичные элементы техники обработки не зависят от прямого воздействия хозяйственно-экономических причин, представляется маловероятным, что эти совпадения возникли конвергентно²³. Поэтому более реальна гипотеза о единстве их исходной индустриальной основы и этногенетической близости. Для конкретного решения этих сложных вопросов еще мало данных.

По археологическим материалам абсолютный возраст мезолита Северного Прикаспия можно установить лишь ориентировочно, основываясь на сходстве с комплексом инвентаря мезолитических слоев пещер Зарзи и Шанидар В₂, дата которых по С¹⁴ 10 040±400 лет до н. э.²⁴ Поскольку памятники мезолита в Северном Прикаспии располагаются только в зоне позднеплейстоценовой поверхности выравнивания, их можно отнести к финальному периоду плейстоцена и по топографической приуроченности синхронизировать со временем туркменской (сарматской) осциляции верхнехвалынской трансгрессии Каспия. По хронологическим шкалам позднечетвертичных колебаний Каспийского моря время максимума туркменской стадии определяется следующим образом:

1. По схеме П. В. Федорова и О. К. Леонтьева, время верхнехвалынской трансгрессии датировано в пределах 20—15 тыс. лет тому назад. Ориентировочно дата туркменской стадии — 18—17 тыс. лет тому назад²⁵.

2. По схеме О. К. Леонтьева, время максимума туркменской стадии — 12 тыс. лет тому назад (X тысячелетие до н. э.)²⁶.

3. По данным С¹⁴ (образец МГУ ИОАН-34) время максимума послетуркменской стадии — 12 220±240 лет тому назад. Время туркменской стадии соответственно (12 220±240 лет тому назад) относится к XIII тысячелетию до н. э.²⁷

Таким образом, по данным геохронологических и геофизических методов намечается значительный разрыв с археологической датировкой. Для уточнения взаимосвязи археологических датировок с хронологической шкалой верхнехвалынской и новокаспийских колебаний Каспия необходимы большие полевые археологические и геоморфологические исследования. Пока же значительно более ранняя геохронологическая дата мезолита Северного Прикаспия не дает оснований для пересмотра концепции о приоритете Ближнего Востока. Вместе с тем становится все более ясным, что развитие индустрии в пределах единой зоны геометрических микролитов протекало неоднозначно по времени и темпам. Весьма вероятно, что некоторые локальные регионы в отдельные периоды значительно опережали по уровню материальной культуры исходный Ближневосточный очаг. Заслуживают внимания заметно более высокий уровень техники и состав инвентарного комплекса в мезолите Южного Зауралья и Северного Прикаспия по сравнению с соответствующими ближневосточными памятниками гарикамарбандской и зарзийской традиций.

Такова в основных чертах проблематика мезолита Северного Прикаспия — периода, в значительной мере предопределившего направленность этнокультурных процессов в последующие исторические эпохи.

¹ Минаева Т. М. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. — Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения, вып. 36, ч. I, 1929; она же. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных Землях. — КСИИМК, 59, 1955; Синицын И. В. Кремневые орудия с донных стоянок Калмыцкой области. — Известия Нижне-Волжского института краеведения, IV, 1931; он же. Древние памятники Приморского района Калмыцкой области. — Там же, VI, 1933; он же. Археологические памятники на реке Малый Узень. — КСИИМК, XXXII, 1959; он же. Археологические исследования в Саратовской области и в Западном Казахстане. — КСИИМК, XLV, 1952; он же. Археологические исследования в Западном Казахстане. — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, I, 1956; он же. Археологические исследования Заволжского отряда. — МИА, № 60, 1959; он же. Археологические исследования памятники Северо-Западного Прикаспия. — Труды Саратовского областного музея краеведения, 3, 1960; Круликов Е. И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья. — СА, 1957, № 2; Формозов А. А. Кельменская культура в Западном Казахстане. — КСИИМК, XXV, 1949; он же. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. — КСИИМК, XXXI, 1950.

² Bonch-Osmolowsky G., Gromov V. The Paleolithic in the USSR. — In: Report of XVI International Geological Congress. Washington, 1936, may 1.

³ Матюшин Г. И. О «нижневолжских микролитах». — СА, 1962, № 2.

⁴ Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эппалеолите СССР. — МИА, № 126, 1966.

⁵ Мелентьев А. И. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия). — КСИИМК, 141, 1975.

⁶ Развитие индустрии протекало эволюционно, без резких технологических и типологических изменений. Поэтому разделение памятников только на две крайние «полярные» группы — мезолитическую и неолитическую — в известной мере условно.

⁷ Мелентьев А. И. Памятники сероглазовской культуры..., с. 112—114.

⁸ Матюшин Г. И. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита и неолита. — СА, 1969, № 4.

⁹ Матюшин Г. И. Мезолит Урала. — В кн.: Международный конгресс доисториков и протодисториков. Доклады и сообщения археологов СССР, Прага, 1966, с. 74; он же. Средняя Азия и Южный Урал в эпоху мезолита и неолита. — Сб.: Проблемы археологии Средней Азии. JL, 1968, с. 25; он же. О характере материальной культуры..., с. 44.

¹⁰ Церетели Л. Д. Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973, с. 131.

¹¹ Церетели Л. Д. Мезолитическая культура..., с. 130.

- ¹² Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. — КСИА, 122, 1970, с. 21—24.
- ¹³ Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. — СА, 1966, № 2, с. 104—123.
- ¹⁴ Garrod D. A. E. The Paleolithic of the Southern Kurdistan: Excavations in the Caves of Zarzi and Hazar Merd. — Bulletin of the American School of Prehistoric Research, N 6, march, 1930; Solecki R. The Shanidar Child a Paleolithic Find in Iraq. — Archaeology, v. 8, 1955.
- ¹⁵ Трапеции позднее вновь появляются в Северном Прикаспии в развитом неолите, но уже иных типов и в результате распространения новой индустрии, оборвавшей доминанту сероглазовской традиции.
- ¹⁶ Формозов А. А. Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе. — СА, 1963, № 4, с. 187; Массон В. М. К вопросу о мезолите Передней Азии. — МИА, 126, 1966, с. 169; Коробкова Г. Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических культур Средней Азии. — МИА, № 158, 1969, с. 194.
- ¹⁷ Пославский А. Н. Птицы Северного Прикаспия. Автореф. канд. дисс. Астрахань, 1965, с. 4, 5.
- ¹⁸ Долуханов П. М. Природные условия и доисторические культуры Передней Азии в позднем плейстоцене и голоцене. — Историко-филологический журнал, № 3. Ереван, 1973.
- ¹⁹ Сб.: Каспийское море. М., 1958, гл. I—IV; Леонтьев О. К. Эволюция берегов Каспия в верхнем плиоцене и четвертичном периоде. — Сб.: Геоморфологический анализ при геологических исследованиях в Прикаспийской впадине. М., 1968.
- ²⁰ Тропин Н. Н. О вероятной истории туляремийного очага в низовьях Волги в связи с прежним распространением водяной полевки (*Arvicola Terrestis L.*). — В кн.: Паразитология, т. III, Л., 1969, с. 105—109.
- ²¹ Neuville R. Le paléolithique et le mésolithique du désert de Judée. — Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine, mém. 24, 1951.
- ²² На индивидуальность специфического способа двустороннего ретуширования геометрических вкладышей в Натуте, неизвестного тогда в широких масштабах нигде в мире, кроме Гелуана в Египте, в свое время обратил внимание Гордон Чайлд. См.: Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1958, с. 62.
- ²³ Технический прогресс в мезолите протекал главным образом в рамках региональных индустриальных традиций, сложившихся в предшествующий период. К этому времени в основном завершилась «природная» адаптация индустрий в результате необычайно высокой функциональной пластичности вкладышевой техники, удовлетворявшей потребности человека в областях с контрастно различными фаунистическими характеристиками. Это наглядно обрисовывается при сравнении, например, мезолита Северо-Восточной Азии, Черноморского побережья Кавказа, Южного Урала и Северного Прикаспия. См.: Мочанов Ю. А. Северо-Восточная Азия в IX—V тысячелетиях до н. э. — Сб.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973; Церетели Л. Д. Мезолитическая культура...; Матюшин Г. Н. О характере материальной культуры...
- ²⁴ Solecki R. The Shanidar Child..., p. 170.
- ²⁵ Леонтьев О. К., Федоров П. В. К истории Каспийского моря в поздне- и послехвалыинское время. — Известия АН СССР, сер. геогр., № 4, 1953, с. 69—74, хронологическая схема, рис. 3 на с. 72.
- ²⁶ Леонтьев О. К вопросу о масштабе и возрасте новокаспийской трансгрессии. — Труды Океанографической комиссии, IV, 1959.
- ²⁷ Каплин П. А., Леонтьев О. К., Парухин О. В., Рычагов Г. И. Абсолютный возраст позднелепесточных отложений Каспийского моря по данным радиоуглеродного метода. — Сб.: Проблемы периодизации плейстоцена. Л., 1972, с. 302—304.

Г. Ф. КОРОБКОВА

МЕЗОЛИТ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

До недавнего времени мезолит на территории Средней Азии был весьма слабо изучен. Первое знакомство с ним произошло благодаря неутраченным поискам и открытиям А. П. Окладникова в районе Прикаспия и горном Таджикистане. В Прикаспии были обнаружены и подвергнуты раскопкам пещерные комплексы Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Джебел, грот Кайлю¹, в горном Таджикистане — местонахождения с подъемным материалом в районе Чиль-Чор-Чашме, Дангары и др.² В последние годы работами Г. Е. Маркова, В. А. Ранова, У. И. Исламова, Ю. А. За-

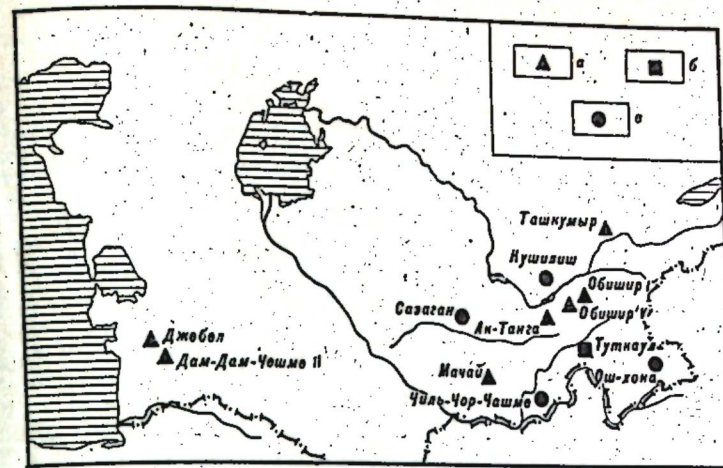

Рис. 1. Схема расположения мезолитических памятников Средней Азии
а — пещеры; б — поселения; в — отдельные местонахождения

днепровского, Г. В. Парфенова, М. Юнусалиева и других археологов открыты новые мезолитические памятники уже на территории всех среднеазиатских республик (рис. 1).

В настоящее время на территории Средней Азии известно свыше 20 стратифицированных памятников и около 100 пунктов с подъемным материалом. Они расположены в Прикаспии, Ферганской долине, песках Центральной Ферганы, в горных районах юга Таджикистана, в районе Сурхандарьи. Здесь имеются как ранние комплексы типа Дам-Дам-Чешме 2, слою VII—IV («низ») и горизонта 3 Туткаула³, так и поздние — типа пещеры Мачай⁴ и центральноферганских местонахождений⁵. Встречаются и промежуточные памятники: Обишир I и V⁶, горизонт 2а Туткаула⁷. В целом возраст мезолита Средней Азии укладывается в рамки XI—VII тысячелетий до н. э. Об этом свидетельствуют археологические источники, сравнительные характеристики с уже датированными комплексами, радиоуглеродные датировки Ош-Хоны и Мачая⁸. Предприняты попытки к выделению локальных вариантов в мезолите Средней Азии¹⁰.

Следует отметить, однако, что изучены мезолитические комплексы на этой территории еще далеко недостаточно: незначительна серия стратифицированных памятников, практически отсутствуют полная публикация и статистические подсчеты изделий, за исключением Джебела и пещеры Мачай, мало детальных данных о технико-морфологических разработках мезолитических индустрий. Поэтому воссоздать целостную картину среднеазиатского мезолита пока невозможно. Памятники в подавляющем большинстве разрозненные, некоторые из них трудно сопоставимы с уже известными комплексами. Лишь отдельные стоянки и местонахождения образуют группы. Таковы группа памятников прикаспийского мезолита и группа ферганского мезолита. Однако внутри них зачастую отсутствуют связующие звенья, позволяющие уверенно решать такие исторические вопросы, как генезис, периодизация, путь развития и др.

Таким образом, при настоящем положении дел можно говорить лишь о намечающихся локальных районах, соответствующих, по-видимому, отдельным мезолитическим культурам, об относительном и абсолютном возрасте некоторых памятников, об их генезисе, и в ряде случаев о путях их развития. В основу изучения среднеазиатского мезолита мы кладем традиционный технико-морфологический метод, характеризующий индустрию с трех точек зрения: техники расщепления, техники вторичной обработки, состава типов изделий.

В Прикаспии нами выделены две группы мезолитических памятников с разными типами индустрий: прибалханская и прикаспийская зарзый-

Наименование предметов	Прикаспий			
	I группа			
	Дам-Дам Чешмен слой IV, низ VII	Каскыр-Булак	Джебел	Дам-Дам Чешмен нижний слой
Геометрические микролиты				
Скребки				
Скобели (или пластины с выемками)				
Острия типа лезвия перочинного ножа				
Пластины				
Микропластинки				
Проколки				
Нуклеусы				
Наконечники				
Резцы				
Долотовидные орудия				

II группа		Фергана			
Дам-Дам Чешмен Слой IV, Верх	Ходжа-Су I	Пункт II	Пункт III	Пункт XVI	Ащи-Куль

Рис. 2 (окончание)

Рис. 2. Основные признаки мезолитических индустрий Средней Азии и Ближнего Востока

ского типа, соответствующие, по-видимому, двум культурным традициям¹¹. Первая группа находит аналогии в материалах Гари-Камарбанда и Хоту; вторая — Зарзи (рис. 2). Анализ артефактов этих двух комплексов позволяет предполагать их местное происхождение, однако индустрия второй группы испытала на себе влияние зарзийского импульса. Сопоставление рассматриваемых комплексов с аналогичными материалами Ближнего Востока дает возможность признать их синхронными и датировать X—IX тысячелетиями до н. э.¹²

Территориально и в историко-культурном плане четко выделяется группа мезолитических памятников Ферганы. Фактически здесь также прослеживаются два типа индустрий, из которых первый связан с пещерными комплексами Обишира I и V¹³ и Ташкумира¹⁴ и условно назван обиширским, второй — с равнинными местонахождениями Центральной Ферганы и назван ферганским. Пещерные комплексы отличаются смешанным характером индустрии, в которой пластинчатая микролитическая техника великолепно уживается с элементами галечной. В технике вторичной обработки применяются затупливающая односторонняя, порой — встречная краевая ретушь и оббивка. Характерны крупные сегменты удлиненных пропорций, скребки на отщепах с очень высоким краем, скребла, чопперы и чоппинги, более редкие острия типа шатель-перрон. Сравнение пещерных комплексов с материалами Самаркандской столицы¹⁵ позволяет предполагать, что генезис обиширской группы следует связывать с памятниками именно этого типа.

К ферганскому комплексу могут быть отнесены пункты 2, 3, 16 Ащи-Куль¹⁶, пункт 21 Янги-кадам, Бекабад 3, 4, Шор-Куль 1, 2, Иттак-Кала 1, 2, пункт 2 Замбарской группы¹⁷, Сазаган I и II в Самаркандской области¹⁸. Для этого комплекса характерны пластинчатая микролитическая техника расщепления с элементами крупных пластин и отщепов. В технике вторичной обработки используется мелкая заостряющая ретушь. Превалируют разнообразные скребки, в том числе концевые на пластинах с ретушированными боковыми краями, нуклевидной формы и др. Редкими изделиями следует считать отщепы с подтеской концов, трапеции и сегменты миниатюрных размеров, острия типа шатель-перрон и граветт. Генетически ферганский комплекс тяготеет к местной обиширской группе, но без галечного элемента. Были ли обиширская и ферганская группы разнокультурными комплексами, либо вариантами или этапами одной культуры? Не исключено, что равнинный ферганский комплекс окажется в одной линии развития с пещерным и займет хронологически позднее положение.

По мнению У. И. Исламова, к обиширскому комплексу тяготеет материал пещеры Мачай. Его характеризуют разнообразные пуклеусы, среди которых преобладают конусовидные с круговым скалыванием, призматические и аморфные, скребки концевые нуклевидной формы, скребла, галечные изделия¹⁹. Как показал анализ данных технико-морфологического исследования и статистической обработки материалов Мачая, этот памятник по техническим традициям и видовым признакам занимает промежуточное место между обиширским и ферганским комплексами и наиболее близок последнему. По времени обиширско-ферганский мезолит укладывается в VIII—VII тысячелетия до н. э.

Из общей массы мезолитических памятников выделяется стоянка Кушпилиш под Ташкентом. К сожалению, коллекция каменных изделий ее весьма мала (около 200 предметов). Она содержит единичные равнобедренные треугольники, острие типа лезвия перочинного ножа, значительное количество скребков на отщепах округлых форм — состав явно мезолитический. Увязать его с известными мезолитическими комплексами Средней Азии крайне затруднительно. Не ясен и генезис этого памятника. Отнесение же его к особому ташкентскому варианту²⁰ довольно спорно, поскольку коллекция слишком незначительна.

Особой пестротой отличаются мезолитические стоянки и местонахождения Таджикистана, представленные двумя нижними горизонтами Туткаула, слоем VI навеса Ак-Танги, Ош-Хоной и целым рядом пунктов с не прослеживаются, а сами комплексы весьма разнообразны. Горизонтники. Среди орудий наиболее броски сегменты удлиненных пропорций и отщепы с подтеской концов²¹. Материал этот весьма близок обиширскому комплексу, образуя, по-видимому, местный туткаульский вариант.

Горизонт 3 Туткаула, слой VI Ак-Танги и местонахождение Чиль-Чор-Чашме как будто бы близки между собой. Их объединяет единство техники расщепления, вторичной обработки и набора изделий. Для них характерны кремневая пластинчатая техника расщепления камня микролитонидного облика, выразившаяся в наличии геометрических микролитов в виде трапеций-прямоугольников, отделанных мелкой затупливающей ретушью по трем краям, микроскребков²². В Чиль-Чор-Чашме трапеции-прямоугольники единичны²³, да и весь комплекс выглядит по сравнению с Туткаулом 3 более молодым. В целом материалы Туткаула 3 не находят себе аналогий на территории Средней Азии. По техническим деталям и частично по набору орудий они скорее всего сопоставляются с кебаринскими памятниками Ближнего Востока, в особенности с материалами Кебары С²⁴. Этот оригинальный, пожалуй, самый ранний мезолитический комплекс резко отличается от всех известных памятников мезолита Средней Азии. Сопоставление его с кебаринскими материалами позволяет датировать его XI—X тысячелетиями до н. э.²⁵

Столь же оригинальна и коллекция Ош-Хоны²⁶. Индустрия ее характеризуется микролитонидной галечной техникой с отдельными элементами пластинчатой. Орудия обработаны крутой затупливающей ретушью. Основными типами изделий являются концевые скребки, микроскребки, скребла, пластины с выемками и др. Налицо сосуществование грубых крупных форм с изящными микроорудиями²⁷. Для Ош-Хоны не типичны геометрические микролиты. Своеобразный и оригинальный облик каменного инвентаря дает основание выделить Ош-Хону в самостоятельный культурный комплекс.

В Таджикистане известны также местонахождения с материалами мезолитического облика, отличающимися от описанных спецификой индустрии. Это местонахождения у искусственного водохранилища Куи-Бульен, в Дангаре, Оби-Киник и др.²⁸ Для них характерны сегменты или асимметричные треугольники, острия с притупленным краем, со скошенным концом, пластины с выемками, нуклевидные скребки. По мнению А. П. Окладникова, эти вещи удивительно сходны с материалами Дам-Дам-Чешме 1²⁹. К ним можно еще добавить и материалы слоя IV («верх») Дам-Дам-Чешме³⁰. Коллекции эти незначительны, и пока трудно определить их абсолютный возраст и культурную принадлежность.

Вообще по мезолиту Таджикистана, кроме небольших статей и сообщений по Туткаулу, Ак-Танги, Ош-Хоне, Оби-Кинику, Дагане и др., мало публикаций. Поэтому мы вынуждены ограничиться перечислением мезолитических памятников и лишь краткой характеристикой материала и его особенностей.

Такова картина современного состояния изучения мезолита Средней Азии. Уже сейчас ясно, что в культурно-хронологическом плане мезолитические комплексы столь же разнообразны и сложны, как и неолитические. По имеющимся материалам можно говорить о сложении в Средней Азии в эпоху мезолита локальных комплексов, по-видимому, соответствующих отдельным культурам. Это, во-первых, прибалханский комплекс Прикаспия, во-вторых, — прикаспийский с зарзийской традицией, в-третьих, — обиширский Ферганы, в-четвертых, — туткаульский с элементами

кебаринской техники. Возможно, что новые мезолитические памятники будут сгруппированы вокруг предварительно выделенных четырех комплексов и позволят с большей определенностью осветить проблему культур, локальных вариантов, хронологии, генезиса, хозяйства мезолита Средней Азии, на основе которого складываются известные неолитические общности Джейтуна, Кельтеминара, Гиссара и Центральной Ферганы.

- ¹ Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. — ТЮТАКЭ, II, 1951; он же. Изучение памятников каменного века в Туркменинии. — Изв. АН ТуркССР, № 2, 1953; он же. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен. — ТЮТАКЭ, VII, 1956; он же. Верхнепалеолитическое и мезолитическое время. — Сб.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. — Л., 1966.
- ² Окладников А. П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. — В кн.: Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября — 4 ноября 1956 года). М. — Л., 1959, с. 172—176; он же. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. — Труды АН ТаджССР, т. СIII, вып. V, 1959, с. 12—14.
- ³ Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2 в Восточном Прикаспии. — СА, 1966, № 2, с. 115—118.
- ⁴ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры. — СА, 1971, № 2, с. 144, 145.
- ⁵ Исламов У. Пещера Мачай. Ташкент, 1975.
- ⁶ Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии. — КСИА, 122, 1970, с. 24, 25.
- ⁷ Исламов У. И. К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане. — Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. Ташкент, 1972, с. 44, 45.
- ⁸ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение..., с. 142—144.
- ⁹ Романова Е. Н., Семенов А. А., Тимофеев В. И. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА АН СССР. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии, 2. Л., 1972, с. 58.
- ¹⁰ Коробкова Г. Ф. Проблемы культур и локальных вариантов...; она же. Изучение каменной индустрии и проблема выделения культур и локальных вариантов (по материалам мезолита и неолита Средней Азии). — Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. Ташкент, 1972, с. 48—50; Исламов У. И. К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане. — ИМКУ, 11, 1974, с. 29—31.
- ¹¹ Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов..., с. 21—24.
- ¹² Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов..., с. 23.
- ¹³ Исламов У. И. К вопросу о локальных вариантах...; он же. Некоторые итоги и перспективы изучения эпохи мезолита в Узбекистане. — Тезисы докладов. Ташкент, 1973, с. 14.
- ¹⁴ Юнусалиев М. Б. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970, с. 12, 24.
- ¹⁵ Лев Д. Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде (исследования 1958—1960 гг.). — Труды СамГУ, и. с., 135, 1964; он же. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности. — Труды СамГУ, и. с., 166, 1966; Коробкова Г. Ф. Трасологическое исследование каменного инвентаря Самаркандской стоянки (по материалам 1958—1960 гг.). — МИА, № 185, 1972.
- ¹⁶ Коробкова Г. Ф. Проблема культур и локальных вариантов..., с. 24.
- ¹⁷ Тимофеев В. И. Выделение территориальных групп среди неолитических стоянок Ферганы. — Каменный век Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов. Ташкент, 1972, с. 63.
- ¹⁸ Холюшкина В. А. Неолитическая стоянка Сазаган. — Тезисы докладов XXXI студенческой научной конференции. Самарканд, 1972, с. 9—11.
- ¹⁹ Исламов У. Пещера Мачай.
- ²⁰ Исламов У. К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита..., с. 30.
- ²¹ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение..., с. 142—144.
- ²² Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение..., с. 144.
- ²³ Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана. Предварительно сообщенное о работах 1948, 1952—1954 гг. — МИА, № 66, 1957, с. 48—58.
- ²⁴ Turville Petre F. Excavations in the Mugharet-el-Kebara. — JRAI, LXII, 1932, p. 276; Stekells M. Le gisement mésolithique du Kefar Vitkin. — L'Anthropologie, t. 72, N 3-4, 1958, p. 328—333; idem. Iraq-el-Baroud, nouvelle grotte préhistorique au Mount Carmel. — BRCA, section, G, 10, 1961.
- ²⁵ Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение..., с. 144.
- ²⁶ Ранов В. А. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.). — МИА, № 124, 1964, с. 44, 45.

- ²⁷ История таджикского народа, I. М., 1963, с. 76, 77.
- ²⁸ Окладников А. П. О работах по изучению каменного века..., с. 12, 16; Ранов В. А. Исследования каменного века Средней Азии за 20 лет (1945—1965 гг.). — В кн.: Материальная культура Таджикистана, I. Душанбе, 1968, с. 23.
- ²⁹ Окладников А. П. О работах по изучению каменного века..., с. 14.
- ³⁰ Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме 2..., с. 113, 114.

А. П. ОКЛАДНИКОВ МЕЗОЛИТ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА (докерамические памятники)

Одним из важнейших достижений 50-х годов в археологии советского Дальнего Востока было открытие памятников докерамических культур, в первую очередь на Осиновском холме у дер. Осиновка, на небольшой речке того же названия, в 40 км от Уссурийска а затем в пещере Географического общества около г. Находка. Эти памятники относятся к плейстоцену и оставлены палеолитическими насельниками.

Более поздние памятники, которые заполняют промежуток между палеолитическими и богатыми неолитическими памятниками Дальнего Востока и могут быть в этом смысле названы мезолитическими, в данное время известны в трех районах: в Приморье, в долине р. Амур (в нижней части, в основном вблизи Хабаровска) и на острове Сахалин.

Ключевым, важнейшим и по обилию материала, и по его типологической выразительности памятником докерамической эпохи Приморья является в настоящее время древнее поселение у дер. Устиновка на р. Зеркальная (прежнее название — Тадуши). Эта река берет начало на восточном склоне хребта Сихотэ-Алинь и, имея общую протяженность 70 км, впадает в Японское море. Как отмечает В. Ф. Петрунь, на своем пути к морю река несколько раз меняет направление, причем каждый значительный поворот ее, как правило, совпадает с сужением речной долины. В одном из таких суженных мест, в 4 км ниже дер. Устиновка и в 30 км от устья Зеркальной, на левом берегу ее геолог В. Ф. Петрунь обнаружил древние каменные изделия.

Местонахождение каменных изделий связано с 10—12-метровой террасой и с возвышающейся над ней между ключами Кривым и Безымянным водораздельной гривкой. Как пишет В. Ф. Петрунь, уплощенный гребень гривки на нижнем ее конце возвышается над уровнем реки на 27—28 м, а затем высота ее увеличивается по направлению к северу. Гривка сложена крупно-обломочными туфами андезито-базальтов. Сверху туфы выветрены, изменены элювиальными процессами. Они здесь коричнево-желтые, хрупкие. Глубже эти породы свежие, темно-окрашенные, в них имеются тонкие (до 2 см мощностью) прожилки бесцветного халцедона.

Уплощенная поверхность гривки, по словам В. Ф. Петруни, производит впечатление высокого террасовидного уступа, однако каких-либо элювиальных отложений на нем обнаружено не было. 10—12-метровая терраса сложена с поверхности делювиальными суглинками, перекрытыми нетолстым почвенным слоем черного цвета, луговой почвой, относительно тонкой.

В ходе раскопок 1963 г. было установлено, что обработанный человеком камень связан с двумя горизонтами: 1) с темным гумусированным суглинком, залегающим сразу под дерном (В. Ф. Петрунь нашел непосредственно под снятым дерновым покровом на седловине водораздельной гривки нож и наконечник лавролистной формы); 2) с желтовато-бурым суглинком.

В 1963 г. обнаружено 1176 отщепов, из них 133 со следами употребления в виде более или менее четко выраженной зазубренности лезвий, 74 пластины, 62 пуклеуса, 17 сколов с пуклеусов, 8 скребловидных инструментов и скребков.

Находки стоянки Устиновка на Зеркальной, по данным Г. Ф. Коробковой, изучавшей этот материал трасологическим методом, распределяются таким образом: отщепы, куски туфа и кремня — 11 494; пластины и их обломки — 1139; пуклеусы и их обломки — 395; скобели для обработки дерева — 51; ножи для разделки туш — 13; строгальные ножи для кости и дерева — 3; скребки для обработки шкур — 17; скребла для обработки шкур — 2; отжимники-ретушеры — 8; сверла (для камня) — 2; развертки для расширения проделанных в камне отверстий — 2; пилки — 1; отбойники — 1. Всего 13 128 предметов (пуклеусы и отбросы производства — 13 028; орудия — 100).

Как полагает Г. Ф. Коробкова, по характеру инвентаря — это мастерская.

Наличие выходов вулканического туфа, обилие пуклеусов и сравнительно незначительное количество готовых мелких изделий показывают, что здесь происходила заготовка каменного сырья в виде пуклеусов и отчасти пластин. Использовались также и отщепы — часть из них носит следы употребления. Основным материалом, обработка которого здесь производилась, являлся вулканический туф. Лишь изредка встречаются отдельные изделия из смоляно-черного обсидиана, который явно был перенесен из других мест.

Вместе с пуклеусами и отходами производства в виде отщепов встречаются и вполне законченные вещи. Из этого следует, что памятник представляет собой не только мастерскую, но и поселение. Его правильное поэтому называть поселением-мастерской. Эта мысль подтверждена новыми раскопками, проведенными в 1968 г. и выявившими остатки небольшого полуподземного жилища с характерным уступом стенки — «плечиком» — и очагом около него. Были прослежены также детали стратиграфии поселения, которые свидетельствуют о том, что на нем производилась добыча поделочного сырья в ямах-«закопушках», чем и объясняется значительная мощность слоя с находками вдали от края террасы.

Многочисленные пуклеусы Устиновки, составляющие, как видим, основную массу готовых изделий, делятся на группы. Одна может быть названа леваллуаской или эпилеваллуаской. Это относительно крупные изделия, более 10 см в длину. Ударные площадки, с которых снимались пластины, как правило, скошены по отношению к плоскости снятия пластины и тщательно оформлены ретушью. Пластины снимались с одной стороны пуклеуса, со спинки, параллельно друг другу. Обратная сторона пуклеуса, его «брюшко», обычно обрабатывалась сколами, выравнивалась. Пуклеусы чаще всего одноплощадочные, реже — двухплощадочные. Другая группа — копытовидные пуклеусы (в виде лошадиного копыта), широкие, с овальным или вообще дугообразным широким краем. Еще один вид — те пуклеусы, которые в литературе чаще всего называются «клиновидными», «гобийскими». По существу же методически правильно именовать и эти предметы торцовыми пуклеусами, т. е. исходить не из формы самого пуклеуса, похожего на клин лишь приблизительно, а из их назначения и способа употребления. Суть дела в том, что с этих пуклеусов пластины снимались не круговую, как с призматических (или иначе — ротационных), и не с одной лишь широкой стороны, как с леваллуаских, а именно с торца, т. е. с одной узкой грани, с ребра. Можно было бы также называть такие пуклеусы фронтальными, однако «торец» звучит лучше для нашего слуха. В массе они представлены здесь массивными «горбатыми» пластинчатыми заготовками, треугольными в поперечном сечении. Отбивная поверхность их плоская, противоположная — двугран-

ная, обе грани сплошь обработаны крутыми узкими сколами. Края заготовки часто выемчатые, зубчатые, что свидетельствует о силе ударов, нанесенных по краю обрабатываемой заготовки. Концы заготовок обычно оформлены одним или несколькими поперечными ударами. Иногда они имеют вид скошенного уплощенного острия-носика, тщательно оформленного ретушью. Обычно изделия такого рода представлены обломками, но разцы, вполне законченные обработкой, но явно еще не бывшие в употреблении. Таковы два изделия (одно — длиной 4 см при ширине отбивной плоскости 1 см, другое — длиной 3,6 см при ширине 0,8 см), у которых одинаково тщательно обработана мелкой поперечной ретушью длинная узкая «рукоять», а на противоположном конце имеются мельчайшие фасетки сколов, которыми были сняты такие же мельчайшие пластиночки. Длина этих фасеток 1,2 см, ширина соответственно не более 1—1,2 мм. Для чего служили эти миниатюрные изделия, пока не ясно.

Среди скребков выделяются концевые, изготовленные из широких и длинных пластин, у которых на широком конце ретушью оформлено дугообразно выпуклое лезвие. Такой же ретушью обработана нередко и вся поверхность пластины. Вариантом таких орудий являются изделия, рабочий конец которых не расширен, а сужен. Имеются также своеобразные плоские острия, обработанные вдоль лезвий только со спинки. Кроме концевых скребков, встречаются широкие массивные скребла с полудисковидным рабочим краем. Резцы боковые и срединные. Особую группу составляют скобели — с широкой выемкой по одному краю. Для верхнего горизонта могут быть отмечены клинки, обработанные двусторонней ретушью.

Отмечается сходство инвентаря Устиновки с докерамическими комплексами Японских островов. Для них в такой же степени характерны изделия из широких и длинных пластин, имеющих преимущественно на спинке не две, а всего лишь одну продольную грань, — ножи, скребки концевого типа с овальным лезвием на конце пластинчатого отщепка. Характернейшую черту докерамических комплексов Японских островов составляют обширные серии торцовых, или гобийских, пуклеусов. Отмеченные докерамические комплексы Японии датируются временем в пределах 17—12 тыс. лет тому назад¹. Соответственно основная толща отложений Устиновки с каменными изделиями может быть отнесена к 17—15 тыс. лет тому назад, а верхний слой с листовидными двустороннеобработанными клинками — около 12 тыс. лет тому назад, поскольку подобные клинки в Японии имеют этот возраст.

Много общего с устиновским комплексом и отчасти с осиновским, более ранним, отмечается в находках на р. Медвежья, в 5 км от Горного хутора, и в Тимофеевке, где представлены крупные пуклеусы леваллуаского облика и такие же скребловидные инструменты. В Тимофеевке есть также крупная заготовка гобийского пуклеуса, подобная заготовке из Устиновки.

Из сказанного следует, что поселением в Устиновке представлена культура верхнеплейстоценового и, вероятно, раннеголоценового (в верхнем слое) возраста. Однако замечательно, что на Среднем Амуре в каменном инвентаре раннего керамического неолита со шлифованными крупными орудиями имеется выраженное сходство с устиновским комплексом. Очевидно, устиновская культура эволюционировала через не выявленные пока хронологические звенья в новопетровскую культуру пластин эпохи неолита.

К более позднему времени сравнительно с устиновской культурой относятся такие памятники каменного века Приморья, как древнейшее поселение в Оленесовхозе в Уссурийском заливе — в Ванюково на Уссур, затем — серия местонахождений около с. Ивановка, Фирсапова сопка на р. Лефу. Эти памятники имеют сходные торцовые (гобийские) пуклеусы,

резцы на углу сломанной пластины, нередко с ретушированными лезвиями, резцы срединные, диагональные («арая»), языковидные скребки с выпуклым лезвием. Встречаются также крупные пуклеусы леваллуа-ского облика и своеобразные — из рассеченных поперек овальных галек. Плоскость раскалывания служит в последнем случае отбивной площадкой, в результате чего получались длинные крупные пластины с параллельной гранкой.

На Фирсановой сопке кроме того обнаружены острия «мустьерского типа», широкие, треугольные, с обработанным ретушью лезвием. Замечательно, что подобные острия связывают этот комплекс Приморья с неолитом, где они имеют широкое распространение (например, Гладкая I — Зайсановка).

На Нижнем Амуре к докерамическому времени относится серия поселений в районе Хабаровска. На этих поселениях в 20-х годах проводил первые разведки М. М. Герасимов, а затем, в 1935 г., — А. П. Окладников. Среди них назовем прежде всего раскопанное Дальневосточной археологической экспедицией поселение у бывш. деревни Осиповка. Аналогичные местонахождения обнаружены в районе селения Сакачи-Алян на правом берегу Амура и на р. Кия, неподалеку от наскальных изображений.

На поселениях в районе Хабаровска встречаются очаги, сложенные из пережженных речных камней, а около них — потерянные или брошенные людьми каменные изделия. Обнаруживаются и своего рода «рабочие площадки», или «мастерские», т. е. места, где производилась обработка камня и выделялись каменные орудия. Обычно здесь отщепы, оббитые камнями и пластинки залегают целыми скоплениями.

На всех этих стоянках рассеяны в основном сходные каменные орудия и прежде всего клинки удлиненной миндалевидной формы, обе поверхности которых сплошь выровнены плоской, «солотрейской» ретушью. Некоторые из них, более плоские, могли служить превосходными боевыми кинжалами и охотничьими ножами для разделывания добычи. Ими легко можно было вспороть тушу зверя и расчленив тушу на части. Другие клинки такого рода, более массивные, были вполне пригодны в качестве наконечников копий. Самые маленькие из них, тонкие и узкие, возможно, служили наконечниками легких метательных дротиков. Вместе с подобными клинками найдены оббитые с двух сторон топоровидные орудия. Характерная для таких амурских орудий желобчатая выемка на лезвии показывает, что ими обрабатывали дерево, пользуясь так же, как теслами последующего, неолитического времени.

Замечательная черта этих орудий, как и листовидных клинков, заключается в том, что при самых различных размерах — от крупных до миниатюрных — они всегда имеют одну и ту же характерную форму.

На этих стоянках встречаются и другие орудия: скребки, изготовленные из отщепов и пластин, ножи из больших пластин, оформленные красной ретушью вдоль лезвий, а также орудия из целых плоских галечек, у которых ретушью вдоль края, часто двусторонней, образовано острое лезвие. Характерный элемент каменного инвентаря этих поселений — торцовые, или гобийские, пуклеусы, преимущественно небольшого размера.

Перечисленными памятниками Нижнего Амура представлена вторая технологическая и культурная традиция Дальнего Востока, противоположная пластинчатой, — традиция двусторонних рубящих орудий и клинков.

Особое место занимают памятники Сахалина и Камчатки. На Сахалине находками В. В. Вязовской и Р. С. Васильевского представлен докерамический комплекс Имчина. Поселение Имчины расположено в Ногликском районе Сахалинской области, примерно в 1,5 км к северо-западу от с. Ноглики, на правом берегу р. Имчины. В каменном инвентаре отмеча-

ются впервые обнаруженные на Сахалине призматические пуклеусы, ножевидные пластины. Обращает на себя внимание относительное обилие 52% всех готовых изделий. По подсчетам Р. С. Васильевского они составляют 52% всех готовых изделий. Обычно пластины имеют параллельные грани ретушью, служили вкладышами. Резцы — угловые на ножевидных пластинах, имеются также характерные полидрические резцы на пуклеусах (подобные обнаруженным на Ангаре Б. Э. Петри и описанным как «пуклеусы-дрилы»). Такие пуклеусы типичны и для неолита Якутии. Кроме резцов на ножевидных пластинах, есть резцы с диагональным сколом на двухстороннеретушированных орудиях, а также срединные резцы на таких же орудиях двусторонней обработки. Наконечники стрел — с одной стороны ретушью и двустороннеретушированные, ромбических очертаний, а также с выделенным острым черешком. Скребки — языковидные, с выпуклым лезвием и приостренной рукоятью. Есть клинки миндалевидных очертаний, обработанные с двух сторон, служившие, вероятно, ножами, а более массивные — наконечниками дротиков. Оригинальны «лодкообразные» орудия, аналогичные устиновским заготовкам гобийских пуклеусов.

Памятник этот в общем производит впечатление относительно позднего, может быть ранне-неолитического или финально-мезолитического².

На Камчатке Н. Н. Диковым прослежена своеобразная эволюция культуры на поселении близ Ушковского озера. Для нее характерно раннее появление двустороннеоформленных ретушью «американоидных» клинков с черешком, которые сочетаются с превосходно выраженными торцовыми (гобийскими) пуклеусами. Так, из культурных горизонтов V—X, по данным Н. Н. Дикова, происходят так называемые лыжевидные сколы (получавшиеся при дополнительной подправке площадки торцовых пуклеусов), торцовый (гобийский) пуклеус, двустороннеретушированные клинки небольшого размера, ножевидные узкие пластины. В слое VI найдены «лыжевидные» сколы, узкие ножевидные пластины, торцовый (гобийский) пуклеус. В слое VII вместе с узкими ножевидными пластинами обнаружены специфические двустороннеретушированные клинки с выделенным черешком, близкие к найденным в Америке, в частности нами вместе с проф. Лафлином в 1974 г. на Деревенском поселении на Анаугуле. Радиоуглеродная дата слоя V этого поселения $10\,360 \pm 350$ лет тому назад³.

Таковы в настоящее время сведения о памятниках Дальнего Востока, которые так или иначе могут занимать промежуточное место между собственно палеолитом и неолитом этих территорий. С ними связаны несмотря на относительную малочисленность находок важные исторические проблемы. Первая из них — происхождение неолита Дальнего Востока. Ее мы касались выше, когда речь шла о двух традициях — пластин и двустороннеобработанных изделий. Вторая проблема — о древнейших этнокультурных связях населения Дальнего Востока. Несомненно, что связи эти ведут с материка на островной мир Тихого океана, на Хоккайдо и Хонсю. Столь же очевидно, что эти памятники имеют ближайшее отношение к проблеме заселения Американского континента человеком из Центральной Азии — Монголии. На это справедливо указывал еще Н. Х. Нельсон в 30-х годах, отмечая распространение торцовых (гобийских) пуклеусов в Центральной Азии и на Аляске⁴. Совместные раскопки советских и американских археологов на острове Анаугуле еще более подкрепили это предположение.

¹ Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита. — В кн.: Четвертичный период Сибири. М., 1966; он же. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959.

² Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.

³ Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального засе-

ления Америки.— В кн.: История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967, с. 16—31.

Окладников А. П. Нельс Христиан Нельсон. Памяти исследователя каменного века Центральной Азии.— Вопросы истории, 1966, № 12; он же. Центральная Азия и проблема заселения Американского континента человеком.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973; он же. Азия — Америка, древний мост.— Сибирские огни, 1973, № 11, с. 136—145.

Н. И. ДИКОВ

К ПРОБЛЕМЕ «МЕЗОЛИТА» НА КАМЧАТКЕ

В понятии «мезолит» как переходной ступени от палеолита к неолиту наиболее существен технологический аспект. Для мезолита характерна прежде всего вкладышевая техника, хотя она и не является только его исключительным признаком. Однако на северо-востоке Азии вкладышевая техника не приобрела специфически «мезолитических» форм (здесь нет трапеций и сегментов), и поэтому выделение здесь мезолита представляется весьма трудно разрешимой задачей, а сам термин «мезолит» часто может быть применим лишь весьма условно.

Для исследования проблемы «мезолита» Камчатки пока имеется сравнительно немного материалов. Все они получены нами в результате еще не завершенных раскопок на Ушковском озере в центре Камчатского полуострова (в 1962—1974 гг. раскапывались многослойные стоянки Ушки I, II, IV; а в 1974 г. было начато исследование стоянки Ушки V). Ценность этих материалов в том, что они дают представление о последовательной смене и развитии культур в этом районе от палеолита до пережиточного неолита¹.

Ушковские стоянки приурочены к верхней двухметровой толще рыхлых отложений южного берега старичного Ушковского озера (высота 2,5—4 м). По последним определениям², эти рыхлые отложения, расчлененные слоями вулканического пепла и гумусированных супесей, имеют почвенно-пирокластическое происхождение и покрывают собою примыкающую к озеру флювиогляциальную равнину. Под почвенно-пирокластической толщей здесь прослеживаются флювиогляциальные пески, галечники и темные пористые базальты. Наиболее глубокие культурные слои VII—V относятся к позднему палеолиту ($14\,300 \pm 200$; $10\,675 \pm 360$ лет тому назад), лежащие выше слои IV и III — вероятно, к позднему мезолиту или раннему неолиту, слой II — к развитому неолиту (2440 ± 80 лет тому назад), а слой I — к пережиточному неолиту (рис. 1). Как видим, выделение в этой последовательности «мезолита» зависит от того или иного понимания в данном случае смежных терминов «неолит» и «палеолит».

Наиболее характерной чертой развитого неолита мы считаем массовую шлифовку каменных орудий, преимущественно топоров и тесел. Такой характеристике соответствует слой II Ушковских стоянок (рис. 1). Но наличие керамики в этом слое пока достоверно не установлено. Таким образом, центральнокамчатский неолит, по имеющимся данным, лишен этого второго обычного признака. Однако, если мы вспомним, что керамика обнаружена в мезолитической культуре Японских островов (IX тысячелетие до н. э.)³, то станет ясно, что на Дальнем Востоке она не может служить разграничительным признаком между неолитом и мезолитом и что для разграничения этих периодов остаются только особенности самой камнеобрабатывающей техники.

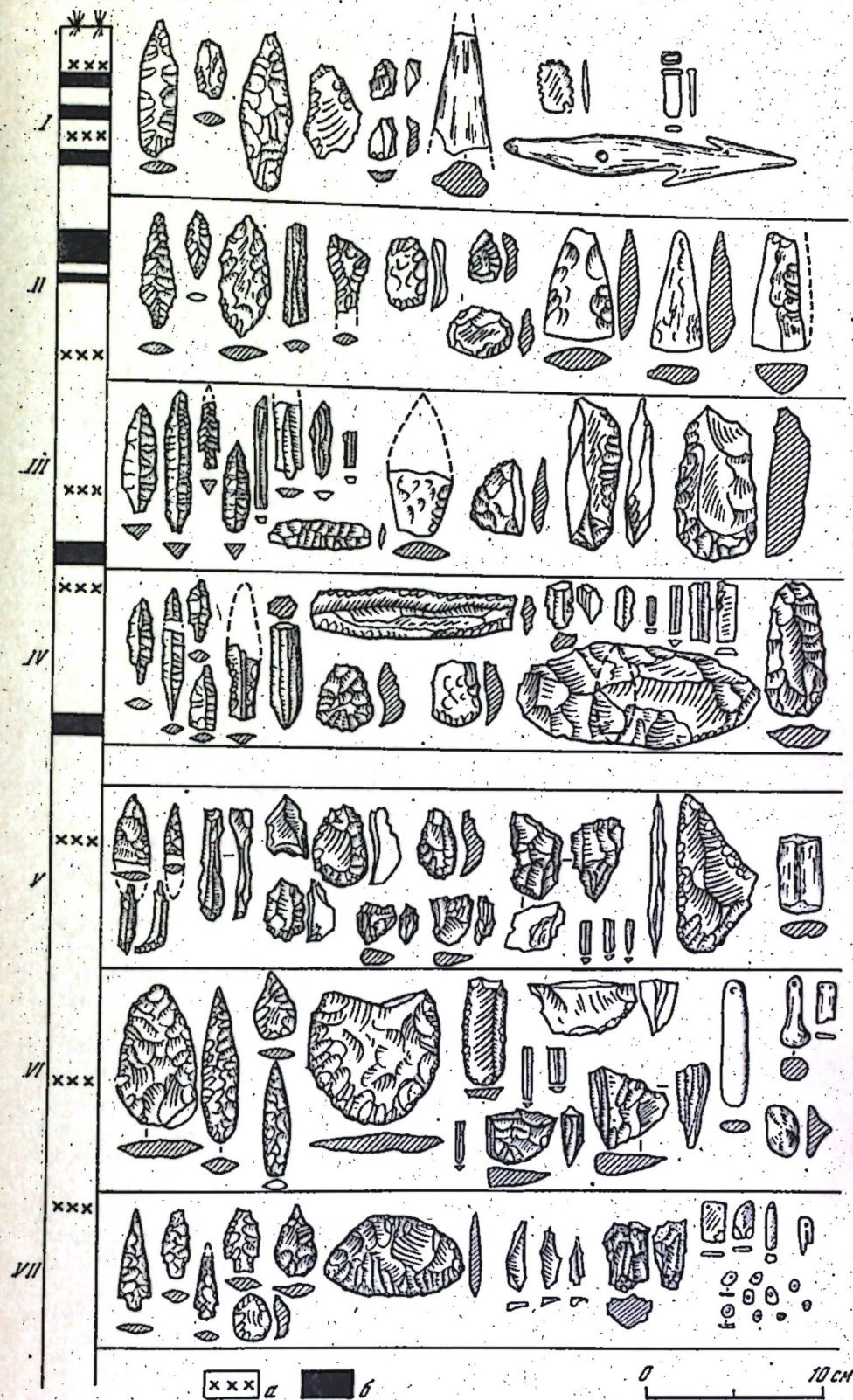

Рис. 1. Сменяемость археологических культур по данным Ушковских стоянок
а — культурные слои; б — слои вулканического пепла

Для хорошо уже известного позднего палеолита Камчатки, как и вообще более широкой области Северо-Восточной Азии, характерным признаком являются клиновидные пуклеусы. На Камчатке им сопутствуют обработанные с обеих сторон отжимной ретушью метательные наконечники (сначала черешковые, потом листовидные) и другие бифасные орудия. Этот развивающийся на протяжении нескольких тысяч лет палеолитический комплекс в реликтовом виде переходит там из плейстоцена в ранний голоцен (слой V). Все это хорошо видно в таблице стратифицированных комплексов Ушковских многослойных стоянок (рис. 1).

Но из этой же таблицы явствует, что в последовательности ушковских археологических комплексов имеется весьма заметный пробел — в несколько тысяч лет — между финальным палеолитом слоя V и более поздней культурой слоя IV. Этому пробелу на Алдане отчасти соответствует сумнагинская культура голоценового, как полагает Ю. А. Мочанов, палеолита (VIII—V тысячелетия до н. э.), которая, однако, по своему облику (без шлифованных орудий, керамики, бифасов и клиновидных пуклеусов, но с преобладанием ножевидных пластин) вполне мезолитическая. К этому не заполненному памятниками промежутку времени было бы вполне естественно отнести «мезолит» и на Камчатке. Возможно, названный пробел в развитии ушковских культурных комплексов скрывает если не весь этот переходный к неолиту период, то по крайней мере его начало. В пользу такого допущения свидетельствует характер находок в лежащих выше слоях IV и III Ушковских стоянок: отсутствие шлифованных орудий, керамики и клиновидных пуклеусов, массовое развитие индустрии ножевидных пластин вкладышевого вида. Особый интерес в этой связи представляет культурный комплекс слоя IV, к более подробному рассмотрению которого и целесообразно обратиться.

Культурный слой IV прослеживается на глубине 1,1—1,2 м на стоянках Ушки I, II, V в погребенной почве почти черного цвета (мощностью 10—20 см), перекрытой пластом вулканического пепла ярко-лимонного цвета. По палинологическим данным, этому слою соответствует значительно большая облесенность, чем в лежащих ниже слоях V—VII, свидетельствующих о тундровой растительности⁵. Именно этим, на наш взгляд, объясняется сокращение площади стоянок начиная со слоя IV и выше на Каменном мысе (Ушки I), по сравнению со слоями V—VII. Полностью находки в слое IV на Каменном мысе прекратились в раскопках уже в 1964 г. и сосредоточены они сравнительно на небольшой площади, непосредственно у самого Каменного мыса. Между тем нижние, палеолитические слои не исчерпаны здесь раскопками еще до сих пор.

От местной палеолитической культуры в культуре слоя IV удержалась весьма слабая традиция использования призматических пуклеусов, в частности односторонних, скальвание более или менее правильных ножевидных пластин разных размеров и использование их главным образом без обработки. Продолжалась выделка бифасов, достигавших порой крупных размеров (рис. 1). По-прежнему еще изредка использовались двустороннеретушированные продолговатые наконечники стрел, которые стали шире, а узкие их прототипы полностью вышли из употребления. Сохранилось еще использование скребков на широких пластинах, обработанных со всех сторон краевой ретушью, а также концевых скребков на отщепах. В целом же палеолитических традиций в индустрии ранней неолитической культуры осталось очень мало, наиболее заметной оказалась полная утрата технического навыка обработки клиновидных пуклеусов.

Вместо них широкое развитие получили различного рода призматические и конусовидные пуклеусы и производные от них формы. Ножевидные пластины часто более крупные, чем прежде, форма их становится строго геометрической, и края во многих случаях со всех сторон обрабатываются ретушью. Крупные и средние по величине пластины теперь коли-

чественно преобладают над микропластинками. Появляются срединные резцы на пластинах. Обнаружены также боковой резец на большой пластине, ретушированной по краю, и пластина с боковой выемкой. Развивающиеся также скребки, применяются сплошь оббитые скребловидных пластин, лишь частично ретушированных по краям. (Один из них (рис. 1, 2), вероятно, был без черешка.) К ипновациям можно отнести также серию ромбических в поперечном сечении наконечников стрел с более или менее четко выделенным треугольным черешком, обработанных кривой ретушью.

Судя по материалам других территорий, комплексов, полностью идентичных описанному, не имеется. Его отдельные элементы рассеяны почти по всей Северной Азии, включая Чукотку, на европейском севере и в меньшей степени в арктической Америке. Наибольшей концентрации они достигают в бассейне р. Лена, в Ангара-Енисейском районе, в Казахстане, Забайкалье и на Японских островах, где возраст их колеблется от VIII до III, иногда II тысячелетия до н. э. Древнейшие элементы сосредоточены на Алдане, в Прибайкалье, Забайкалье и на Японских островах.

Наиболее близкие аналогии встречаются на Чукотке на р. Амгуэма на Третьей стоянке (у 102 км). Там найдены кремневые конические пуклеусы и наконечники стрел ромбического сечения. К сожалению, обнаружены только их обломки, но все же их можно сопоставить с ушковскими находками из слоя IV. Третью стоянку, резко отличающуюся от других Амгуэмских стоянок отсутствием керамики и своеобразными наконечниками, вполне можно считать древнейшей в долине Амгуэмы и, вероятно, на Чукотке⁶. Сходство этого амгуэмского бескерамического комплекса с камчатским настолько близко, что его можно было бы отнести вместе с комплексом слоя IV Ушковских стоянок к одной и той же культуре, назвав ее камчатско-амгуэмской. Если мы этого пока не делаем, то только потому, что амгуэмский комплекс, к сожалению, состоит из сборов на поверхности и поэтому не имеет стратиграфической привязки. К тому же он содержит и весьма характерные вещи, однако слишком немногочисленные.

На Алдане сумнагинской мезолитической культуре VIII—V тысячелетий до н. э. присущи целиком нешлифованные оббитые скребловидные тесла из слоя 8 (дата VI—V тысячелетия до н. э.), сходные с ушковскими из слоя IV Ушковской II стоянки, такие же призматические пуклеусы и целая серия сходных конических пуклеусов, обработанных со всех сторон (в том числе карадашевидных) или односторонних, а также ножевидные пластины с ретушью по краям и без нее⁷. Все эти аналогии можно рассматривать как свидетельство об определенной роли сумнагинской культуры в происхождении рассматриваемого Ушковского комплекса.

В слоях 7—6 стоянки Белькачи I, которые Ю. А. Мочанов относит к особой сылахской культуре с сетчатой керамикой (IV тысячелетие до н. э.), также имеются сходные вещи: круговые и односторонние призматические пуклеусы, ножевидные пластины (в том числе ретушированные) и наконечники стрел с заточенным треугольным черешком, значительно более плоские, но все же отдаленно напоминающие ушковские наконечники с ромбическим сечением и с четко отделанным черешком⁸. Но сылахская культура существенно отличается от камчатской наличием керамики.

В свете данных сопоставлений время культурного комплекса слоя IV Ушков II определяется, видимо, в пределах IV—III тысячелетий до н. э. Решающими для этой датировки являются аналогии прежде всего с алданскими комплексами — сумнагинским (VIII—V тысячелетия до н. э.) и сылахским (IV тысячелетие до н. э.). Нижняя временная граница слоя

IV ушковского комплекса соответствует периоду перехода от сумнагинской культуры к сыалахской. Верхняя же граница даты обусловлена возрастом лежащего выше слоя III, который, судя по трехгранным (напильниковидным) наконечникам стрел, вряд ли может быть древнее II тысячелетия до н. э.

В технологическом отношении культурный слой III еще очень близок слою IV. Разница наблюдается только в форме наконечников стрел. Здесь имеются те же нешлифованные скребковидные тесла и так же господствует индустрия вкладываемых ножевидных пластин.

Судя по всему, известная ныне камчатская «позднемезолитическая» или раннеолитическая культура возникла в результате дивергенции более широкой послепалеолитической («мезолитической») культурной общности, в которую в VIII—V тысячелетиях до н. э. включились сумнагинцы. В этой камчатской культуре еще удерживались некоторые местные, восходящие к раннему послепалеолитическому времени элементы. Оказавшись в изоляции, ее носители значительно дольше своих соседей на Чукотке и в Якутии сохраняли архаичную технику и в частности обычное обходиться без глиняной посуды, видимо, применяя древний способ кипячения воды с помощью раскаленных камней.

Таким образом, Камчатский полуостров в эпоху неолита долго еще оставался областью пережиточных послепалеолитических («мезолитических») традиций, подобно тому как до этого, в начале голоцена, он был областью своеобразной реликтовой палеолитической культуры.

¹ Диков Н. Н. Верхний палеолит Камчатки. — СА, 1969, № 3; он же. Древнейшее историческое прошлое Камчатки. — Краеведческие записки, IV. Петропавловск-Камчатский, 1973.

² Имеется в виду исследование стратиграфического разреза стоянки Ушки V в 1974 г. геологом Э. Э. Титовым.

³ Chard C. S. Early Radiocarbon Dates for Pottery in Japan and their Implications. — In: VIII International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Moscow, 1964.

⁴ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.

⁵ Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. — Труды Камчатского научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР, 17, 1967, с. 38.

⁶ Диков Н. Н. Палеолитические и древнейшие неолитические следы человека на Чукотке. — В кн.: Изучай свой край. Магадан, 1973.

⁷ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I..., табл. 10; 6, 6, 12; 2, 15; 1, 6; 3, 9; 12.

⁸ Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I..., табл. 13, 7; 8; 22, 19, 20, 24, 26; 14, 19, 21; 24, 8.

А. Я. ЩЕТЕНКО

МЕЗОЛИТ ИНДОСТАНА

Изучение мезолитических комплексов Индостана¹ продолжается более 100 лет², однако до сих пор многие вопросы, связанные с выделением и хронологическим определением этого периода, далеки от своего разрешения³. Мезолитические местонахождения известны по всему Индостану⁴, но есть районы, где они пока не обнаружены. Это Ассам, Пенджаб, территория между реками Кришна и Маханади, морское побережье к югу от Бомбея.

Выделяются поселения двух основных типов: 1) естественные пещеры и площадки под скальными навесами и 2) открытые стоянки по бе-

регам рек, на склонах или у подошвы холмов, на песчаных речных дюнах и на морском побережье. Особое значение в ту эпоху имело обеспечение каждого поселения сырьем для изготовления каменных орудий. Закономерность, отмеченная Х. Д. Санкална для палеолита⁵, прослеживается и в мезолитическое время. Так, постдеканская траповая зона снабжена (мастерские Суккур, Рохри, Дханери). Деканская траповая зона давала агат, халцедон, яшму для обитателей Северного Декана (мастерские Пуна, Кандивли). Предеканская траповая зона обеспечивала сланцами и кварцитами юг Декана и Восточную Индию (мастерская Нитур). Мезолитические поселения, удаленные от основных источников сырья, получали его путем опосредованного обмена из различных мастерских по добыче кремня, поэтому в некоторых контактных зонах существовали орудия, изготовленные из материалов всех перечисленных выше зон. Общая картина использования различного сырья для изготовления каменных орудий в мезолите представлена в табл. 1. Выделив три основные и одну промежуточную (Уттар-Прадеш) области на территории Индии, удалось выявить основные сырьевые ресурсы для каждого региона.

В индийской археологии пока еще не созданы типологические схемы микролитических орудий и не выявлены ареалы различных типов. Каждый исследователь выступает со своей классификацией и терминологией. Тем не менее уже сейчас удается наметить наиболее характерные типы и территории их распространения. Наиболее общими типами, характерными почти для всех стоянок, являются пластины с притупленной (плоской) спинкой и со скошенным краем (край оформлен высокой ретушью); остроконечники симметричные и асимметричные, сделанные главным образом на пластинах; различные скребки — боковые, концевые, дисковидные, микроскребки; сверла. Геометрические микролиты (треугольники, сегменты, трапеции) найдены не везде. Все разнообразие основных типов орудий мезолитических стоянок, включая и отходы производства (нуклеусы, отщепы, краевые сколы), сводится к 13 главным типам, распространение которых по четырем намеченным областям Индии представлено в табл. 2.

В мезолитическую эпоху широко использовались, вероятно, дерево, тростник и кость. В Лангхнадже найдена «наковальня» из плечевой кости носорога⁶. Встречены кости с явными следами обработки. Одна из длинных (32,5 см) костей с четырьмя зубцами с одной стороны и одним зубцом — с другой, как полагают, представляет собой прообраз гарпунов, которые изображены в настенной живописи Мирзапура (возможно, мезолитического времени)⁷. Костяное шило найдено в Джабалпуре.

Таким образом, инвентарь мезолитических местонахождений Индостана характеризуется главным образом микролитическими сериями как геометрических (в основном — сегменты, реже — треугольники и трапеции), так и негеометрических (остроконечники, острия, скребки и т. д.) форм. Встречены также резцы — орудия, более характерные для палеолитической эпохи.

Погребения мезолитического времени известны пока только в двух местах: в Гуджарате (Западная Индия)⁸ и в Лекхахнии (Уттар-Прадеш)⁹. В Гуджарате погребения обнаружены на стоянках Лангхнадж (11 могил) и Валасна (2 могилы). Умершие погребены в сильно скорченном положении на правом (три) или левом (восемь) боку, головой на юго-запад (шесть) или на северо-восток (пять). Погребального инвентаря нет. Иной погребальный обряд отмечен в Лекхахнии. В одном из скальных навесов на глубине 42 см от поверхности прослежены могильные ямы 17 погребений. Стратиграфически выделено восемь фаз с погребениями, причем самое раннее из них относится к фазе с негеометрическими микролитами. Все костяки лежали на спине, в вытянутом положении, головой на запад (лишь два из них обращены головами один — на

Таблица 1

Характеристика мезолитических памятников по материалам

Область	Агат	Горный хрусталь	Кремень	Карнелин	Кварц	Кварцит	Кремнистый сланец	Опал	Халцедон	Яшма
Южная Индия	1*	5	1	—	3	3	1	—	1	2
Восточная Индия	21	—	5	5	5	21	26	21	26	21
Уттар-Прадеш	11	—	—	1	11	—	4	—	10	—
Западная Индия	81	1	—	6	20	—	56	—	84	69
Итого	114	6	6	12	39	24	87	21	121	92

* Цифры указывают на число стоянок, на которых найдены орудия из того или иного материала.

Таблица 2

Распространение основных типов орудий в мезолитических памятниках

Область	Нуклеусы	Нуклеусы не-лобчатые	Отщепы	Краевые сколы	Пластины	Ноневидные пластины	Сегменты	Трапеции	Треугольники	Скрепки	Остроконечники	Резцы	Сверла
Южная Индия	2*	23	23	3	1	25	5	2	—	6	3	1	1
Восточная Индия	4	5	—	4	17	1	8	—	—	13	16	11	5
Уттар-Прадеш	4	3	—	—	16	16	15	—	—	3	4	14	—
Западная Индия	48	78	23	24	108	43	54	3	3	57	64	2	13
Итого	58	109	46	21	142	85	82	5	3	79	87	28	19

* Цифры указывают число стоянок, на которых найден тот или иной тип.

юг, другой — на север). Во всех погребениях найдены микролитические орудия, а в четырех могилах оказались куски охры и латеритовые желваки.

Проблема относительной и абсолютной хронологии мезолитических местонахождений Индостана до сих пор еще не получила своего окончательного решения, что объясняется рядом причин. Во-первых, вопрос о выделении мезолитической эпохи долгое время оставался дискуссионным. Во-вторых, лишь в самые последние годы были открыты верхнепалеолитические комплексы, которые типологически могут быть увязаны с ранними мезолитическими и, таким образом, служат нижней гранью для мезолита¹⁰. Наконец, исследования последних лет позволили выявить в стратиграфических колонках и финальные комплексы мезолита, связанные с комплексами неолитической эпохи¹¹. Так, на стоянках Западной Индии и Уттар-Прадеш отмечено следующее чередование: вначале — комплексы с негеометрическими микролитами, затем — геометрические микролиты, и верх колонки — геометрические микролиты с керамикой грубой ручной выделки¹². В абсолютных датах мезолит Индостана помещается в пределах VIII—VII тысячелетий до н. э.¹³

Несмотря на отмеченные выше различия в распространении основных типов орудий, характере сырья для каменной индустрии, погребальном обряде, четыре основные области Индостана в мезолитическую эпоху объединяла и общая черта — тип хозяйства. Это было хозяйство охотников, рыболовов, собирателей, осваивающих те или иные пищевые ресурсы, в зависимости от местных экологических условий. Так, в Западной Бенгалии стоянки, сосредоточенные по берегам рек, относятся к тому

периоду, когда мягкий и увлажненный климат способствовал развитию лесной растительности. Жившие там племена занимались в основном охотой и рыболовством. В Гуджарате, судя по остаткам фауны, охотились на антилопу, носорога, индийского буйвола, волка и козла. Рыболовство и промысел черепах также играли заметную роль в хозяйстве этих племен. В Махараштре наряду с охотой практиковался сбор моллюсков. На Мадрасских дюнных стоянках основу хозяйственной деятельности составляли морской промысел и собирательство, охота же играла вспомогательную роль. Зато стоянки горных и лесной областей имеют вид типичных охотничьих стоянок: здесь найдены обожженные, расколотые и обработанные кости диких животных. В Багоре, например, охотились на пятнистого оленя, индийского дикого кабана, индийского шакала. Не пренебрегали также крысами, черепахами и ящерицами.

Таким образом, мезолитический период Индостана в социологическом плане характеризуется как эпоха с хозяйством присваивающего типа, которое по ряду объективных причин (изолированность, удаленность от основных центров происхождения культурных знаков) продолжало господствовать здесь во многих уголках, отражая одну из особенностей первобытной истории Индостана, — неравномерность и замедленность темпов исторического развития.

¹ Индостан включает территории современных государств Индии, Пакистана и Бангладеш. Материалы по мезолиту Шри-Ланка весьма незначительны. См.: Борисковский П. И. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971, с. 115—122.

² Одни из первых мезолитических орудий были найдены в 1866 г. У. Т. Бленфордом в Центральной Индии. См.: Дикшит С. К. Введение в археологию. М., 1960, с. 200.

³ В 1964 г. в г. Пуна (Индия) состоялся специальный симпозиум, на котором обсуждалась проблема мезолита. См.: Misra V. N. Mesolithic Phase in the Prehistory of India. — In: Indian Prehistory, 1964. Poona, 1965, p. 70—82. Там же дана основная библиография по этому вопросу.

Нами учтено в Западной Индии 599 мезолитических местонахождений, в Восточной Индии — 193, в Южной Индии — 57, в Уттар-Прадеш — 102, а в Пакистане — только 6. В основу выделения положен технологический принцип. Комплексы, в которых встречены керамика или металлические предметы, мы не учитывали. Таким образом удалось избавиться от многих недоразумений, свойственных работам индийских исследователей, выделявших «мезолит с керамикой», «мезолит с металлическими орудиями», «мезолит с полированными топорами».

⁵ Sankalia H. D. Stone Age Tools. Poona, 1964, p. 114, 115; Щегленко А. Я. Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л., 1968, рис. 1.

⁶ Zeuner F. E. Microlithic Culture of Langhnaj, Gujarat. — Man, LII, N 182, 1952, p. 130.

⁷ Cockburn J. On the Recent Existence of Rhinoceros Indicus. — JASB, LII, N 2, 1883, p. 56—64.

⁸ Sankalia H. D. Excavations at Langhaj: 1943—63. Poona, 1965, p. 12—17.

⁹ IA, 1963—1964, p. 51—53.

¹⁰ Murty M. L. Blade and Burin Industries near Renigunta on the South-East Coast of India. — PPS for 1968. XXXIV; Allchin B., Goudie A. Dunes, Aridity and Early Man in Gujarat, Western India. — Man, 6, N 2, 1971, p. 260—264.

¹¹ IA, 1960—1961, p. 13; 1962—1963, p. 38; Lal B. B. Indian Archaeology Since Independence. Delhi, 1964, p. 212.

¹² IA 1962—1963, p. 38; 1963—1964, p. 49, 51—53; Lal B. B. Indian Archaeology..., p. 16.

¹³ Нижняя дата мезолита Индостана опирается на датировки верхнепалеолитических комплексов Гуджарата, которые помещаются в пределах 40—12 тыс. лет до наших дней (см.: Allchin B., Goudie A. Dunes, Aridity and Early Man..., p. 264). Верхняя дата подкрепляется стратиграфическими данными Рангпура, где слои харанской культуры перекрывают мезолитический комплекс, аналогичный гуджаратским сериям (см.: Rao S. R. Excavations at Rangpur and Other Explorations in Gujarat. — AI, N 18-19, 1963, p. 53, fig. 13), и радиоуглеродной датой по образцу из мезолитического слоя Лангхаджа — 3399±110 (2040 г. до н. э.) (см.: AI, 1967—1968, p. 69).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Н. И. Гурина. Некоторые итоги и ближайшие задачи изучения мезолита СССР	4
В. И. Тимофеев. Абсолютная датировка мезолита Европы по данным C ¹⁴	6
П. М. Долуханов. Мезолит: экологический подход	13
Н. М. Ермолова. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой	17
Н. И. Гурина. К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР	20
Д. Я. Телегин. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе европейской части СССР	30
М. К. Габуния, Л. Д. Церетели. Мезолит Грузии	34
Л. Г. Мацкевой. Некоторые итоги изучения мезолита Восточного Крыма	41
В. И. Станко. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья	46
В. Ф. Исаенко. Мезолит Припятского Полесья	53
В. Ф. Копытин. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии	60
Р. К. Римапене. Основные черты мезолита Литвы	66
И. Загорска, Ф. Загорскис. Мезолит Латвии	69
Л. Я. Крижевская. Еще раз о мезолите среднерусского Днепро-Донского междуречья	75
Н. И. Гурина. Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги	78
Г. А. Панкрусев. Памятники эпохи мезолита в Карелии	83
И. В. Вережагина. Мезолитические памятники на Северной Двине	89
М. Г. Косменко. Мезолит Среднего Поволжья	94
А. И. Мелентьев. Мезолит Северного Прикаспия	100
Г. Ф. Коробкова. Мезолит Средней Азии и его особенности	108
А. П. Окладников. Мезолит Дальнего Востока (докерамические памятники)	115
Н. И. Диков. К проблеме «мезолита» на Камчатке	120
А. Я. Щегенко. Мезолит Индостана	124

Памятники эпохи мезолита. КСНА, вып. 149

Утверждено к печати ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор А. Е. Сидоренко. Редактор издательства Н. И. Сергеевская
Художественный редактор И. К. Капранова. Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры П. А. Пирязев, Г. Н. Джиоева

Сдано в набор 22/II 1977 г. Подписано к печати 29/IV 1977 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 1800. Т-03297. Тип. зак. 1941. Цена 1 р. 08 к.

Издательство «Наука», 117485, Москва, Профсоюзная ул., 94-а
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10